

Я – ДОБРОВОЛЕЦ

ЭРИК ВАЛЛЕН

СС

«БЕРСЕРК» ГИТЛЕРА

Annotation

«Ragnar?k» («Гибель богов») – под таким заглавием мемуары Эрика Валлена увидели свет сразу после войны, а вскоре были переизданы уже как «Endkampf um Berlin» («Последние бои в Берлине») и под псевдонимом Викинг Йерк. Его судьбе и впрямь позавидовал бы любой из предков-берсерков, некогда наводивших ужас на всю Европу, – вступив в шведскую фашистскую партию Svensk Socialistisk Samling в 17 лет, Валлен добровольцем отправился на Зимнюю войну против СССР, а затем, дезертировав из армии нейтральной Швеции, воевал в Waffen-SS – в 5-й танковой дивизии СС «Викинг» и 11-й панцер-гренадерской дивизии СС «Нордланд», с которой прошел от Хорватии до Курляндского «котла» и от Померании до Берлина, был тяжело ранен в последних боях, но бежал из советского плена. И умер он полвека спустя не в домашней постели, а на слете ветеранов-эсэсовцев – чем не пропуск в нацистскую Валгаллу?..

До самого конца этот гитлеровский «викинг» ни в чем не раскаялся и ничего не понял, оставшись заклятым врагом не только СССР, но и русского народа, а его патологическая русофобия и бешеная ненависть к «славянским недочеловекам» – лучшая вакцина от «коричневой чумы». Такие книги надо не запрещать, а прописывать всем доморощенным фашистам и отпетым либерастам – полюбуйтесь на звериный оскал европейских «освободителей от сталинского ига», задумайтесь, что было бы с Россией в случае их победы, осознайте, какого страшного врага разгромила и загнала обратно в кровавую Валгаллу наша Красная Армия!

Перевод: Александр Больных

- [Эрик Валлен](#)
 - [Синдром Полтавы \(предисловие переводчика\)](#)

Эрик Валлен

Я – доброволец СС. «Берсерк»

Гитлера

Синдром Полтавы (предисловие переводчика)

В мировой истории есть несколько сражений, чьи названия давно стали нарицательными. Ну найдите мне хоть одного генерала, который не мечтает о своих, персональных Каннах?! Разумеется, в качестве Ганнибала, а не Варрона. Но были сражения не столь знаменитые, зато сразу переворачивавшие мировую историю. Может, один из противников даже успевал спасти кое-что после этой битвы, но больше не представлял собой серьезной угрозы ни завтра, ни послезавтра, ни через сто лет. Вот проиграл Наполеон Ватерлоо – и покати́лась история целой Европы по столь милым сердцу всех российских правителей самодержавно-крепостническим рельсам. Про Французскую империю уже и вспоминать было неприлично. Но даже эти громкие победы или не менее громкие поражения далеко не всегда оставались в памяти народа. Ну была какая-то там «Битва шпор» при Куртре – и что до нее Жаку-Простаку где-нибудь в Лангедоке? Это графья и маркизья балуются, а нас сие не касается.

Зато в российской истории такая битва имеется. Она практически сразу оставила после себя поговорку «Погиб, как швед под Полтавой», жаль только, что егэшное поколение слишком креативно, чтобы ее знать. Да, 8 июля 1709 года под Полтавой произошло сражение, которое во многом предопределило судьбу России, сразу шагнувшей в ряды мировых держав. Одновременно это же сражение поставило жирный крест на потугах Швеции играть какую-то роль в европейской политике, а заодно предопределило судьбы многих народов Восточной Европы. Можно ли требовать большего от одной-единственной битвы, к тому же, признаемся честно, не самой масштабной?

Потери шведов в Полтавской баталии были очень тяжелыми, но все-таки более половины армии сумели спастись. Однако слишком тяжелым был полученный удар, поэтому вскоре под Переволочной остатки шведской армии капитулировали, не сделав ни единого выстрела. Нам будут говорить, что король Карл XII имел меньше сил, чем царь Петр, и вообще пренебрегал артиллерией. Ну так это проблемы Карла, которые лишь подчеркивают глупость попыток объявить его гениальным полководцем. И вообще, Швеция как военная сила умерла под Полтавой! Она превратилась в мелкое государство где-то на диком Севере, играющее роль разве что в судьбах белых

медведей.

Нет, по инерции Швеция еще ухитрилась затеять целых три войны с Россией, но с самыми плачевными для себя результатами. Стоило ли так напрягаться, если за три войны шведская армия не сумела выиграть не то что ни одного сражения, но даже ни одной маленькой стычки?! Полным апофеgeeм этих, с позволения сказать, «войн» стали события 1744 года, когда Швеция, едва подписав мирный договор с Россией, буквально через неделю обратилась к ней же (!!!) с униженной просьбой о военной помощи против Дании. Все военные действия велись на территории Финляндии, которая в то время представляла собой нечто более дикое, чем современная сибирская тайга. В общем, все закончилось блистательным переходом русских войск через льды Ботнического залива в 1809 году, когда «властитель слабый и лукавый, плешивый щеголь, враг труда» мог одним росчерком пера поставить жирную точку в истории Швеции как суверенного королевства, превратив его в какое-нибудь полувассальное герцогство Седерманланд. Но не решился. А зря! Никто не мешал прибрать к рукам провинцию Норрботтен с богатейшими железными рудниками Кируны.

Впрочем, что мы все о делах давно минувших дней?! Ведь книга рассказывает о событиях Второй мировой войны. Дело в том, что Гитлер усиленно пытался превратить свой поход на Восток в крестовый поход всей Европы против мирового коммунизма и еврейства, но совершенно в этом не преуспел. Да, в составе германской армии действовали добровольческие подразделения, сформированные из граждан других стран, но численность их была слишком мала, чтобы играть серьезную роль в ходе военных действий. По самым завышенным оценкам, в составе Ваффен СС за годы войны побывали 360 000 иностранных добровольцев, не слишком много для шести лет войны. При этом большинство иностранных дивизий СС не отличались высокими боевыми качествами, хотя им давались громкие названия. Вот и эта книга рассказывает о приключениях шведа, воевавшего в составе 11-й добровольческой панцер-гренадерской дивизии СС «Нордланд», которая входила в состав III танкового корпуса СС. Между прочим, мало кто знает, что на самом деле это соединение именовалось III (Germanic) SS Panzer Corps. Вот как: 3-й германский танковый корпус СС. Заметьте, не Deutsche – немецкий, а именно Germanic – германский, название, символизирующее единство германских народов. В ее состав вошли 23-й («Норге») и 24-й («Данмарк») панцер-гренадерские полки СС. Вы спросите: а где же шведский полк? А нет его! Шведов заманить походом в Россию не удалось, видимо, на

уровне генетической памяти уже полтора века сидело в них: «Не ходи на Русь! Там живет шведская смерть!» Не получилось сколотить нордическое боевое братство, 6000 норвежцев, 6000 датчан – вот и все. А шведы, воевавшие в СС, прекрасно известны поименно, потому что было их ровно 262 человека! Желаящие могут без особого труда найти полный список этих добровольцев в Интернете. Между прочим, я пробежался по нему и сразу увидел фамилии героев этой книги.

Правда, и здесь все не слишком просто. Справедливости ради отметим, что во время Советско-финской войны на стороне финнов сражались 8402 шведа. Но, похоже, эта война тоже не добавила им оптимизма, потому что, когда в 1941 году военные действия вспыхнули снова, на помощь финнам отправились только 3273 шведа. Помочь финнам защищаться от «русского медведя» шведы еще кое-как соглашались, а ехать в Германию, чтобы участвовать в «крестовом походе», рискнули очень немногие. И вот здесь мы и сталкиваемся с автором этой книги Эриком Валленом.

Эрик Валлен родился 2 августа 1921 года в Стокгольме в добропорядочной шведской семье и вполне мог прожить свою жизнь спокойно и размеренно. Вообще, сытая и благополучная жизнь в Швеции не располагает к бурным приключениям, если только ты не Муми-тролль. Так случилось бы и с Эриком, если бы он в юности не вступил в Nordisk Ungdom – молодежную организацию шведской фашистской партии Svensk Socialistisk Samling. И вот с этого момента биография Эрика пошла бешеным зигзагом, о подробностях которого он предпочитает помалкивать. Впрочем, справедливости ради отметим, что вряд ли он был убежденным фашистом, какие, к черту, идеологические убеждения у 17-летнего сопляка?!

Скорее всего, только внешняя романтика войны и тяга к приключениям заставили его в 1939 году отправиться добровольцем в Финляндию, чтобы принять участие в так называемой Зимней войне. Эрик попал, наверное, на самый сложный участок фронта – в северную Финляндию. Казалось бы, холод, грязь и кровь отучат его искать романтику там, где она даже не ночевала, но нет. В 1941 году после вторичного нападения СССР на Финляндию Эрик опять отправляется повоевать, теперь он служит в батальоне «Ханко». В 1942 году он возвращается на родину и его призывают в шведскую армию, он попадает в зенитно-артиллерийский полк Lv 7, откуда в январе 1943 года дезертирует. При этом мягкие шведские законы совершенно не мешают ему выехать в Германию и записаться добровольцем в Ваффен СС.

Как ни странно, он отказывается принести личную клятву Адольфу Гитлеру, что было обязательно для эсэсовца, но его все-таки оставляют в 5-й танковой дивизии СС «Викинг», хотя довольно быстро переводят в 11-ю добровольческую панцер-гренадерскую дивизию СС «Нордланд». В составе этой дивизии он сражается в разных местах, и вот здесь начинаются неясности. В послужном списке упоминается Хорватия, но туда эсэсовцы в 1943 году могли попасть только в качестве карателей, а этим как-то не принято хвастаться среди правильных европейских фашистов. Потом он воюет в Прибалтике, в частности в Курляндском котле, Померании и Бранденбурге, в мае 1945 года сражается в Берлине. Там он получает тяжелое ранение и попадает в госпиталь, после чего начинается заключительная и не менее захватывающая часть его одиссеи.

Валлен каким-то чудом избавляется от эсэсовского мундира, который гарантировал ему практически верный расстрел, и бежит из госпиталя, хотя тот охраняется советскими солдатами. Он пробирается в шведскую дипломатическую миссию, несколько дней живет на конспиративной квартире (!), а потом вместе с товарищем отправляется пешком через половину Германии к британской зоне оккупации. Вы верите в это? Я – с большим трудом. Не проще ли предположить, что он был просто завербован советской разведкой, которая обеспечила переброску агента к месту будущей работы? Конечно, в Германии в то время царил страшный бардак, но не до такой же степени. Так или иначе, но Валлен через Бельгию и Данию возвращается на родину, где попадает на три месяца в тюрьму за дезертирство и кражу военного имущества (мундира). Опять эти мягкие шведские законы! После этого он пишет книгу, которая в декабре 1945 года выходит в Швеции под названием «Ragnarok» – «Гибель богов». В 1947 году книга была переиздана в Буэнос-Айресе под названием «Endkampf um Berlin» – «Последние бои в Берлине», причем под псевдонимом Викинг Йерк.

После войны Валлен много путешествовал, побывал в Марокко, Афганистане, где встречался с королем Закир-шахом. Во время путешествий Валлен успел пообщаться с известным советским писателем и пропагандистом Ильей Эренбургом. Законный вопрос: мирному, добропорядочному шведу такое надо? А вот советскому агенту – очень даже кстати.

Валлен скончался в 1997 году в Берлине на слете ветеранов дивизии СС «Нордланд» (и здесь ухитрился отличиться!), но похоронен в Стокгольме. Его могила расположена в 50 метрах от могилы его бывшего командира гауптштурмфюрера СС Ханса-Гесты Перссона, с которым вы еще встретитесь на страницах этой

книги.

Несмотря на скромный объем, книга Эрика Валлена открывает нам много любопытных деталей, касающихся последних боев в Берлине в мае 1945 года. Прежде всего несколько неожиданно выясняется, что далеко не все было благополучно и на германской стороне линии фронта. Для меня стали форменным откровением признания Валлена, что им стреляли в спину, то есть Германия в эти последние дни была далеко не столь монолитной, как в период побед.

Еще один интересный психологический момент. Уже во второй книге, которую мне пришлось переводить, бывшие солдаты противника описывают тот ужас, который вселяли в них «Сталинские органы», или «Катюши». Это вам не советские агитки военных времен, а невольные признания злейших врагов Советского Союза и Красной Армии. И Леон Дегрелль, и Эрик Валлен признают, что они до судорог боялись «Катюш».

Я неспроста упомянул здесь Леона Дегрелля, которого с Валленом роднит патологическая звериная ненависть к русским. Собственно, и для Дегрелля, и для Валлена, и вообще для **всех** правильных европейских фашистов и эсэсовцев русский народ не существует. Нам опять рассказывают про диких косоглазых вонючих монголов, которые пришли порушить великую европейскую цивилизацию. А вот что делали эти цивилизаторы на Дону и Волге, авторы скромно умалчивают. В последнее время модным стало размахивать интервью, которые битые эсэсовцы давали спустя полвека после окончания войны, распинаясь, как они любят Россию и великий русский народ. Ну, еще бы, в 1990-х годах начнешь бормотать про «славянских недочеловеков», так, чего доброго, в приют для слабоумных попадешь. А вот книги, написанные сразу после капитуляции Германии, прекрасно показывают, что **действительно** думают о России и русских эти, с позволения сказать, герои. Почитайте, как Валлен искренне недоумевает, почему славянские рабочие, которых привезли в Германию и позволили работать на благодатных немецких господ, этих самых господ ненавидят и убивают.

Небольшая документальная вставка. Во время визита в шведское посольство в Берлине в октябре 1941 года два шведских добровольца СС сообщили, что солдаты дивизии СС «Викинг», значит, и они сами, обращаются с пленными крайне жестоко и убивают их. Шведский военный атташе записал: «Ваффен СС редко берут пленных. Если только они не сдаются группой большой численности – более роты, их расстреливают на месте. С пленными обращаются очень грубо, их подгоняют

пинками и ударами. Женщин в форме убивают немедленно. Так поступают не только СС, но и Вермахт». (Westberg, Lennart, «Svenska frivilliga i tyska *Waffen SS* 1941–1945» in *Meddelande Armémuseum* .) Заметьте, это нейтральный свидетель, не питающий любви к Советскому Союзу и русским, как все шведские военные, но все-таки не доброволец СС.

Поэтому помните, какую участь готовили нам не только нехорошие гитлеровцы, но и чистенькие европейские фашисты! Помните, от чего нас избавила Красная Армия!

Глава 1 Сочельник, 1944–1945

Вместе с группой армий «Север», которая состояла из 16-й и 18-й армий, III танковый корпус СС под командованием обергруппенфюрера СС Феликса Штайнера был отрезан от остальных немецких войск и попал в Курляндский котел. Для окруженных войск особую важность представлял морской порт Либава. С середины октября 1944 года танковый корпус Штайнера, состоящий из 11-й («Нордланд») и 23-й («Нидерланден») панцер-гренадерских дивизий СС, удерживал линию фронта от Приекуле через Пурмсати и до Скоудас.

Основная линия обороны проходила вдоль железной дороги через развалины Пурмсати и деревеньку Бункас. По одну сторону путей стояли войска СС, по другую – Красная Армия. Бункас находился примерно в километре к северу от Пурмсати. В то время было очень холодно, до минус 30 градусов.

Мы сидели за грубо сколоченным столом в блиндаже и играли в карты, слушая по радио новогоднее обращение главнокомандующих видов войск и веселенькие рождественские песни. Мы, как могли, украсили наш бункер к Рождеству. У нас была елка, свежесрезанные еловые ветки и даже мишура, а еще маленькие сувениры, которые принесла перед Рождеством полевая почта. К Сочельнику в нашем временном подземном бункере царила почти домашняя атмосфера. Загрубелые, потрескавшиеся от мороза солдатские руки бережно и нежно собирали по кусочкам это новогоднее чудо, чтобы каждый мог насладиться духом Рождества. Мы все еще могли волноваться о таких мелочах в последние дни декабря.

В походной печке у нас было несколько котелков с дымящимся горячим *глоггом*, северной версией подогретого вина со специями. То один, то другой солдат подходил к печке и делал полный глоток из котелка, вычищенного до блеска по такому случаю. Мы с наслаждением курили специальные, рождественские сигареты, которых тогда у нас было в избытке. Их доставила каждому полевая почта, и с ними в пакетах были сладости и печенье. Игральные карты звучно шлепали по грубой поверхности стола, и тихое звучание рождественских песен по радио изредка прерывалось чьим-нибудь азартным комментарием об игре или храпом одного из товарищей, вернувшихся из дозора. Эти ребята спали, вырубившись прямо на полу, и это нормальный сон для солдат первой линии обороны.

Раздался громкий звон полевого телефона. Это был наш командир роты, который хотел поговорить со мной

о корректировке запланированного на завтра обстрела. Наши минометы должны были обстрелять новую цель во вражеских позициях. Он приказал мне дойти до нашего наблюдательного пункта, расположенного ближе всех к позициям противника, за пределами Бункаса, и осмотреть территорию, по которой мои минометчики будут стрелять утром.

Один из моих друзей принял мои карты и сел за стол вместо меня, а я, обрядившись в белый камуфляжный костюм, забросил на плечо патронташ и пистолет-пулемет и нацепил на голову выкрашенный белым шлем. Уже на выходе я оглядел наш блиндаж, присосавшись к *глоггу* из своего котелка. Внезапно он показался мне таким уютным и удобным, несмотря даже на утоптаный земляной пол. В свете рождественских свечей по буро-черным земляным, слегка украшенным стенам плясали тени столпившихся у радио солдат. Я, зажав под мышкой свой верный и незаменимый «МР-40», кивнул игрокам за столом, а затем пинком открыл замерзшую, белую от снега дверь и вышел в ночь.

Луна выглядывала из-за посеребренного ее светом облака, и ее яркий мерцающий свет заливал все вокруг. Все линии казались бритвенно-острыми и были отчетливо видны в свете, отраженном от холодного сверкающего снега. Несколько деревьев, изрядно покалеченных пулями и снарядами, с расколотыми стволами и перепутанным переплетением веток, напомнили мне гротескные фигуры персонажей сказок, вроде хобгоблинов или домовых.

Деревня – или маленький городок, как хотите, – тоже выглядела менее реальной, чем обычно: там, где раньше стояли дома, из груд щебня и покореженных балок поднимались только одинокие, почерневшие от огня печные трубы, уцелевшие после артиллерийского и минометного огня русской армии, едва прикрытые снегом. В укутанной снегом мертвой деревне то там, то тут на земле можно было рассмотреть чернеющие ямы – следы артобстрела. От артиллерийских снарядов на промерзшей земле остались черные пропаханные борозды, а вот мины калибра 120 мм оставляли после себя круглые дыры с черными обгорелыми следами вокруг.

Руины казались безжизненными. Но, зазвучи сигнал тревоги, предупреждающий о вражеской атаке, сразу можно было бы увидеть, как среди развалин мелькают группы людей, потому что в подвалах разрушенных домов прятались солдаты, готовые выбежать из своих укрытий, добраться до окопов и встретить большевиков смертоносным огнем.

Таким был канун Нового года 1944–1945 годов в Бункасе, крошечном «гнездышке» в Курляндии, чьи развалины подарили

нам укрытие от легкой смерти на открытом пространстве вокруг деревни. Из-за этого деревня стала связующим звеном линии защиты курляндского плацдарма, которую солдаты называли ПКО – Последний край обороны в Курляндском котле. Полностью отрезанные от Германии, мы стояли там, готовые отразить любую, даже самую жестокую атаку с востока из Азии.

После трех с лишним лет борьбы на Восточном фронте и двух лет постоянного отступления наш боевой дух все еще не был сломлен. Мы выживали в самых тяжелых условиях. Каждый день мы сталкивались лицом к лицу со смертью и разрушением. Иногда простые солдаты были истощены физически и морально, но их боевой дух оставался несокрушимым. Наша вера держалась в основном на убежденности в том, что наше оружие превосходит вооружение врага и наши боевые навыки легко выдержат натиск неотесанных варваров с востока.

Да, каждый день мы слышали в сводках по радио, как американские и британские войска постоянно теснят наши армии на западе, как целые армады гигантских бомбардировщиков сбрасывают свой смертоносный груз на города Германии, уничтожая дома и людей. Но мы также знали, что самые важные промышленные предприятия Германии давно переведены под землю и неуязвимы для воздушных атак. Мы знали, что производство более совершенного оружия вскоре будет поставлено на поток и что немецкие войска на Западном фронте буквально несколько дней назад начали успешное наступление в Бельгии и Люксембурге. Скоро это ужасное давление превосходящих сил противника прекратится, нужно потерпеть только несколько месяцев.

А потом мы нанесем сокрушительный ответный удар, уничтожая все на своем пути, особенно здесь, в Курляндии. Здесь, на изолированном острове сопротивления, 11-я панцер-гренадерская дивизия «Нордланд» и остальные части имели очень важную задачу. Мы жестко и непоколебимо отбивали неистовые атаки Красной Армии и должны были подарить передышку нашим резервам, которые в то время собирали в Германии.

Я погасил свою слишком заметно светящуюся сигарету о дверь блиндажа, который занимали мои минометчики. Он находился всего в 300 метрах от линии фронта. Бункер командира роты, в свою очередь, располагался в подвале бывшей железнодорожной станции. Он сказал мне сначала зайти к нему, чтобы получить дальнейшие указания. На самом деле, идти туда было довольно далеко, но на протяжении всего пути я мог не бояться, так как был надежно укрыт от вражеских наблюдателей. Я перекинул патронташ на другое плечо, крепче сжал свой

автомат в руках и пошел, пнув походя заколоченный труп замерзшей крысы с отвратительно торчащими под верхней губой зубами. О, в Бункасе было множество огромных крыс.

Множество ругательств слышали развалины Бункаса на шведском, немецком, датском и норвежском языках, а затем, наверное, на русском и монгольском. Я тоже ругался, пока добирался до бункера командира, спотыкаясь о промерзшие кирпичи. К счастью, мне не приходилось беспокоиться о русских снайперах, которых вообще-то в нашем секторе было многовато. Нам нужно было следить только за артиллерией и минометами. Однако они, наверное, тоже справляли Сочельник, и потому сейчас было тихо. На подгибающихся ногах я подошел к защитной стене, которая проходила метрах в двадцати от бункера командира роты. Пространство от стены до бункера отлично просматривалось со всех сторон, а недавно русским удалось отвоевать небольшой пригорок по ту сторону железнодорожной насыпи, с которого этот участок отлично простреливался. Крадучись и пригибаясь, я пробежал эти двадцать метров и успел скрыться за дверью бункера как раз в тот момент, как на пригорке застрекотал пулемет. С неприятным свистом пули ударялись о кирпичную кладку стены, рикошетом отлетая дальше, в развалины.

Доложив командиру роты, который играл в шахматы, я получил разрешение на небольшой отдых в приятном тепле бункера. Командиром был мой земляк, оберштурмфюрер СС Ханс-Геста Перссон, он же ГП. Строгая дисциплина и порядок даже в мирные часы на передовой, которых можно достигнуть только через настоящее товарищество между офицерами и подчиненными, помогали войскам СС сражаться. Не знаю, возможно ли это, но командиру в своем бункере удалось создать еще более уютную атмосферу, чем у нас, в бункере минометчиков. Надпись на стене гласила «Важнее золота домашний наш очаг», и странно было видеть упоминание о доме здесь, на дальнем Восточном фронте.

Не прерывая партию в шахматы, командир роты отдал мне приказ, который касался как раз того самого «беспокоящего» пулеметчика, которого нам нужно было уничтожить. Нашим минометчикам нужно было превратить этот пригорок в могилу для любого солдата Красной Армии, который посмеет туда прийти. Командир роты плеснул мне шнапса из бутылки «для согрева», как он сказал, и я вышел, чтобы лично все осмотреть. Глубокая траншея привела меня к двум солдатам, сидящим в своем окопе возле пулемета. Шла ожесточенная перестрелка, и я поинтересовался у ребят, что происходит.

– Да они просто палят в небо, вроде как салют к Сочельнику, а мы отвечаем.

К тому моменту эта сумасшедшая стрельба началась буквально по всему нашему сектору, везде, с обеих сторон, раздавались залпы орудий.

– Кажется, они там вконец упились, – сказал пулеметчик. – Слышите, как они дерутся там, у себя!

С другой стороны насыпи, всего в 50 метрах от нашего пулеметного гнезда, большевики расположили свои передовые позиции, обороняемые солдатами только по ночам. Иногда они подбирались к нашему охранению и швыряли в часовых ручными гранатами. Днем их окоп пустовал.

Некоторые доносящиеся оттуда сейчас звуки никак не подходили для обычной ночи на фронте. Кто-то играл на губной гармошке, и было слышно, как громко переговариваются остальные. Некоторое время спустя огонь с обеих сторон стал стихать и вскоре вообще прекратился. Даже громкие голоса большевиков стихли. В тишине и покое я смог продолжить свои наблюдения и вычисления для завтрашнего обстрела.

Такая погода была мне только на руку, потому что облака иногда проносились над линией фронта, скрывая меня своей тенью, пока я пробирался там, где обычно все было залито лунным светом. В часто обстреливаемой зоне сейчас было тихо, и тишина нарушалась только редким металлическим стуком оружия, случайно задевшего что-то, да тихим бормотанием со стороны врага. Даже привычного шума моторов машин и гула танков не было слышно. Лишь изредка в небо взмывала сигнальная ракета, и вспышка на мгновение озаряла пустынные развалины вокруг меня. О, этот Новый год на фронте!

Эта красота задержала меня после того, как я исполнил приказ командира. То ли из-за неподвижности, то ли из-за пресловутого духа Сочельника на меня напало какое-то странное настроение, пока я стоял в этой траншее с двумя своими товарищами. Мысли бродили где-то далеко. Но вдруг мои размышления были прерваны хриплым, гортанным окликом из траншеи русских, с другой стороны насыпи.

– Эй, камрад, ты чего такой серьезный? Опять получили капустный суп на ужин?

Говорили медленно, на ужасном ломаном немецком с монгольским акцентом, но тон был доброжелательным. В эту спокойную ясную ночь русских было слышно так же хорошо, как если бы они сидели с нами рядом, возле нашего пулемета. Один из пулеметчиков вцепился мне в руку, и мы уставились друг на друга в изумлении. В первый раз за три с половиной года войны

большевик заговорил с нами через полосу ничейной территории. Эта война была настолько горькой и ожесточенной, что, в отличие от Первой мировой, солдаты враждующих армий никогда – никогда – не переговаривались в часы затишья.

Когда мы опомнились от первого шока, мы громко рассмеялись, и этот смех распространился по остальным постам нашей линии охранения, где тоже слышали слова русского солдата. О, это была прекрасная шутка: медленная речь с чудовищным акцентом и эта общая солдатская ненависть к извечному капустному супу. Наш пулеметчик выпустил короткую очередь в небо смеха ради, и через мгновение стрекот пулеметов из соседних окопов наполнил тишину над полосой нейтральной земли. Потом все стихло, и мы затаились, ожидая, что же случится дальше.

– Зачем ты стрелял, камрад? – снова спросил голос из русской траншеи.

– Если ты придешь к нам и поиграешь немного на губной гармошке, – сказал пулеметчик, – я обещаю больше не стрелять.

Мы осторожно выглянули из нашего окопа. Это могла быть хитрая уловка, чтобы заставить нас почувствовать себя в безопасности, а потом быстро атаковать. Никогда не угадаешь. Изобретательность большевиков изрядно портила нам нервы на этой войне.

В ночном небе над нами не было ни облачка, и пронзительный, холодный свет луны, отраженный мерцающим снегом, превращал ночь в день. Все часовые вокруг слышали наш диалог и теперь с интересом ожидали ответа русского солдата, внимательно вслушиваясь в тишину. Стой стороны насыпи слышалось живое бормотание, но слов было не различить, однако было ясно, что наше предложение было взято на серьезное рассмотрение. Затем голоса русских стихли. Через распахнутые двери грузового вагона, сошедшего с путей и упавшего точно между нашим окопом и траншеей русских, я заметил силуэт, отлично видный на фоне белого снега: сначала голова, потом плечи – и вот уже солдата Красной Армии видно целиком. Он вместе с двумя его товарищами карабкался по насыпи со своей стороны.

Добравшись до вагона, шедший первым большевик сыграл несколько тактов на губной гармошке, начиная обещанный концерт. Русские предприняли несколько абсолютно безуспешных попыток взобраться на опрокинутый вагон. Очевидно, очень много водки плескалось тогда в их желудках, но, с другой стороны, Сочельник бывает только раз в году. На нашей стороне насыпи тоже царил хорошее настроение благодаря подаренному

шнапсу, пиву и вину, присланным полевой почтой. Пьяные большевики под всеобщий смех прекратили свои безуспешные попытки взобраться на вагон и вместо этого рядом встали перед ним с нашей стороны.

Первая мелодия была тяжелой и печальной, с привычными русскими переливами. Лица русских не были видны в тени, но зато я различал швы на их теплых и мягких одеждах, зрительно увеличивающих и без того крепкие фигуры солдат. Внезапно музыка переменялась, став более веселой и живой, похожей на казачьи пляски. Наш второй пулеметчик начал подпрыгивать в такт этой музыке, чтобы разогнать кровь в замерзших ногах, но был вынужден остановиться, потому что темп музыки все ускорялся и ускорялся, и парень не поспевал за ней. На неистовом крещендо эта мелодия оборвалась.

Стоящий посередине русский попытался поклониться и растянулся на снегу во весь рост под громкий хохот часовых с обеих сторон насыпи. После нескольких попыток ему удалось вновь встать на ноги, и, мне показалось, он был немного задет этим смехом. Когда смех стих, из траншеи большевиков раздался голос четвертого солдата. Он отпустил сальную шутку насчет неких частей тела, которую понял каждый боец на нашей стороне даже без перевода, и смех снова грохнул, как залп, над насыпью, отражаясь эхом от руин за нашей спиной. Эхо сопровождало наших новогодних музыкантов до самого их окопа, пока они, поддерживая друг друга и пошатываясь, пробирались по своей стороне насыпи.

Наш командир роты, который слышал весь этот смех, стоя у дверей бункера и предаваясь размышлениям, пришел к нам по соединительной траншее, чтобы узнать, что нас так развеселило. Возмущенные этим неожиданным концертом, мы втроем, перебивая друг друга, рассказали ему о том, что только что было, и о забавной новогодней шутке большевиков. Выслушав эту удивительную историю, командир сказал, смеясь:

– Я, конечно, слышал о таком, но не думал, что это может случиться здесь, на этой войне, да еще и перед нами, войсками СС, которые каждый большевик фанатично ненавидит! Все это похоже на байки скандинавских моряков. – Он задумчиво покачал головой. – Интересно, что иваны замышляют? За этой их добротой должно быть что-то еще.

Он посмотрел в укрепленное в траншее зеркало, повернул его в одну, в другую сторону, разглядывая ничейную зону и пространство позади русских траншей, и подытожил:

– Черт возьми, парни, просто смотрите в оба и держите уши на макушке.

Сказав это, он вернулся в свой бункер.

Болтовня через ничейную насыпь после его ухода возобновилась. Мы трепались о всякой ерунде. Разговор плавно перешел на обсуждение рождественских подарков, и стало ясно, что русские тоже получили дополнительное довольствие на Рождество, несмотря на безбожие их страны. Конечно, мы и русские стали хвастаться своими подарками друг перед другом. Когда они радостно описали содержание своих посылок, мы только снисходительно рассмеялись и выложили им полный список того, что получили сами, полностью растоптав их надежды блеснуть перед нами своими подарками. Хотя, конечно, мы значительно преувеличили качество полученных вещей. Однако эффект все равно был сокрушительным.

Большевики не желали сдаваться. Вообще, мы заметили это свойство их натуры за последние три года войны, но даже сейчас казалось, что они не отступят без попытки «контратаковать» нас. После короткого спора, не слышного нам, они снова повысили голос, хвастаясь перед нами с новой силой. Но было ясно, что они сильно приукрашивают действительность, хотя мы и не могли отрицать, что попытка ответной атаки была хороша. Пожалуй, это была боевая ничья.

Но решающее очко было разыграно чуть позже, и оно оказалось весьма неожиданным. «Оружием победы» в этом споре стала пара ночных туфель, которые прислала одному из часовых пожилая дама из Вестфалии. Пожалуй, это была единственная польза, которую эти тапочки принесли нам в Курляндии. Постовой с радостью рассказал большевикам о том, какой прекрасный подарок он получил на Рождество, и все изумление наших собеседников проявилось в одном только вопросе:

– А... что такое «ночные туфли»?

Один из наших товарищей, который понимал по-русски чуть больше остальных, попытался объяснить им.

– Ну, тапки, тапочки! – закричал он и попытался описать, что же это все-таки такое, но даже после его объяснений русские по-прежнему были поражены. Они никогда до этого не видели ночных туфель, бедняги! Никогда у них не будет ни денег, ни возможности купить себе пару тапок в Советском раю для рабочих и крестьян, даже если они когда-нибудь вернутся домой и их ноги уцелеют в этой войне.

О, это была полная победа с нашей стороны. Можно было даже сказать, что уж в этом споре русские были полностью уничтожены, потому что они казались онемевшими от удивления. Представляете, что чувствовала потом эта милая дама из Вестфалии, читая наши письма, в которых мы подробнейшим

образом описали, какую моральную поддержку оказали нам ее тапочки в разгроме русских.

Эти большевики совсем не умели проигрывать. От одного поражения они растеряли весь боевой азарт, и разговор стал более дерзким, почти непристойным. Например, они попросили дать им адреса берлинских девушек, которых, по их словам, они смогут навестить во время победного марша по Германии, и пообещали нам «теплый прием» в Сибири, куда ссылали военнопленных. Однако последней каплей в чаше нашего терпения стал выкрик одного из русских:

– Гитлер скоро капут!

– Эй! – не выдержал один из пулеметчиков в нашем окопе. – Пошли-ка этому грузинскому бандиту, торчащему сейчас в вашем Кремле, новогоднюю открытку и не забудь написать, что скоро мы продвинемся на восток и наши «Тигры» заставят его заткнуться! – прокричал он в ответ.

Это напоминание о «Тигре», новейшей 69-тонной модели танка, которую ни русское, ни американское, ни британское оружие не могло даже поцарапать, кажется, возымело свой эффект, потому что большевики прекратили свои шутки. Разговор снова перешел на относительно нейтральные темы.

Потом они предложили обменяться рождественскими подарками. Им особенно хотелось, чтобы этими подарками были сигареты и табак. Но, нет, мы уже успели со всем отвращением познакомиться с их *махоркой* (разновидность трубочного табака), ужасной коричневой дрянью, которую, наверное, можно курить, только когда заканчивается вообще все, даже собранный в лесу и высушенный мох... Нет, это не то, чего нам хотелось!

– Отличные папиросы, – предложил один из голосов с другой стороны насыпи. – Хороший сорт «Авиатик».

«Авиатик», как мы знали, – это была одна из самых лучших марок сигарет у русских.

– Хорошо, – сказал один из наших солдат, который уже пытался выменять упаковку своего пересушенного табака на нормальный у своих. – Вы получите пачку хорошего немецкого табака за четыре пачки вашего «Авиатика».

В любом случае даже его дурной табак был во много раз лучше *махорки*, так что это был справедливый обмен.

Они оба выбрались из окопов и приблизились друг к другу. Это была странная встреча Запада с Востоком: высокий эсэсовец в белом маскировочном костюме, словно бросающий вызов смерти своей полубеспечной и, может быть, излишне самоуверенной походкой. «Идущие на смерть приветствуют тебя», – как бы говорил он. И крепкий русский боец, похожий на

эскимоса в подбитой ватой форме, идущий, будто катясь по снегу. Едва они подошли ближе друг к другу, между ними просвистела пуля – выстрелил кто-то с дальних постов, кто не знал, что происходит здесь, между нами, но увидел идущие друг к другу фигуры. Они отскочили друг от друга, как мячики, и огромными шагами понеслись под прикрытие своих окопов, потому что с разных сторон замелькали вспышки.

– Ну что, в штаны наложил? – прокричал кто-то поспешно вернувшемуся посыльному, злому и смущенному от страха, который пробормотал в ответ что-то неразборчивое, но, разумеется, непристойное.

Пока мы тут общались с нашим смертельным врагом на вполне мирном уровне, об этом разговоре успели донести в штаб дивизии, и, подозревая здесь какой-то подвох, командир дивизии отдал приказ нацелить на наш участок насыпи все возможные орудия, готовые к залпу в любую секунду. Но все оставалось спокойным, и вскоре наступила тишина. Приближался рассвет, и скоро большевикам нужно будет отступить с передовых позиций, если они не хотят оказаться похороненными в промерзшей Курляндской земле.

Глава 2 Финал в Курляндии

Еще несколько дней наша рота оставалась на каменистых холмах Бункаса – крошечной точки на карте. За это время решительно ничего не случилось. Пулеметные гнезда, которые иваны устроили в неприятной близости от нас накануне Сочельника, были превращены в развалины нашими минометами.

2 января из штаба дивизии пришел приказ захватить пленного в нашем секторе. Дело в том, что целая русская армия исчезла с линии фронта южнее нас, буквально растворилась в воздухе. Поэтому командование опасалось, что эта армия переброшена на наш фронт и в скором времени следует ожидать крупного наступления. Поэтому требовался «язык», чтобы прояснить ситуацию.

Разведывательная группа в составе восьми человек из моей роты отправилась в путь. Ее целью было пулеметное гнездо русских, укрытое под группой деревьев примерно в 100 метрах от наших траншей. Перед этим восемь моих добрых старых 80-мм минометов открыли огонь, чтобы изолировать цель с флангов и тыла. Потом к нам присоединились тяжелые пехотные пушки, и русский пулеметный расчет оказался практически отрезан от своих. На рассвете наши разведчики вернулись.

Пока минометы и пушки прижимали русских к земле, наш патруль быстро двигался вперед. Все сработало отлично, кроме последнего броска. Когда до русских оставалось всего несколько метров, стало ясно, что местность плотно заминирована. Одна за другой мины взлетали в воздух. Русские получили предупреждение и пустились наутек. Один из наших солдат успел схватить русского за ногу, но в тот же момент наступил на мину. Один человек погиб, а остальные семеро вернулись ни с чем, зато все получили ранения разной тяжести.

Ночью соседняя рота также попыталась решить эту задачу. Их группе повезло больше, и она захватила русского. Но по пути обратно к нашим траншеям пленник сумел подобрать нож, улучил момент, когда за ним не следили, и перерезал себе горло. Он умер, не издав ни звука. Два эсэсовца, карауливших его, с головы до ног были перепачканы кровью.

Через два дня нас сменили, и мы покинули Бункас, настоящую смертельную ловушку. Деревня лежала на открытой местности без всякой связи с тылом, кроме как под покровом ночной темноты. Нам повезло выбраться оттуда, прежде чем иваны закончили копить силы для большого наступления на этом участке, о чем мы узнали позднее. Тем, кто нас сменил,

буквально через несколько дней пришлось лицом к лицу встретить шторм, и вряд ли хоть кто-то из них остался в живых.

5 января стало днем отдыха. Никаких караулов в замороженных каменистых траншеях и лисьих норах, где вы могли ощутить, как холод медленно, сантиметр за сантиметром, ползет вверх по вашим ногам. Никаких обстрелов, никаких коварных снайперов, ни внезапных атак истребителей-бомбардировщиков. Ты снова можешь нормально вымыться, побриться и поваляться в тишине и покое и сигаретой в отмытых пальцах. Нервное напряжение и ощущение постоянной опасности линии фронта исчезли. Чертовски приятно было снять пропотевшую форму и надеть свежее белье. Мы занялись чисткой оружия, а потом отправились во фронтовой кинотеатр. Грохот орудий долетал издалека неясным бормотанием. Но во второй половине дня русская артиллерия открыла огонь из всех стволов, сыграв зловещую увертюру перед предстоящим наступлением.

В прекрасно протопленном кинозале на чистом белом экране показали последний выпуск новостей с сообщениями о событиях на других фронтах. Мы видели аккуратно одетых, чистых и сытых людей в уютных залах с коврами и креслами, сияющими лампами, книгами и музыкой. Они ели прекрасную еду из фарфоровых тарелок, а еще серебряные вилки, накрахмаленные скатерти... месяц за месяцем мы лежали под открытым небом в грязи и снегу, смерть уносила наших товарищей, и все время мы видели людей только в фельдграу. Небритые, грязные и уставшие, мы доходили буквально до последнего предела.

Проспав всю ночь, не слыша грохота канонады, рота на следующий день отправилась на фронт для решения очередной задачи. Короткий отдых помог нам восстановиться, и после прибытия в сектор Приекуле, который находился в 40 километрах восточнее порта Либава, мы начали обустраиваться, как могли. Мне указали позицию для моего взвода на обратном склоне холма. Кроме наших 80-мм минометов у нас было около 30 реактивных минометов «Вурфрамен 40», прозванных «Ходячими штуками» в память о знаменитом пикировщике. Это было новое оружие, состоявшее из простой деревянной рамы со снарядом калибра 280 мм и весом 82 килограмма.

В первые несколько дней в Приекуле все было тихо, но однажды утром разверзся ад. Совершенно неожиданно «Сталинские органы» начали свой беспощадный обстрел. Он продолжался несколько дней с короткими перерывами, когда русская пехота пыталась прорваться в нашем секторе. Позиции наших минометов стали чуть ли не первой целью огненного шторма. Снаряды «Сталинских органов» ложились все ближе

и ближе, с интервалом в несколько метров, причем сыпались они плотно и часто. Когда к обстрелу подключилась артиллерия, лежать, прижимаясь к земле, стало почти невозможно. Земля вокруг нас содрогалась, стены блиндажей стонали и трескали при попаданиях, замерзшая грязь влетала в каждую щель.

После полудня огненный шторм забушевал с чудовищной силой, стало понятно, что главной целью русских стала рота слева от нас. В разгар вражеского обстрела пришел приказ открыть ответный огонь из минометов. Единственное, что нам оставалось, – вдохнуть поглубже и броситься в этот ад. Местность вокруг нас переменялась до неузнаваемости. Все мелкие холмики и лощинки, существовавшие до обстрела, исчезли, артиллерия иванов перекопала все вокруг. Снарядные воронки лежали тесно, как дырочки в швейцарском сыре. Похоже, один из минометов получил прямое попадание в ствол, потому что валялся, словно ободранная банановая шкурка. Остальные минометы уцелели, у нас даже осталось около 150 мин. Они лежали наготове, и мы собирались отправить иванам неприятное послание.

То, что произошло далее, стало для меня одним из самых памятных моментов войны. Я гадал: а вдруг противник прекратит обстрел, и мы сумеем тихо и мирно добраться до наших минометов и открыть ответный огонь. Однако огонь русских не собирался ослабевать. Каждую минуту нам приходилось прыгать в ближайшую воронку, чтобы не быть разорванными на куски очередным снарядом. Однако все это время мы должны были стрелять, внося поправки по указаниям артиллерийского наблюдателя, который находился где-то впереди нас и передавал указания по телефону. Я сам вместе с Эрихом Линденау побежал с автомобильным аккумулятором в руках к «Ходячим штукам» – там выстрел производился с помощью электричества.

Вот таким образом мы провели всю вторую половину дня, несколько часов подряд. Запасы мин закончились, но нам доставляли все новые и новые ящики, несмотря на обстрел. Мы метались от миномета к миномету с мокрыми одеялами в руках, чтобы хоть немного остудить раскалившиеся от стрельбы стволы. Наши мины производили страшное опустошение в рядах наступавших русских. Они падали не более чем в метре от точки прицеливания благодаря умелой работе корректировщиков.

В течение десяти дней и ночей продолжалась эта бойня в Приекуле. Только на рассвете да иногда после обеда наступала небольшая пауза, когда желто-коричневые русские солдаты выползали из своих укрытий и рассыпались в цепь перед нашими траншеями. Тогда тяжелое оружие замолкало и внезапно наступала почти полная тишина. Но эта тишина длилась совсем

недолго, потому что в следующую минуту первые крики «Ура!» атакующих большевиков заглушались смертоносным заградительным огнем наших минометов, треском пулеметов «MG-42» и автоматов в месте атаки. Волна за волной русские мчались вперед, но их разрывало на куски, потом волна откатывалась назад и исчезала. Наши позиции держались!

В последние несколько дней мы видели, как политические комиссары – *политруки* – бежали за атакующими цепями пехоты. После нескольких дней напрасных атак с тяжелыми потерями русские начинали паниковать, как только оказывались на открытом месте. Едва атакующие ударялись в панику или пытались отойти, комиссары безжалостно расстреливали собственных солдат.

Около 20 января наша дивизия была выведена из пекла в Приекуле. Это было сделано по приказу командира III танкового корпуса СС обергруппенфюрера Штайнера, бывшего командира дивизии СС «Викинг». Он отправил нас из Либавы по морю в Штеттин. По каким соображениям он расстался со своей старой закаленной дивизией – неизвестно. Были это военные соображения или просто сентиментальность, никто не скажет. Но этот перевод спас жизни многим солдатам дивизии «Нордланд».

22 января Штеттин представлял собой печальное зрелище. Центр города был разбомблен вдребезги и почти сгорел после атак американских и британских самолетов. Кучи переломанного домашнего имущества, кирпичей и мусора валялись на улицах вдоль почерневших фасадов домов. Между ними слонялись бледные, смертельно уставшие люди в лохмотьях – сказывалось пятилетнее rationирование одежды. Однако они не прекращали свои обычные ежедневные дела, показывая мрачную решимость и несгибаемое упорство.

Мы проехали через город без остановок. Далее мы двинулись на северо-восток, нашей целью было Фрайхейде, маленькое местечко в 8 километрах севернее города Массов в Померании, центр цветущего крестьянского района. Там мы провели две чудесные мирные недели. Разумеется, утром и вечером мы устраивали учения по рукопашному бою и стрельбы. Это совершенно необходимо, даже если фронтовики и выведены в тыл на отдых.

Однако по вечерам мы были свободны, местные жители приветствовали нас с распростертыми объятиями. Фермеры, большинство из которых принадлежало к поколению, сражавшемуся на фронтах Первой мировой войны, не знали, что бы еще сделать, чтобы наше пребывание здесь стало еще более приятным. Почти каждый вечер в сарае устраивались танцы,

играли либо местный оркестр, либо несколько солдат на аккордеонах. Эсэсовцы танцевали с дочерьми фермеров, которые были здоровыми и красивыми девушками.

Если в этот день не было танцев, командир нашей роты мог пригласить жителей на «товарищеский вечер» в распоряжение. По правде сказать, ничего такого особенного мы показать им не могли, но среди нас еще был «старик» Рагнар Йоханссон. Это был очень сильный швед, которого опасалась вся рота. Под влиянием каких-то таинственных флюидов он принимался искать каких-то мусульман (так мы называли этнических немцев из Румынии) с диким блеском в глазах. Почему-то он их на дух не переносил. Вероятно, Рагнар был самым сильным человеком в дивизии, по вечерам он устраивал небольшие представления, ломая подковы, забивая гвозди в доски голой рукой. Иногда пара человек кувалдами раскалывала валун у него на груди. Однажды в бою он пробежал два километра, хотя у него в спине торчал большой осколок. Русские гнались за ним по пятам, а обнаженный торс Рагнара был весь залит кровью.

В свободное время мы знакомились с жизнью и культурой крестьян, которые очень напоминали наших, шведских. Наверняка наш мир современных фронтовиков сильно отличался от их. Хотя мы были закаленными солдатами и вся наша жизнь ограничивалась сегодняшним днем, мы чувствовали глубокое уважение к их многовековым семейным традициям. Мы уважали их неторопливую, но уверенную походку, с которой они двигались по жизни. Их идеалы и религиозные верования уходили своими корнями в далекое прошлое и находили отражение в одежде, посуде, домашней утвари, характерных для нордической культуры, причем все это было самых изысканных форм.

Пока мы отдыхали в этом мирном крестьянском районе Померании, война постепенно превращалась в бескрайнее пекло. Немецкое наступление в Арденнах, которое вначале выглядело таким обещающим, застопорилось, затем началось контрнаступление огромных англо-американских армий. В то же самое время «Красный потоп» хлынул через Вислу, на оборону которой немцы возлагали огромные надежды. Совершенно неожиданно мы снова оказались в районе боев.

Глава 3 Массов

Во второй неделе февраля мы снова столкнулись лицом к лицу с большевиками. Когда фронт на Висле рухнул по всему своему протяжению, стратегическая ситуация резко изменилась. Огромное количество тяжелого вооружения и боеприпасов было потеряно, например множество артиллерийских орудий. При этом стало еще труднее получать пополнения из Германии, так как непрерывные бомбардировки почти полностью парализовали коммуникации. Красная Армия могла бросать в бой новые артиллерийские корпуса, неисчислимое множество танков фактически непрерывно. Особенно опасным был новый танк «Иосиф Сталин» с огромной 122-мм пушкой.

Я помню один конкретный случай, когда нам для огневой поддержки придали батарею 105-мм гаубиц, но я мог невооруженным глазом рассмотреть по ту сторону линии фронта более 200 артиллерийских орудий. Большевики даже не пытались маскировать их, так как наша авиация была связана борьбой с бомбардировщиками на западе Германии. Это подавляющее превосходство в артиллерии, танках и авиации позволяло бросать в бой огромные толпы пехоты. Красная Армия состояла из русских, калмыков, киргизов, туркмен и так далее. Мы встречали их «панцерфаустами», минометами и пулеметами, но лишь изредка – штурмовыми орудиями или «Королевскими тиграми». Это походило на попытку отразить нападение автоматчиков с помощью пращи и камней, но мы держались!

Это произошло чуть восточнее Массова. Линия фронта шла по опушке леса. Я получил приказ занять передовую позицию с семью солдатами. Из неглубокой впадины в поле мы должны были остановить атаки русской пехоты двумя пулеметами «MG-42». Едва мы добрались до места, мне пришлось со своими солдатами выдвигаться вперед, прихватив пулеметы. Под проливным дождем, в непроглядной темноте мы двинулись к трем окопчикам. Я занял средний вместе с Гебауэром, сыном немца-фермера из Румынии. Мы установили пулемет и стали ждать, надеясь, что после рассвета мы будем хоть как-то укрыты. Второй пулемет с расчетом из трех человек стоял слева, а остальные трое заползли в правый окоп, имея при себе штурмовые винтовки и пистолеты-пулеметы.

В случае атаки шансов удержать эту позицию не было никаких! У нас даже не было траншеи, ведущей в тыл, чтобы удрать в случае чего. Только ночью можно было ползком вернуться в «безопасность». Мы могли только надеяться, что

красные будут вести себя спокойно. Они и были спокойны, но лишь до утра. Концерт начала русская артиллерия. Пока она обстреливала нас несколько часов подряд, наращивая интенсивность огня, мы, словно маленькие мышки, сидели по норкам. Но потом до нас дошло, что это не обычный артиллерийский обстрел. Смерч осколков гулял взад и вперед по нашему сектору, насколько мы могли слышать. Поэтому нам оставалось лишь гадать, что же последует. Разрывы перекопали все вокруг. Когда сгустилась темнота, вспышки залпов освещали горизонт, словно прожектора небо над городом во время ночного налета. Мы прятались, как только могли, чтобы пережить этот кошмар. Погода переменилась, дождь перешел в мелкую морось, а потом мелкие капли постепенно превратились в туман. Грязная почва вокруг наших убежищ превратилась в липкую массу наподобие картофельного пюре, которая прилипала к сапогам, покрывала оружие и вызывала настоящее омерзение. Через пару часов мы все оказались промокшими насквозь. Одежда, тяжелая даже в нормальном состоянии, поглотила столько воды, что казалась сделанной из свинца. Грязь на сапогах противно чавкала. К счастью, большинство осколков летело поверху, потому что часть, занимавшая позиции до нас, отрыла окопы на совесть и хорошо их замаскировала. Лишь случайные снаряды рвались неподалеку. Основной удар пришелся по главной линии обороны позади нас, именно на нее обрушился шквал огня и стали.

Три дня и три ночи пришлось нам лежать в этих богом забытых дырах и ждать, ждать, ждать... Снова полил дождь. Нам не доставляли никакого продовольствия, связь с тылом была потеряна, пока между нами и позициями роты бушевал огонь. В утренних сумерках четвертого дня дежурить выпало Гебауэру. Все остальные лежали в грязи и дремали вполглаза, голодные и уставшие до предела. Внезапно Гебауэр затряс меня:

– Они идут!

Я быстро глянул вперед сквозь маскировочную завесу. Там, всего в 30 метрах, появилась толпа большевиков, которая неслась на нас, времени на панику у нас просто не оставалось! Они явно пытались как можно скорее добраться до позиций нашей роты. Несмотря на утреннюю дымку, я смог различить вторую волну пехоты, которая появилась из мглы примерно в 50 метрах позади первой. Я схватил готовый к стрельбе пулемет и выпустил буквально всю ленту. Моя стрельба и вопли раненых разбудили остальных парней, и наши стволы обрушили огонь и смерть на коричневые толпы.

Наша бешеная стрельба вскоре вызвала ответный огонь

уцелевших атакующих, которые попадали на землю и начали стрелять. Я быстро глянул налево и заметил большевика, который спускался в низину, чтобы обойти нас с тыла. Однако он тоже заметил меня и моментально исчез. Но тут же появился снова! Русский дал по мне очередь из своего автомата. Раскаленный свинец засвистел рядом с моей головой. Завязалась настоящая дуэль! Нас разделяло не более 20 метров. Я поднял штурмовую винтовку и стал ждать противника. Гебауэру пришлось стрелять из пулемета одному. Мы с русским стреляли друг в друга: поднял голову, выстрелил, спрятался, поднял голову, выстрелил, спрятался. Роттенфюрер Мартин, лежавший за вторым пулеметом моей группы, мог бы дотронуться до русского, если бы посмотрел в нужную сторону, однако он не видел нашей дуэли. Наконец русский совершил ошибку. Либо ему все надоело, либо он захотел стрелять чуть быстрее, однако он оставил свой автомат наверху, и я его видел, хотя сам он спрятался до следующего выстрела. Но я стал ждать его, держа палец на курке. Вот! Его голова появилась позади приклада автомата, но прежде чем он успел среагировать, получил пулю прямо между глаз. Голову русского отбросило назад, затем она исчезла, а дрогнувшая рука выпустила оружие.

Взбешенные русские бросились на неожиданное препятствие, которым стала наша позиция. Положение стало безнадежным, однако парни отважно сражались. Кольцо вокруг нас стягивалось все туже. В горячке боя один из парней в правом окопе встал во весь рост с автоматом в руках. Он дал длинную очередь и уложил около десятка врагов, что позволило нам вздохнуть спокойнее, но тут же сам рухнул на землю, получив пулю в живот. Давление немного ослабло, но вскоре был убит еще один из моих солдат. Мы больше не могли держаться, хотя вокруг наших окопов валялись груды вражеских трупов. Я выпустил красную сигнальную ракету: «Враг атакует!» Но ответа не последовало. Похоже, ливень русских снарядов, летевший над нашими головами, не позволял роте даже пошевелиться. Или они просто спали, в то время как мы отчаянно сражались за свою жизнь? Еще одна красная ракета. И снова никакой реакции. Я буквально вскипел от ярости на своих товарищей сзади и даже завопил что-то. Пока я помогал Гебауэру зарядить в пулемет новую ленту, то непрерывно ругался, призывая на их головы всевозможные несчастья и адские муки.

Затем я оставил Гебауэра управляться с пулеметом, а сам попеременно стрелял из штурмовой винтовки и автомата. Он совершенно забыл об опасности, поднявшись над бруствером по пояс, чтобы лучше целиться.

– Вниз! – закричал я, пытаюсь перекрыть шум боя. Он ответил беспечным смехом, ведь ему было всего 19 лет... и продолжал посылать в атакующих смертоносные струи свинца.

Новая волна русских покатила на нас, чтобы смять, уничтожить. На открытом пространстве они были совершенно беззащитны. Гебауэр приподнял голову, чтобы лучше видеть.

– Пригнись! – завопил я. Но слишком поздно! Внезапно Гебауэр качнулся назад и завалился набок. Я повернул его лицом к себе. Пуля попала ему под левый глаз и прошла сквозь шею. Он был еще жив, кровь текла вниз по щеке и шее. Гебауэр жалобно попросил:

– Напиши моей матери... – Его тело обмякло, руки беспомощно опустились. – Всего несколько строк... – И после этого я остался один, совершенно один, такой крошечный в своей норке. Тут я понял, что начинаю паниковать. «Спокойствие, только спокойствие. Ничего серьезного...» – уговаривал я себя, но тело продолжало трястись.

Мартин теперь тоже остался один. Я позвал его, приказав забрать оружие, так как собрался уходить. Он примчался дикими прыжками. В правом окопе также уцелел один из парней, но все остальные лежали, получив пули в голову. А ведь я предупреждал их, чтобы не высовывались, хотя тот же Мартин в горячке боя забыл все мои предупреждения. Этого было достаточно, и буквально в следующую минуту он получил пулю в переносицу. В результате двое уцелевших забрали пулеметы («MG-42» так и остался непревзойденным по скорострельности оружием до самого конца войны) и сумели не только прижать врага к земле, но даже отогнали русских. По какой-то непонятной причине русские не обстреливали нас ни из пушек, ни из минометов. Внезапно мы услышали крики «Ура!» позади себя. Они прорвались!

– Хватай пулемет и бежим! – крикнул я своему товарищу.

Я поднял свой пулемет, повесил на шею несколько лент и, придерживая патронташ, помчался прочь. По открытому полю пришлось бежать зигзагом, но мы довольно быстро добрались до спасительной опушки леса. Мой товарищ следовал за мной, держась в нескольких шагах позади. Я быстро оглянулся и заметил, как он схватился за плечо, а потом упал ничком. Прячась за деревьями, я оглянулся еще раз и увидел, как он, лежа, слабо помахал мне. Слишком поздно, сделать уже ничего было нельзя, так как русские были совсем рядом! Четверо русских бежали ко мне, пытаясь на бегу целиться из автоматов. Я бросил свой пулемет, все боеприпасы и припустил во всю мочь, вокруг свистели пули, с неприятным чмоканьем впиваясь в землю у меня

под ногами. Теоретически я был уже мертвым унтершарфюрером, но солдату все-таки должно повезти когда-то! Так случилось и со мной в этот день. Я бросился в гущу деревьев и совершенно неожиданно для себя очутился среди солдат своей роты – но теперь их осталась жалкая горстка... хотя наш шведский командир невозмутимо курил сигарету. Он оглядел меня с ног до головы.

– Не так уж плохо. Могло быть гораздо хуже.

Это спокойствие заставило меня смутиться. Я стоял перед ним, судорожно переводя дыхание, сердце едва не выскакивало из груди, дрожащий и вспотевший после ужасных переживаний. Много позднее я понял, что его спокойствие было напускным, так как лишь это позволяло избежать паники в роте, которая за последние несколько часов потеряла более половины состава. Среди бешеного водоворота смертей, криков, стонов, искалеченных, окровавленных тел он пытался быть невозмутимым и совершенно спокойным, что спасло жизнь нашим уцелевшим солдатам. Только такой офицер может спуститься в ад и вернуться обратно!

Ротный командир отправил пару человек, чтобы восстановить связь с соседями. Еще один солдат был отправлен в тыл, чтобы сообщить о нашем опасном положении. Oberшарфюрер получил приказ контратаковать с тремя солдатами. Я стал одним из этих «счастливчиков». Хороша контратака! Четыре человека против роты противника, а то и больше! Причем все четверо смертельно устали, физически и морально, пережив все то ужасное, что случилось за последние четыре часа. Атака не имела никакого смысла и могла завершиться только нашей смертью, но дисциплина и чувство долга погнали нас вперед.

Смерть окружала нас со всех сторон, подталкивала нас и даже, кажется, дала нам крылья. С диким ревом «Ур-ра!» мы бросились вперед сквозь кусты и открыли беспорядочный огонь по коричневым фигурам, мелькавшим повсюду. Русские попытались остановить нашу стремительную атаку. Внезапно передо мной возник большевик, до него оставалось не более четырех метров, его лицо напомнило мне гипсовую маску. Я успел дать короткую очередь, прежде чем он нажал на спуск. Русский упал, издав хриплый стон, а я помчался дальше. В считанные минуты мы снова заняли лесистый участок, но это время для меня превратилось в бесконечность, вместившую в себя всю мою жизнь. Мы добежали до опушки и оказались в траншеях, которые раньше занимала наша рота, но продолжали бешено стрелять по толпе удирающих русских пехотинцев, которые пытались добраться до небольшой гряды, обещавшей хоть какую-

то защиту. Двое отставших перепрыгнули через нас и даже успели сделать несколько шагов, прежде чем упали с изрешеченными спинами. Все поле было покрыто трупами вражеских солдат. И мы все четверо остались живы! Но мое сердце грохотало, готовое разорваться в любой миг. Мы устали сверх всякого предела, и теперь усталость догнала нас.

Постепенно остатки роты собрались в отбитой траншее. Командир приказал мне вернуться в смертельную ловушку – ту самую проклятую дыру, где я уже потерял семерых парней. Но теперь одному с пулеметом, туда, где лежали трупы эсэсовцев и врагов! Никогда еще я не чувствовал себя таким жалким и несчастным. Я был готов отшвырнуть пулемет и бежать куда глаза глядят, но проклятое чувство долга опять оказалось сильнее. Оно держало меня мертвой хваткой. Я услышал рядом тихий стон. Осторожно оглянувшись, я увидел, что стонет один из наших парней. Я забросил его себе на спину и медленно пополз к нашей траншее с этой тяжелой ношей. О том, что русские вполне могут нас заметить, я старался не думать, и мы таки сделали это! Тот же самый обершарфюрер, который возглавлял нашу «контратаку», увидел нас и пополз на помощь мне. Оказавшись в безопасности, мы уложили раненого на носилки и понесли в тыл. Там мы нашли большой амбар, где пол был завален мертвыми, умирающими и тяжелоранеными, лежавшими вплотную друг к другу. Мы поспешили прочь из этого места стонов, криков и предсмертных конвульсий – назад в мой одинокий окопчик! Но я заметил какое-то смутное движение в кустах на два часа. Посмотрел туда в бинокль и обнаружил русских! Сразу доложил об этом командиру. Так как я успел спуститься в свой пулеметный окоп, первые 105-мм снаряды просвистели у меня над головой и накрыли русских, сорвав намечавшуюся атаку еще до того, как она началась.

Сумерки опустились на изуродованное поле боя. Вскоре совсем стемнело. Стало холодно, и мои зубы невольно застучали, но я сидел у своего пулемета в пугающем мраке. Картины прошлого проносились в моем воспаленном воображении, изуродованные тела мертвых товарищей, бледное лицо умирающего Гебауэра. Но в то же самое время я отчетливо слышал, как шумно движутся русские ночные дозоры. Всю ночь они бродили поблизости, что-то разнюхивая и о чем-то переговариваясь громким шепотом.

Ближе к рассвету пришла смена. Рота немецкой армейской дивизии заняла наши позиции. Мы двинулись к своим автомобилям, чтобы отправиться на отдых – жалкие остатки того, что всего пару дней назад было полностью укомплектованной

и прекрасно оснащенной ротой панцер-гренадеров СС.

Целую неделю после боя у Массова мои руки тряслись так сильно, что я даже не мог зажечь сигарету. А что случилось с ротой, которая сменила нас? Через несколько дней от нее не осталось ни одного человека!

Несколько благословенных дней мы отдыхали от боев, проверяли свое оружие и технику, полугусеничные транспортеры, пулеметы и писали письма. Вскоре в эту плодородную часть Померании должна была прийти весна. Каждый день в голубом небе ярко сияло солнце. Свежая зеленая трава уже начала пробиваться наружу. Здесь и там виднелись цветастые пятна анемонов и других цветов, ласточки метались вверх и вниз с радостными весенними песнями. Так чудесно было валяться на спине на молодой травке, закрыв глаза, и подставлять лицо солнышку, размышляя о чем угодно, кроме войны. Тепло уже давно растопило лед на прудах и маленьких озерцах, поэтому мы уже в конце февраля могли принимать ежедневные ванны в небольшом озере поблизости. Наши израненные и измученные тела снова стали сильными и налились энергией.

Однако волна с востока поднималась все выше и выше, она неотвратимо надвигалась. Ее мчали вперед десятки тысяч американских грузовиков, русские солдаты получали миллионы тонн американских продуктов. Она уже сокрушила передовой бастион западной цивилизации, воздвигнутый против угрозы с востока, уничтожила первые памятники культуры. Плоды трудов германских и нордических колонистов, созданные тысячелетиями упорного труда, после жестокой борьбы были растоптаны дикими азиатскими ордами, сеявшими опустошение.

Но мы все еще верили! Будет ли наша часть мира превращена в руины только потому, что временно ослепли несколько сильных? Всей своей ненавистью, всей своей мощью они помогали сокрушить барьер, который преграждал путь потоку варварства и звериной дикости, который в безумном гневе бился о нашу защитную стену. Мы видели множество проявлений юношеской смелости, энтузиазма и духа самопожертвования среди наших солдат, а потому не могли поверить в мрачное предсказание Освальда Шпенглера о падении западной цивилизации.

Единственным, что нарушало наш безмятежный отдых, были налеты американских и русских истребителей, которые неожиданно возникали в небе и пикировали, обстреливая дороги. Их пулеметы превращали всех, кто там двигался, в окровавленные клочья. Но ведь они атаковали не только солдат, но и фермеров в полях, их жен и детей, даже маленьких детей,

идущих в школы. Это приводило нас в бешенство.

Вскоре мы смогли слышать глухой гул, долетавший с востока. Раскаты постепенно приближались. Нам не было нужды идти на фронт, он сам пришел к нам! Местные жители начали укладывать ценные и самые важные пожитки на телеги и повозки, чтобы попытаться бежать от нового монгольского нашествия. Женщины плакали и заламывали руки, старые фермеры с печальным достоинством смотрели на них и лишь поджимали губы.

Ближе к вечеру мимо нас начали проезжать машины с ранеными. Обычно по вечерам мы спускались к дороге, чтобы выкурить сигарету на ночь, поболтать с местными, а может, и встретиться с девушкой. Но в этот вечер мы остались в лагере. Никто из нас не хотел видеть раненых и искалеченных солдат, их пропитанные кровью повязки, разорванные в клочья мундиры, искаженные болью лица. Зачем в последние часы покоя видеть напоминания о печальной судьбе, которая вскоре может ждать каждого из нас?

Мы прекрасно понимали, что вскоре нам предстоит отправиться на фронт, где нас ждет неизвестность. Там, где мы отдыхали, фронт казался не таким уж и плохим. Лихорадочное напряжение и постоянная смертельная опасность в траншеях смывали благодушное настроение. И самыми плохими были последние мучительные часы перед боем.

Отдаленные раскаты гремели всю ночь, и я не мог уснуть до самого рассвета и лежал, прислушиваясь. Мы лежали, курили, болтали шепотом о пустяках, пытаясь думать о чем угодно, кроме того, что нас ждало. Других, кому посчастливилось уснуть, мучили ужасные ночные кошмары, они стонали и вертелись во сне.

Глава 4 Фоссберг

Утром во взвод поступил приказ командира роты приготовиться к маршу. На коротком инструктаже нам обрисовали ситуацию, а потом мы двинулись. На обочинах шоссе мы столкнулись с гражданскими беженцами, которые катили тележки с домашними вещами. Они выглядели так, словно шли без отдыха всю ночь. Их одежду покрывала желто-серая пыль, они печально смотрели на нас красными воспаленными глазами. Однако они все еще приветливо махали нам, когда мы проезжали мимо на своих бронетранспортерах. Мы двигались очень медленно, потому что количество беженцев стремительно росло.

Через несколько километров мы столкнулись с колонной медицинских машин вермахта, которые везли около сотни стариков, женщин и детей. Незадолго до этого несколько американских истребителей устроили настоящее побоище. В канаве рядом с машиной сидела молодая женщина, держа на руках окровавленное тряпье. Кровь текла у нее по лицу из раны на лбу, заливая глаза. Она качала безжизненный сверток, постанывая, и монотонно повторяла: «Мой ребенок, мой ребенок!»

Колонна остановилась. Три мертвые лошади и перевернутые телеги преграждали путь, нам пришлось сбросить их с дороги. Стоны раненых и искалеченных беженцев резали слух. Мы пришли в ярость, когда увидели, какие зверства творит противник, пользуясь их беззащитностью.

Затем марш продолжился. Ужасная картина разом прекратила всю болтовню и мрачные шутки, столь обычные у нас перед боем. Колонна повернула на северо-восток, теперь мы, судя по всему, двигались вдоль линии фронта, так как выстрелы не становились ближе. Собрался весь разведывательный батальон. Длинной колонной мы катили дальше, держа большую дистанцию между машинами. Бомбардировщики и истребители нас не беспокоили. Затем последовала небольшая остановка, и движение продолжилось. Близился вечер, и похоже, сегодня боя ждать не следовало.

Колонна повернула на Померанскую равнину, проезжая мимо ухоженных ферм, прелестных сельских домиков, над которыми витал дух многовековых традиций. Мы проезжали мимо деревьев, которые росли ровными рядами, словно по линейке, и маленьких каменных церквей. Не затянута ли все это буквально на следующий день густые клубы порохового дыма? Темнело, и вечер перешел в ночь, справа от нас горизонт освещали

мигающие красные вспышки. Это была линия фронта. Там были горящие дома, атаки и контратаки, моменты тишины и мучительная смерть. Грохот артиллерии медленно таял вдали, но теперь мы были так близко от фронта, что уже могли слышать автоматные и пулеметные очереди.

Рано утром 3 марта мы прибыли в большую деревню Фоссберг. Там мы простояли довольно долго, пока командир роты ходил на инструктаж к командиру батальона и получал приказы. Деревня выглядела тихой и мирной, спокойно было и все вокруг. Винтовочные и пулеметные выстрелы слышались в нескольких километрах отсюда, но это не слишком нас беспокоило.

Мы с удовольствием вылезли из бронетранспортеров, чтобы размяться. Жители уже покинули деревню. Вместе с обершарфюрером Кунце я зашел в большой дом. Рядом с кухней находилась спальня, но на кроватях лежали только матрасы. Хотя, с другой стороны, что бы мы делали с белыми простынями и пододеяльниками? Было просто чудесно немного подремать. Мы решили, что лучше не разуваться, ведь никогда не знаешь, что случится в следующий миг... Сон пришел моментально. Я едва успел услышать громкий храп Кунце, как тут же уснул сам.

Внезапно нас разбудил ужасный грохот. Я вылетел из кровати, словно пуля, бросился в кухню, на шаг опередив Кунце. Трррааах! Наши барабанные перепонки едва не лопнули от чудовищного грохота в комнате, откуда мы только что выскочили. Мы невольно оглянулись. На том самом месте, где только что лежал Кунце, вытянувшись во весь свой рост, валялись обломки кровати, обрывки матраса, обломки комода... и осколки и хвостовик мины. Кунце криво усмехнулся и зашелся нервным смехом:

– Ну вот, опять повезло!

Да! Это был отличный пример того везения, которое обязательно нужно иметь на фронте. Без него солдат так и не станет закаленным фронтовиком, ведь его фронтовая жизнь не затянется. Пригнувшись, мы выскочили на улицу. Солдаты метались туда и сюда, стараясь побыстрее занять места в машинах. Ко мне подскочил Эрих Линденау из моего взвода. Он прибежал, запыхавшись, что было необычно для ветерана, который всегда был холоден, словно огурец.

– Мы попали в ловушку! «Т-34» идут с западной окраины! – закричал он.

Снова до нас долетел глухой рев танковых орудий. Мы пригнулись, готовые даже лечь пластом прямо на улице, как только начнут рваться снаряды. Но снаряды летели поверху. Вокруг царил настоящий хаос, и с востока подходили солдаты

вермахта. Тяжело дыша, они рассказали нам, что с этого направления наступала русская пехота. Вокруг творилась жуткая неразбериха! С одной стороны путь нам преграждали русские танки (это был наш путь отступления), а с другой – пехота!

Солдаты второго взвода получили приказ остановить натиск русской пехоты и уже бежали по улицам среди горящих домов. И в этот самый момент на главной улице деревни появился стальной колосс – танк «Королевский тигр», чьи габариты едва ли не превышали ширину улицы. Командир, молодой унтершарфюрер, торопливо шел впереди, указывая направление механику-водителю. Танк с грохотом наехал на одно из зданий, наполовину развалил его, лязгнув гусеницами и выбрался на центр площади. Когда на твоей стороне такой гигант, тебя невольно охватывает боевой азарт.

В промежутке между двумя домами я увидел русские танки, стоящие вдоль шоссе. Дорога была извилистая и длинная, поэтому танки были едва различимы сквозь деревья. Там стояли восемь или десять «Т-34», и все они безостановочно палили по «Королевскому тигру», который был им прекрасно виден. Но их снаряды только отскакивали от брони могучего танка, словно горох. Немецкий экипаж совершенно спокойно выбрал цель – ощущая собственную неуязвимость, танкисты проявляли невероятный энтузиазм и рвение. Из длинного дула танка вылетал один снаряд за другим, и вот уже огонь охватил ближайший «Т-34», после чего еще четыре танка постигла та же участь. Четыре танка «Т-34» всего за четыре минуты! Оставшиеся попытались отступить, но немедленно были безжалостно расстреляны. Когда из люка появилось счастливое измазанное сажей лицо наводчика «Королевского тигра», мы все одобрительно зааплодировали.

Но вскоре поступил приказ покинуть деревню.

Затем в бой вступила русская артиллерия, и мы бросились к бронетранспортерам. Броневик командира другой роты шел первым, а мы следовали за ним на расстоянии примерно 50 метров. Полный газ! Вся колонна на полной скорости покидала опасное место, промчавшись мимо дымящихся разбитых русских танков, чьи мертвые экипажи валялись кругом.

Мы ехали параллельно строящемуся шоссе, которое в нескольких сотнях метров впереди пересекала по виадуку другая дорога. Я увидел солдат второго взвода, которые бежали через поле, чтобы встретить нас за виадуком. На повороте аккуратно под виадуком ехавшая перед нами машина соскользнула по гравию вниз и заглохла. Водитель едва успел остановить наш вездеход, чуть не уткнувшись бампером в нее,

в результате чего остановиться пришлось всей колонне, которая сбилась в кучу.

Чертовское невезенье!

Но это было еще не самое худшее! Примерно в 150 метрах от нас за виадуком стояли три противотанковых орудия русских, которые открыли огонь прямо через туннель. Мы постарались при помощи дымовых гранат сделаться невидимками, насколько это было возможно. Я приказал экипажу покинуть машину, после чего водитель схватил пулемет, укрепленный на нашем бронетранспортере. Я же бросился в кювет и открыл огонь оттуда, пытаясь прижать русских к земле. Их снаряды падали ужасающе близко, и мне казалось, что следующий выстрел станет для меня последним. Я вздрагивал, видя очередную вспышку.

Раздался крик, видимо, кто-то получил осколок. К раненому тут же подбежали товарищи и отнесли обратно в машину. Все это время группа солдат пыталась завести двигатель машины, которая стояла впереди нашей. Наконец-то они справились! В наш вездеход забрались все, кроме меня, и он уже набирал скорость. С пулеметом в руках я запрыгнул на капот бронетранспортера прямо на ходу. В нормальной обстановке я бы, наверное, ни за что не смог выполнить такой трюк! Друзья помогли мне забраться в машину. Под шквальным огнем трех наших пулеметов русские даже не помышляли об ответной стрельбе, что позволило нам прорваться через тоннель и покинуть опасную зону.

Мы помчались дальше по дороге, к небольшой деревеньке, которая находилась в нескольких километрах дальше. Где-то в сотне метров впереди на обочине стояла группа коммунистов. Они ухитрились затащить противотанковое орудие на телегу, запряженную лошадью. Увидев приближающиеся немецкие бронетранспортеры, русские в страхе разбежались кто куда. Маленький броневик командира роты проехал мимо телеги, но я приказал своему водителю бросить машину прямо на нее. Некоторые русские, которые не бежали, твердо стояли прямо на дороге. В их лицах читался животный страх. Телега и орудие с грохотом разлетелись на куски. Что-то мягкое ударило по броне нашей машины, и колонна понеслась дальше, поливая пулеметным огнем разбегающихся русских солдат. Очереди буквально перерубали их пополам.

Коммунисты, казалось, были повсюду. Судя по всему, они прорвали нашу линию обороны на широком участке. За деревней я увидел унтерштурмфюрера четвертой роты Шварца. Как он там оказался – было настоящей загадкой. Он дал сигнал остановиться. Я попытался отрапортовать, но он только

нетерпеливо махнул рукой.

– Быстро поставьте машину в укрытие в низине вон там, а сами займите позицию в поле в ста метрах отсюда.

– Унтерштурмфюрер! – запротестовал я. – У меня приказ не покидать бронетранспортер даже в самой критической ситуации.

Я видел, что он был невероятно взволнован.

– Я доложу, что вы не исполнили приказ! – рявкнул он.

Два шедших за нами бронетранспортера аккуратно повернули и остановились рядом. Личный состав выскочил наружу и собрался у дальней машины. Бах! И как раз в то место, где они стояли, попал снаряд! Их всех разорвало на куски прямо на наших глазах. Русская артиллерия держала под обстрелом этот участок дороги! Унтерштурмфюрер Шварц тут же изменил свое решение, запрыгнул в один из пустых бронетранспортеров и гаркнул:

– Гони что есть мочи!

В двух километрах впереди группа эсэсовцев стояла на обочине, уставившись на кровавое месиво. Мы притормозили, я взглянул вниз и различил взмах чьей-то руки из окровавленной кучи. Машина остановилась, я услышал, как чей-то слабый голос зовет меня. Господи, нет! Это был мой земляк, унтерштурмфюрер Мейер, любимец всей нашей роты.

Его едва можно было узнать. Осколок разрезал ему подбородок и застрял в шейном позвонке. Он был буквально на волосок от смерти. Его также ранили в плечо, и вся грудь его была залита кровью, а ноги его сплошь были изрезаны осколками. Однако он все еще был жив и даже пытался рассказать мне о том, что случилось. Но голос его был слабым, а речь нечеткой из-за раны подбородка, поэтому я не понял и половины из того, что он говорил.

– Мы отвезем тебя в ближайший перевязочный пункт, – пообещал я ему.

До сих пор этому замечательному юноше очень и очень везло, хотя он прошел множество тяжелых испытаний. Однажды он уже был объявлен «павшим в бою». Это было в Эстонии, когда он был тяжело ранен, но подобрали его солдаты другой воинской части. Его положили в амбаре, который исполнял роль временного пункта первой помощи, среди мертвых и тяжелораненых солдат. Его мундир, расчетную книжку и другие документы перепутали с документами погибшего солдата, и командир его роты получил известие о смерти своего подчиненного.

Очень трудно было потерять жизнерадостного боевого товарища, который из всех напитков предпочитал молоко и, как бы над ним ни подшучивали, отказывался пить свою порцию

шнапса. Вместо этого он неизменно отдавал шнапс особо жаждущим товарищам по роте. Мы долго и искренне его оплакивали. И даже не из-за алкоголя, хотя кое-кто грустил, вспоминая порцию Мейера, а потому что он был действительно стоящим человеком.

Когда пришло известие о смерти Мейера, его отец, профессор Стокгольмского университета, получил искренние соболезнования от нашего верховного командующего Генриха Гиммлера. Затем в один прекрасный день вернулся Мейер, который хоть и был напуган, но все же остался жизнерадостным и беззаботным человеком. Мейер был педантичен в отношении военных церемоний и по возвращении представил удивленному командиру роты безупречный рапорт о произошедшем. Еще один шведский офицер написал родителям Мейера в Швецию письмо с соболезнованиями. Этот офицер сам погиб в бою, поэтому, к счастью, письмо так и не было отправлено.

Мейера бережно положили в один из вездеходов, и колонна с ранеными направилась по разбитой дороге в безопасное место. Оставшиеся солдаты садились в бронетранспортеры уже на ходу.

В ближайшей деревне мы встретили самого командира батальона разведки штурмбаннфюрера Заальбаха и его штаб. Я доложил о раненых, пока их выносили из бронетранспортеров и укладывали на землю. Заметив, что Заальбах подошел поближе к раненым, Мейер предпринял попытку обратить на себя его внимание. Он с трудом отдал честь и, едва выговаривая слова, попытался отрапортовать. Было отчетливо видно, что закаленный в бою командир невероятно тронут тем, что его самый молодой офицер сохранял выдержку даже в таком состоянии, несмотря на ужасную боль.

– Вы выглядите ужасно, – только и смог сказать он.

Потом раненых увезли. Мейер, хоть и был тяжело ранен, разумеется, выжил. Врачи извлекли все металлические осколки, кроме одного небольшого, который навсегда остался в его шее «на память». Однако в роту он уже не вернулся.

Глава 5 Гроссвахтлин

После Фоссберга наш состав изрядно поредел, поэтому во время затишья в боевых действиях нам прислали пополнение из учебных батальонов. В основном это были молодые парни из Гитлерюгенда. Все они прямо пылали энтузиазмом и рвались в бой, поэтому нам приходилось сдерживать их, иначе жертв было бы слишком много. Ветераны обычно встречали новичков довольно прохладно, однако вскоре такое отношение пропадало, поскольку парни стремительно превращались в настоящих мужчин.

Затем последовали небольшие бои и перестрелки, и периодически нам даже удавалось осуществлять контратаки, однако каких-либо реальных успехов достичь не удавалось. А линия фронта тем временем действительно начала смещаться. Русские наступали относительно медленно только потому, что всегда стремились сначала собрать огромное количество артиллерии на участке прорыва, а это требовало времени. Наша же задача сводилась к тому, чтобы задержать врага и помешать ему, нужно было лишь дожидаться – чего дожидаться? Наша дивизия постоянно отступала. Мы проводили контратаку, возвращались на исходные позиции, а потом снова отступали, оставляя по одной изрядно поредевшей роте удерживать натиск русской армии.

В промежутке между бесконечными боями мы прибыли в Гроссвахтлин, который находится чуть восточнее Штеттина. Некоторые роты провели успешные контратаки и отбили большую территорию, в том числе две важные возвышенности. Нашей роте приказали выдвинуться вперед и удержать русских, чтобы помочь дивизии отступить и оторваться от противника. Меня с моим минометным взводом отправили в тыл на позиции правее этих холмов, тогда как остальные взводы должны были защищать ближайший из них и прилегающий участок местности.

Наша рота минометчиков двинулась туда на бронетранспортерах, прикрытая западным склоном холма. Рядом располагались большая ферма и квадратный амбар, который занимал собой практически весь склон. Солдаты уже выгрузили минометы из машин и установили посреди двора. Мы сделали несколько пристрелочных залпов по приказу командира роты. Он указывал цели по радио, и надо было добиться, чтобы все работало как часы. Боеприпасов было более чем достаточно, и теперь оставалось только ждать, когда большевики пойдут в атаку. Стоит им только попытаться, и мы засыплем минами

равнину, низины и дубовые рощи, где они могли собирать войска для наступления.

Однако пока русские стреляли только из минометов, при взрыве мины поднимали высокие черные фонтаны земли. В промежутках между взрывами слышался треск пулеметов и автоматов – вокруг группы ферм и нескольких рощиц на равнине шел упорный бой. На рассвете мы слышали хорошо знакомый звук. По характерному гулу мы поняли, что приближались танки «Иосиф Сталин». Затем огонь артиллерии усилился. Сначала русские стреляли в небольшой участок фронта, но потом их снаряды начали рваться в глубине наших позиций. Солдаты Красной Армии с криками ринулись из окопов к нашей линии обороны, которая была буквально перепахана вражескими снарядами. Ее просто разнесли в клочья.

Теперь настал наш черед! Наш артиллерийский наблюдатель указывал, куда направить минометы, называя кодовые имена заранее пристрелянных целей.

– Плюс 20 на Эрика! – проорал он в микрофон.

– Плюс 20 на Эрика! – повторил я.

Минометные расчеты работали спокойно и слаженно, как на учениях мирного времени.

– Отлично! Минус 30 на Манфреда, пять снарядов!

В наушниках звучал спокойный голос человека, которого совершенно не волновала близкая опасность. Это был один из моих лучших солдат роттенфюрер Краус. С его помощью мы выпускали одну мину за другой, ведя непрерывный огонь. Мы меняли цель, устанавливали прицел, стреляли, вносили поправку, а там уже новая цель. Мины вылетали из ствола с коротким резким звуком. Минометы вместе с пулеметами и автоматами нашей роты вынудили врага отступить, причем со значительными потерями.

Безусловно, противник не мог не заметить мои минометы, которые нанесли ему такой ужасный урон, и вскоре вражеская артиллерия открыла по нам огонь. Снаряды завывали и свистели в воздухе, разрывались с такой силой, что тряслась земля под ногами. Стропила крыши были разнесены в щепки, их куски полетели во двор. Вскоре загорелись деревянные части окружающих строений. Пламя быстро добралось до крыш, и вскоре нас уже окружала ревущая стена огня, которая поднималась все выше в угольно-черное небо. В квадратном внутреннем дворе фермы стало светло как днем. В свете пожара солдаты походили на призраков. Обливаясь потом и чертыхаясь, они продолжали опускать мины в раскаленные докрасна стволы.

Артиллерийский наблюдатель больше не отзывался, пропав где-то в темноте. Может, его убили, а может, была просто повреждена линия связи. У нас не было времени разбираться. В бронетранспортере оставалась рация, по которой можно было связаться с командиром роты. Он приказал вести непрерывный огонь, периодически меняя точки прицеливания. Но, потеряв связь, мы больше не имели представления о происходящем впереди.

Тем временем вокруг загорелись сено и солома, и над фермой повисло облако густого едкого дыма. Мы едва держались на ногах. С глухим грохотом развалился дом. Одного солдата ранило осколком в руку, другому вырвало кусок мяса из голени. В любой момент ворота фермы могли рухнуть и мы оказались бы в ловушке, словно крысы. Над фермой стояло облако удушливого едкого дыма, от которого у нас слезились глаза, а дышать становилось все тяжелее.

К тому времени мы уже провели несколько часов в настоящем аду, но находиться там еще дольше было просто невозможно. Мы слышали рев танковых моторов, который неотвратимо приближался. Они наверняка нацелили свои орудия на пылающую ферму, из двора которой мы упрямо продолжали вести огонь. Темнота начинала рассеиваться, вот-вот наступит рассвет. Сумеет ли мы тогда прорваться? Выстрелы русских автоматов уже слышались угрожающе близко.

Я побежал к бронетранспортеру, чтобы связаться с командиром роты, но рация не работала! Трясущимися руками я защелкал тумблерами, но так и не смог ее включить. Даже не думая о том, что меня могут заметить на фоне пламени, я перебежал на северную часть холма и укрылся за кустом, чтобы оценить общую обстановку. Оказалось, что танки уже были в каких-то 200 метрах! Я даже различал очертания бронированных гигантов на фоне встающего солнца. Из низины между двумя холмами было слышно, как русские кричали: «Ура-а-а!» Неужели это конец?..

У ворот я столкнулся с запыхавшимся посыльным командира роты. Он закричал:

– Уходите! Их пехота уже прорвалась!

Все его лицо было в крови из ранения на щеке, а он сам едва держался на ногах. Мы помогли многочисленным раненым забраться в бронетранспортеры и кинулись назад за минометами, которые мы в ужасной спешке побросали в машины. Мы помогли посыльному забраться в мой вездеход и тронулись.

Мы ехали все быстрее вниз по склону холма и выскочили в поле. И вот тут выяснилось, что вражеские солдаты окружили

нас. Справа, слева и впереди мелькали серо-коричневые тени. Однако никто даже не подумал открыть по ним огонь, так как не хотелось дать им понять, что прямо перед их глазами сейчас проезжали немецкие машины. Никто тогда не мог знать, как далеко успели уйти «свои».

Сдавленным голосом посыльный рассказал мне о том, что как только выяснилось, что связь оборвалась, командир роты немедленно отправил к нам посыльного с приказом отступить. Первый посыльный был ранен на полпути где-то между холмами, но у него хватило сил ползком вернуться обратно и доложить о своей неудаче. В это время остаткам нашей роты было приказано сесть в машины, но ротный прислал уже второго, этого посыльного, которому удалось добраться до нас, пока коммунисты не заблокировали дорогу. Старуха с косой дала нам небольшую отсрочку, и с ее помощью мы сумели отсрочить гибель всего нашего минометного взвода, ведь для эсэсовца плен означал расстрел, иногда после пыток.

На полной скорости наши бронетранспортеры пересекли поле. Так мы добрались до нужной дороги в направлении Штеттин – Альтдамм, и через несколько километров встретились с нашей ротой. Ее сильно потрепали. Рота понесла огромные потери, и я уже не видел среди уцелевших многие знакомые лица. Больше всего мы, шведы, переживали потерю Арне Йоханссона. Он был настоящим шведским социалистом, который в военное время оставил дома жену и троих детей. Он прибыл сюда, на восток, и взял в руки оружие, чтобы защитить их, чтобы не позволить ужасу войны добраться до родной страны. Он и несколько его товарищей погибли 1 марта в контратаке под Равенштайном. Ротному командиру приходилось несколько раз охлаждать его боевой пыл, который вспыхивал, когда ситуация становилась особенно острой, но в результате это стоило ему жизни.

Глава 6 Плацдарм у Штеттина

Русские начали крупное наступление. В их распоряжении было большое количество тяжелой артиллерии и бесчисленная пехота, в основном это были киргизы, калмыки и другие народности Средней Азии. Эти туземцы стали более заметными, поскольку потери русских и украинцев были колоссальными. Они неумолимо оттесняли нас к нашему плацдарму у Штеттина. Плацдарм уже стал меньше в размерах и теперь охватывал лишь окраины Альтдамма на восточном берегу Одера и его окрестности. К началу марта коммунисты уже успели прорваться к берегу этой реки.

Необходимо было любой ценой удержать Штеттин, чтобы враг не смог напасть с фланга на войска Кюстрина и Франкфурта-на-Одере, которые блокировали дорогу в Берлин. Но не только наше командование понимало важность этого плацдарма для обороны Германии, понимали это и русские, и поэтому они отправили сюда все силы, какие смогли забрать с других фронтов. Бои вокруг Курляндского котла практически сошли на нет, русские отправили в сектор Штеттин – Альтдамм большую часть воевавших там артиллерийских корпусов, танковых и пехотных дивизий, минометных батальонов, среди которых были и элитные войска. Они должны были отбросить нас за реку.

Ни днем, ни ночью не прекращался сокрушительный огненный дождь из снарядов всех калибров: от самых тяжелых гаубиц, «Сталинских органов», 120-мм минометов и пехотных орудий до 37-мм противотанковых пушек. И все они были нацелены на небольшой кусочек земли, который занимали наши войска. Тут же находились оружие, боеприпасы и снабжение, поэтому мы несли слишком тяжелые потери. Командир нашей роты Перссон был ранен и отправлен обратно в Штеттин.

Один из взводных нашей роты, обершарфюрер Хоппе, ослеп, получив разрывную пулю. Его отнесли в подвал; двоих солдат послали за санитарями. Ужасный шквал снарядов «Сталинских органов» заставил их вернуться в подвал, где на цементном полу лежал человек, его лицо было залито кровью, а глаза выбиты. Он не произносил ни слова, но по его тяжелому, прерывистому дыханию, по тому, как он поджимал губы, сжимал и разжимал кулаки, было видно, что он испытывает невыносимую боль. Как только стих грохот «Сталинских органов», двое солдат пообещали взводному, что снова попытаются выбраться и приведут санитаров. Но Хоппе приподнялся на локте и гаркнул:

– Какого черта? Эсэсовец будет идти вперед, пока у него есть

ноги.

Не сдержав стона, он перевернулся на бок, приподнялся на обеих руках и с огромным трудом выпрямился во весь рост. В тусклом свете подвала лицо высокого обершарфюрера под маской полузапекшейся крови светилось призрачной, болезненной бледностью. Вытянув вперед руки, он неуверенной походкой, спотыкаясь, направился к двери. Двое товарищей обняли его, чтобы не дать упасть.

– Держите за руку! – зарычал он. – Меня так просто не взять!

Мы с грустью смотрели за тем, как ему помогли выйти из зоны обстрела через маленькие садовые участки, превратившиеся в пепел, мимо развалин небольших домов, где жили рабочие Штеттина, к ближайшему перевязочному пункту. Мы понимали, что заменить его будет сложно. Хоппе был истинным львом среди эсэсовцев, настоящим гигантом: он был силен, как медведь, и всегда без страха бросал вызов смерти. Он остался все таким же сильным человеком, он стал беззащитным, как ребенок, он спотыкался, пробираясь через воронки на поле боя к жизни, в которой больше не будет света.

Под непрекращающимися атаками русских наш плацдарм становился все меньше и меньше. Теперь он превратился в одну из «позиций для круговой обороны», которые мы много раз пытались удержать за два года отступления из России. У нас оставался только один путь – путь назад – мост через Одер в Штеттин. Линия фронта уже находилась примерно в ста метрах от границы Альтдамма. Днем и ночью русская артиллерия обстреливала наши траншеи и сам Альтдамм, который уже превратился в руины, окутанные клубами густого темно-серого дыма.

О сне никто и не мог подумать, когда земля под ногами тряслась так, как при землетрясении, а в воздухе то и дело с жутким воем пролетали снаряды. На лицах солдат, испачканных и небритых, неизменно читалась боль. Продовольствие присылали нерегулярно, хоть с ним и не было проблем ни в Альтдамме, ни в Штеттине. Несколько раз по группам снабжения открывали огонь, снаряды уничтожали их до последнего человека, и на передовую не попадало ни единого сухаря.

Но голод мы могли перенести, в отличие от нечеловеческой усталости. Глаза страшно болели, лица ничего не выражали. Негде было укрыться в этом аду, где все вокруг горело и взрывалось, где каждую паузу между взрывами снарядов заполняли стоны раненых. Снаряды падали повсюду, разбрасывая опустошительный град раскаленных осколков. Здания рушились,

их обломки одинаково равнодушно накрывали и наступающие войска, и раненых, которые пытались добраться до перевязочных пунктов. Стены бетонных бункеров складывались, словно картонные коробочки. Наши подземные бункеры превращались в смертельные ловушки. Взрыватели с замедлением позволяли минам советских 120-мм минометов пробивать перекрытия, прежде чем взорваться. Оказавшихся в этой ловушке людей крошило в мелкий фарш острыми, словно бритва, осколками.

Шесть минометов моего взвода были установлены во дворе дома, который был изрешечен множеством пуль и снарядов. Он находился совсем недалеко от жилых кварталов Альтдамма. Среди груды битого кирпича от разрушенных стен, перекрученных железных балок, радиаторов и обломков мебели, выброшенных из окон взрывами, непрерывным дождем снарядов мои солдаты работали с завидным спокойствием и аккуратностью. Наш наблюдатель-корректировщик, унтершарфюрер, оставался в одном из подвалов на передовой. Пока работал полевой телефон, наши стволы минометов извергали в небеса непрерывный поток огня.

Ни один другой минометный взвод не смог бы устоять под огнем русских лучше, чем наш, или, по крайней мере, не в таких условиях. Зато наши ребята не раз показывали свою исключительную стойкость. Некоторые из них непрерывно участвовали в боях еще со времени сражений у Нарвы и Дорпата. Но даже вновь прибывшие держались отважно, так как их вдохновляли уверенность и хладнокровие старших товарищей. Они и сами стали гораздо сильнее за эти последние несколько недель ада. Большевики заставили их пройти через все тяготы военного времени, после такого человек либо погибает, либо выживает и становится сильнее.

Однако удержать позицию мы могли лишь при наличии телефонной связи. Несколько раз разрывы снарядов обрывали провода, и мне приходилось посылать двоих специально назначенных связистов отыскать место разрыва и восстановить связь. Каждый раз я делал это с тяжестью в сердце. Служба связистов была, наверное, самой опасной, и количество убитых *Strippenzieher* [1] превышало жертвы среди солдат всех остальных родов войск. Телефонная связь обрывалась постоянно, и каждый раз им приходилось покидать укрытие и налаживать ее. За последние несколько дней, которые я провел здесь, мы потеряли уже трех связистов. Это были отличные парни. Они были невероятно отважны и каждый раз смеялись смерти в лицо, выходя на поле боя, чтобы сделать свою работу!

Вечером новый ротный приказал мне лично пробраться

к коррективовщику и сменить его, так как недавно у того случился нервный срыв. Ротный достаточно подробно рассказал о том, что мне предстояло. Покинув командный пункт, я отправился на помощь надежному другу Краусу, многообещающему молодому унтер-офицеру.

Шквал артиллерийского огня заметно ослабел и не представлял большой опасности, пока я добирался до цели. Зато теперь гораздо громче был слышен яростный огонь стрелкового оружия. Я решил, что где-то рядом идет ближний бой. В темноте зловеще свистели разрывные пули. Большинство моих боевых товарищей считали, что нет ничего хуже артиллерийского огня, а я бы скорее предпочел его этим чертовым разрывным пулям, которых я боялся до смерти. К этому времени они пролетали так близко, как никогда раньше. Пули попадали в перекрученные и переломанные ветви деревьев и их стволы, а потом разрывались. Я чувствовал себя как оказавшийся ночью на кладбище ребенок, который боится привидений.

Мне необходимо было пробежать не так уж много, всего пару сотен метров. Но этот бросок растянулся на целую вечность. В темноте, которую то и дело разрывали вспышки выстрелов, я нашел то место, где укрывался артиллерийский наблюдатель, и скатился вниз по остаткам каменной лестницы. Я открыл дверь блиндажа и тут же торопливо захлопнул ее. Мне сразу в нос ударила отвратительная вонь, смесь запахов застарелого пота, крови и машинного масла.

Рядом с полевым радио и телефоном наблюдателя на изящном чипендейловском столике, каких было много в северной Германии, стояла консервная банка, в которой горел пропитанный маслом клочок ткани. Здесь это был единственный источник света, но запах у него был ужасный. На небольшом элегантном стульчике сидел унтерштурмфюрер из штаба, он контролировал радиосвязь. На красивой спинке стула висел автомат, а грязные солдатские сапоги царапали резные ножки.

На полу лежали два невероятно изуродованных солдата, стонавшие от боли. Их положили прямо на ледяной твердый бетонный пол, подстелив только изорванные окровавленные шинели, которые были плохой защитой от холода. Возле них суетился санитар в безнадежных попытках облегчить их боль. Было понятно, что им не выжить. У одного из них просто не было лица, вместо глаз, носа, рта и подбородка была лишь кровавая масса, из которой вырывалось сдавленное тяжелое дыхание, хрип и слабые стоны. У другого из левого угла рта бежала струйка крови. Человек, которого я должен был заменить, сидел, сгорбившись, на краю походной кровати, голову он опустил на

колени и трясущимися руками то и дело резко ерошил волосы. После каждого взрыва, гремевшего рядом с нашей каморкой, он вскакивал с диким ужасом в глазах. Рядом сидел унтерштурмфюрер Шварц, как всегда жесткий и спокойный, единственный такой человек в нашей роте. Его вид резко контрастировал с безумной картиной вокруг.

Шварц сидел на коробке из-под сахара рядом со зловонным куском горячей тряпки, и казалось, его совершенно ничто не тревожит. Он был занят важным делом – спокойно давил вшей! Закончив с гимнастеркой, он проверил волосы под мышками, а потом перепроверил завитки на груди, чтобы не дать уйти ни одному паразиту. Затем с заметным удовольствием стянул гимнастерку через голову, расстегнул брюки и проверил там каждый шовчик, все так же тщательно и спокойно. Всем этим он занимался абсолютно невозмутимо, а в бункер забежали и выбегали наружу посыльные, на полу хрипели раненые, а тяжелые снаряды взрывались так близко к нашему убежищу, что со стен и потолка падали куски цемента. Звуки взрывов слились воедино, превратившись в звенящий шум в голове, он давил буквально физически. Каждый раз, находя вошь – а у Шварца их было много (на фронте от них никуда не денешься), – он с довольной ухмылкой поднимал ее к полоске тусклого света, раздавливал ее ногтями и кидал в горящее в консервной банке масло. И все это он делал спокойными, чуть ли не расслабленными движениями.

Но при этом Шварц то и дело украдкой бросал взгляд на двух умирающих солдат на полу, каждый раз с состраданием кивая. Потом он повернулся к офицеру у радио и произнес без каких-то особо драматических интонаций:

– Теперь вы видите, что для нас это будет настоящим адом? – А потом он продолжил поиск вшей.

К нам спустился наш новый ротный. Шварц тут же вскочил со спущенными штанами. Новый командир роты, доброжелательный оберштурмфюрер, прибывший прямоком из Берлина, еще не успел толком познакомиться с Шварцем, офицером весьма необычным. Он явно был удивлен, но выслушал доклад последнего с каменным лицом, хотя очевидно было, что ему едва удавалось сохранять серьезный вид.

Затем он заметил на полу две окровавленные фигуры и присел между ними. Ротный попытался тихонько поговорить с ними, но в ответ не получил ничего, кроме стона и хрипов. Он шепотом задал вопрос санитару и в ответ получил утвердительный кивок. Затем ротный поднялся и четким движением отдал честь умирающим солдатам.

Шварц продолжал докладывать ему обстановку, придерживая брюки одной рукой. Унтершарфюрер, которого я только что сменил, вышел помочиться. Снаружи грохнул сильнейший взрыв. Наблюдатель влетел обратно в подвал весь покрытый известкой, в изорванном мундире, лицо и руки были исцарапаны. Глаза его были выпучены от ужаса, он весь трясся. Из несвязного сбивчивого рассказа мы поняли, что снаряд разрушил стену, которая находилась в паре метров от входа в подвал, на которую он мочился. Он окончательно сломался. Командир роты отправил его в тыл вместе с санитаром и сам покинул бункер.

За ночь русская артиллерия запустила в нас не одну тысячу снарядов. Свою долю получило и мое отделение, и мне казалось настоящим чудом, что подвал до сих пор не развалился от прямого попадания и не стал нашей могилой. К утру огонь артиллерии еще больше усилился, превратившись в нескончаемую барабанную дробь, в которой невозможно было различить отдельные выстрелы. Траншеи, блиндажи и окопы были перепаханы тяжелыми снарядами, которые рвали на куски укрывавшихся там солдат. Затем артиллерия перенесла огонь дальше, чтобы расчистить путь наступающей пехоте. После кровавого ближнего боя, местами переходившего в рукопашную, в нескольких местах им удалось прорваться, захватив совершенно разрушенные позиции. Нам просто не хватало сил, чтобы отбросить врага, поэтому нам было приказано покинуть наши позиции и отступить к окраинам Альтдамма.

Мы сумели отойти и занять новые позиции, но не получили столь необходимой нам передышки. Русская артиллерия продолжала вести непрерывный безжалостный огонь. Вокруг тучами свистели разрывные пули, разрушая все на своем пути. Характер боя несколько изменился. Ранее битва бушевала в полях и рощах, разве что краем зацепив несколько мелких деревень. Но теперь она добралась до города и катилась с улицы на улицу, от дома к дому.

Петля вокруг защитников Альтдамма неотвратимо стягивалась. Тут и там в городе появлялись русские солдаты, которых жестоко убивали, но за ними сразу приходили другие. Этой толпе в желто-коричневых шинелях не было ни конца ни края. Сотнями они падали в бою, но по еще теплым трупам проходили новые сотни, которые наступали безостановочно, напор русских не ослабевал ни на минуту. Они караулили за углом, пока их артиллерия или танки расстреливали дом, превращенный нашими солдатами в узел сопротивления. Затем они бросались вперед по улице, занимали подвалы, чердаки и весь дом целиком и переключались на следующий. Неужели

имя им легион?

Этой лавине противостояла хрупкая стена совершенно вымотанных мужчин, которые находились в смертельной опасности. Численность эсэсовцев стремительно сокращалась ежедневно и даже ежеминутно. Бои за каждый дом отличало особое упорство, и каждый солдат сражался до конца. Легкораненые покидали строй, только чтобы перевязать раны в ближайшем перевязочном пункте, и незамедлительно возвращались на боевые позиции. Каждый, кто до сих пор был в силах стоять на ногах и держать в руках оружие, сражался с такой яростью, какой я никогда прежде не видел.

И все-таки наша боевая мощь неотвратимо слабела. Погибших становилось все больше, я видел окровавленные изуродованные тела тех, кто уже не вернется в бой, а подкрепление все не появлялось. Остался лишь поредевший строй закаленных в бою ветеранов. Они были голодны, смертельно устали, небриты, истекали кровью, у многих были перевязаны руки и головы, их кожа была черной от копоти и сажи, одежда испачкана, сплошь покрыта известкой и изорвана. Они чувствовали, что слабеют, но по-прежнему упрямо цеплялись за свое оружие и стреляли, стреляли, стреляли, нанося наступающему врагу ужасные потери. Но силы русских казались неистощимыми.

После трех дней жестоких боев за каждый дом 20 марта наконец поступил приказ отступать по мосту за Одер. Положение стало слишком опасным. Командование Красной Армии перебросило с юга крупные силы и начало наступление вдоль берега Одера, чтобы добраться до моста и таким образом поймать нас на плацдарме, как мышей в клетке. Во второй половине дня, когда мы получили приказ от командования, нам удалось продвинуться на расстояние всего около 300 метров до улицы, которая выходила на мост, наш единственный путь назад. Благодаря сверхчеловеческим усилиям остаткам нашей дивизии удалось остановить продвижение врага на несколько часов, и вечером мы возобновили отступление. К тому времени большевики сумели сосредоточить огонь своих противотанковых орудий на этой важнейшей улице.

Это стало настоящей игрой с огнем, потому что их наблюдатели видели искры из выхлопных труб наших бронетранспортеров, когда те с грохотом на полной скорости мчались в сторону моста. На эти искры они направляли свои орудия. Для личного состава бросок через опасную зону и по мосту вплоть до остановки на безопасном берегу в Штеттине превращался в минуты невероятного напряжения. Однако все

прошло относительно успешно, и мост не был взорван, пока его не пересекли последние из наших солдат.

Плацдарм у Штеттина был участком немецкой земли, щедро политым кровью, солдаты лучших дивизий германских вооруженных сил, не зная страха, отчаянно защищали свою страну от безумного напора целых армий врага. И все же победа была на их стороне. Плацдарма больше не было, и там, где еще недавно кипел бой, теперь лежали тысячи мертвых русских солдат.

Сюда было отправлено множество элитных сталинских дивизий, которые пали под безжалостным огнем защищавших свою землю истощенных, оборванных и грязных, но стойких солдат в форме фельдграу. В этот ревущий и пылающий ад, вырвавшийся на землю, были брошены многие и многие смелые сыновья фермеров и рабочих, молодые студенты, словом, молодежь из всех слоев общества, и это дорого обошлось врагу. Может быть, эта битва против жестокого и беспощадного гиганта Востока станет последней? Возможно, грядут те самые «Сумерки Богов», о которых рассказывали скандинавские мифы? Наступательный порыв русских иссяк, штурмовых дивизий больше не существовало, и, чтобы собрать новые силы, им потребовалось бы немало времени.

На несколько недель на фронте у Штеттина установилось относительное затишье. Те, кто пересек Одер и выжил, буквально в последнюю минуту вырвавшись из лап смерти, оказались в относительной безопасности на другом берегу реки. Суждено ли нам повторить отступление наполеоновской армии после битвы при Березине, пусть даже пока наше положение не было столь катастрофическим? Если бы мы располагали хотя бы половиной ресурсов противника, половиной его танков и артиллерии или хотя бы половиной его воздушной армады.

На несколько дней, проведенных на отдыхе, мы могли забыть о необходимости остановить новые вражеские орды. Они грозили нам уничтожением целой культуры, трудов целых поколений и превращением людей в рабов. Из бесформенной серой массы мы со временем превратились в хорошо отдохнувших боевых товарищей. Перед нами простиралась земля, которая всего несколько лет назад питала надежды на коренные преобразования, на поступательное развитие. Эти надежды родились и были вращены редкой в наше время гармонией, царившей здесь между представителями разных национальностей. Германия была страной, которая, пройдя через многие страдания, смотрела на мир через призму возрожденного юношеского энтузиазма и силы воли. Она смогла бы пробудить

угасающую часть мира, привести ее к процветанию. Только Германия могла стимулировать возрождение образованности и культуры, появление трудолюбивых ремесленников и специалистов, которые на многие века обеспечили бы человечество свежими идеями и желанием двигаться вперед.

Но сейчас эта самая страна лежала в руинах. Западные союзники Сталина шли вперед, творя такие страшные дела, которые превосходили самые ужасные фантазии творцов скандинавских мифов. Безжалостный дождь зажигательных и фугасных бомб сносил с лица земли целые города, современные промышленные, торговые и жилые районы лежали в развалинах. Их идиллические старинные улочки, домики из дерева и кирпича с остроконечными крышами, возраст которых насчитывал не одну сотню лет, были превращены в пыль.

Каждую ночь беззащитные, охваченные паникой женщины, дети и старики погибали в горящем мареве огненных дождей, задыхаясь в огненных штормах. Миллионы выживших стали бездомными и были вынуждены променять пылающий, окутанный дымом ад родных городов на скитания и бесконечные странствия по военным дорогам. Этот мрак и хаос разлучали детей и матерей, жен и мужей. И даже если закончится это безумие, им уже не найти друг друга. Тем, кто остался жить в разрушенных, опустошенных городах, будто бы пришлось вернуться на много сотен лет назад. Они стали современными первобытными людьми, живущими в пещерах и подвалах. Но, несмотря на это, люди все еще сохраняли силу духа, зная, что еще очень много лет им не представится повода для радости. Они не хотели, да и не могли оставить надежду на то, что после десятков лет упадка и унижения они все же добьются права жить свободно, как другие нации.

Наш *Panzer Aufklarungs Abteilung* , или разведывательный батальон дивизии «Нордланд», понес значительные потери. Во второй раз за последние шесть недель мы проезжали через Штеттин, но уже в западном направлении. За время войны английская и американская авиация обрушила на этот город сотни бомб, и теперь русская артиллерия довершала ее работу, уничтожая то, что еще осталось от города после сильнейших налетов воздушных армад. На улицах теперь редко можно было увидеть гражданских, зато повсюду было множество солдат. В городе всюду шли приготовления к новому бою с Красной Армией, готовившей штурм. В парках были подготовлены артиллерийские позиции, на улицах вырыты окопы. На перекрестках стояли тяжелые грузовики, которые в нужный момент могли послужить баррикадами. В землю были вкопаны

штурмовые орудия, реактивные и обычные минометы заняли свои места в развалинах. Над городом плыло облако густого черно-желтого дыма от горящего Альтдамма. Но теперь горел и Штеттин, причем огонь захватывал все новые и новые кварталы.

Мы наблюдали за всем этим чисто механически, у нас не осталось ни капли рвения и энергии. Мы исчерпали все свои силы. Безусловно, на фронте мы много раз ощущали смертельную усталость, но напряжение и неизменная угроза гибели заставляли нас бороться. Эти чувства были для нас своеобразным допингом в те моменты, когда усталость уже, казалось, одолевала.

Так как совсем недавно нам удалось вырваться из когтей смерти, мы наконец смогли немного расслабиться и только теперь начали понимать, как же сильно измотаны мы на самом деле. Руки и ноги словно налились свинцом, тело и голова болели. Еще сильнее чувствовалась моральная усталость. Было невероятно сложно закончить цепь своих же мыслей, трезво оценить ситуацию и сделать правильный вывод. Наша нечеловеческая усталость превратилась в апатию. Солдаты сидели в бронетранспортерах, сгорбившись и качаясь из стороны в сторону по ходу движения машин. Хотя их то и дело бросало на стальной борт, все по-прежнему находились в каком-то сонном трансе. Каждому солдату, особенно водителям, приходилось напрягать все силы, чтобы колонна добралась до пункта назначения.

Тыловое подразделение нашей дивизии находилось в Вуссове – городке к востоку от Штеттина. Там наша колонна разделилась, все роты и батальоны разошлись по нескольким лагерям. Равнодушно, механически взводы и отделения выстроились на площади перед большой фермой в районе переформирования. Командир роты отдал приказы о том, что нужно было сделать в течение дня, а также дал указания о порядке расквартирования и тому подобном. И конечно, мы должны были чистить оружие перед тем, как «клянуть носом».

Уход за оружием был очень важным делом. Раньше мы выполняли чистку за несколько минут, а теперь тратили не меньше получаса. Из-за сильнейшей усталости мы постоянно роняли мелкие детали на пол, когда оружие уже было готово к сборке. Ругаясь, мы начинали чистить их заново. Иногда мы погружались в дремоту и могли только тупо смотреть перед собой, после чего с трудом удавалось вернуться в реальный мир и продолжить чистку оружия.

Солдаты тыловых подразделений привели в порядок наши казармы. В конце концов нам разрешили упасть на солому. Я уже почти уснул, с огромным трудом содрав свои сапоги, как вдруг

перепачканное лицо уставилось на меня. Это был Рагнар Йоханссон II, по прозвищу Жираф, водитель командира роты. Он меня грубо встряхнул пару раз, прежде чем я пришел в себя. В ответ на мои проклятья и протесты он просто улыбнулся, как трубочист.

– Эй, ты! Тебе письмо из дома!

Если бы он сказал, что меня наградили Рыцарским Крестом с дубовыми листьями, мечами и бриллиантами, я бы просто отвернулся и снова уснул или перед этим еще промямлил без особого интереса: «Да ну?» Но это было нечто совершенно иное!

– Откуда оно у тебя? От кого? – Я взлетел с пола, словно подброшенный пружиной.

– Оно у ГП. Он идет сейчас во втором взводе, но уже скоро будет здесь.

В полумраке я побежал к двери, наступая на ноги, руки и животы спящих рядом товарищей. Черт возьми, сапоги! Я же забыл их надеть. Обратно я понесся тем же маршрутом прямо по телам спящих, причем некоторые сейчас посчитали, что это слишком далеко зашло, и меня провожали сонные и тупые проклятья. Но я так и не сумел запихнуть опухшие ноги в сапоги. Я схватил их в руку и выбежал во двор в одних носках. Среди деревьев, где позади фермерского домика стояли машины второго взвода, я увидел ГП, который только что вернулся из госпиталя, аккуратно замотанный бинтами.

– Отдай мне письмо, ГП! – закричал я.

Он встал передо мной, расставив ноги и уперев руки в бока, и начал осматривать меня с головы до ног.

– Это так разговариваешь с вышестоящим начальником? Смирно, солдат! – прорычал он. – Я вижу, вы одеты прилично и в соответствии с уставом, – добавил он со злорадной ухмылкой, насмехаясь над моими ногами.

Он стоял и посмеивался надо мной, вопя, как самый тупой сержант старой закалки, который снится новобранцам в их кошмарах. Однако он не сумел скрыть смешинки в глазах, и напускная маска упала.

– Вот твое письмо! – сказал он низким голосом, дружески толкнув меня в грудь, и ушел к следующему взводу.

Это было первое письмо из дома более чем за год! Оно пришло от девушки, которая по-прежнему помнила обо мне. На марках был портрет, и открытка пришла из Стокгольма. У меня возникло какое-то странное ощущение, к горлу подступил комок. Мне даже стало немного стыдно. Больше месяца это письмо шло из мирного, чистого Стокгольма, который жил прежней безмятежной жизнью. Там по-прежнему сияли неоновые огни

и дружелюбно светились окна, которые никто не думал закрывать светомаскировкой. Кинотеатры открыты, а люди мирно гуляют по улицам. Мое письмо прибыло в этот временно спокойный уголок рядом с фронтом, где каждый день гибнут и получают увечья тысячи молодых людей. Это письмо из другого мира!

Я разорвал конверт, руки мои дрожали больше от радостного возбуждения, нежели от истощения и последних невзгод, истрепавших вконец мои нервы. Я быстро пробежался взглядом по строкам. Потом прочитал еще раз, медленно, а потом снова и снова.

Возможно, в этом письме не было ничего особенного. В основном оно рассказывало об обычных вещах и мелких событиях дома. Однако оно придало мне новые силы и надежду – я начал думать о жизни там, на Севере. Все это было чудовищно далеко от жизни фронтового солдата. Письмо помогло мне погрузиться в счастливые грезы, как только я присел под стеной амбара. Держа письмо в руке, я начал думать о том, как поживают мои домашние и друзья. Полтора года из дома не приходило ни единой весточки. Недоумевая, я смотрел, как другие мои соотечественники получали письма из Швеции, слушал, как они читают и пересказывают содержание в перерывах между боями и маршами. Письма шли довольно долго – месяц или даже больше, но все же они оставались связующим звеном с домом, по которому я скучал.

Как и все остальные, я вконец вымотался. Неделя тяжелых непрерывных боев, почти без сна, среди рушащихся домов, грома разрывов, разорванных человеческих тел в грязи, огне, дыме и крови, высосала из нас все силы. Ужасные образы, словно огненное клеймо, жгли мозг. Но все это: усталость, апатия, взвинченные до предела нервы – внезапно куда-то исчезло. Все воспоминания о предыдущих днях, о войне на время пропали. Сейчас я был снова дома с моими родными и друзьями. Я снова ходил по добрым улицам Старого города и Южной стороны. Мои мечтания продолжались, пока меня не победила усталость, и я уснул прямо там, где сидел, теперь мне снился далекий Стокгольм.

Нам приказали отодвинуться еще дальше в тыл, чтобы оправиться от последних тяжелых боев. Эта передышка стала одним из незабываемых периодов восстановления между изнурительными сражениями. Мы как будто заново родились и снова могли драться с прежней силой, словно пошли на фронт в первый раз. Приказы стало легче выполнять, время от времени мы проводили учения, чтобы не слишком облениться. Иначе говоря, все стало по-шведски: немного медленно, не слишком

тяжело и больше походило на первые тренировки новобранцев. Это не походило на обычные изматывающие учения эсэсовцев!

Наступили славные времена, нам хватало масла, сыра, яиц, ветчины и всяких сельских деликатесов. Фермеры довольно улыбались, смотря на то, с каким аппетитом мы поглощаем еду. Условия жизни стали вообще почти роскошными. Например, одного из наших офицеров было довольно сложно найти с тех пор, как он познакомился с симпатичной маникюршей, эвакуированной из Берлина. Нужно было ехать в деревню, где она жила, и искать его в пещере «львицы» с платиновыми волосами. Там он, скорее всего, наслаждался маникюром, педикюром и, вероятно, всякими другими приятными радостями.

Но когда командир роты приказал построиться и скомандовал «Смирно!», мы все встали, как статуи. Никто не потерял выправки, хотя мы стали настоящими весельчаками. Вот и у Перссона был вполне довольный вид, пока он осматривал строй и внимательно вглядывался каждому солдату в глаза. Надраенные до блеска и отменно вышколенные! Ведь мы солдаты Ваффен СС!

Начались стандартные проверки, или, как их звали в шведской армии, «визиты» – осмотры техники. За пару дней до того, как наш отдых закончился, состоялась одна такая проверка, причем в самый неудачный для меня момент. Команда из пяти человек моего полугусеничного транспортера, ну, и я с ними, оказались вполне успешными «организаторами». Нам стало понятно, что вскоре предстоит отправка на фронт, поэтому мы «организовали» поставку довольно большого количества еды с кухни и одежды со склада, добытой подобным образом. Наша машина была так набита разного рода консервами, маслом, джемом, нижним бельем и всем прочим, что если бы не броня, то точно бы лопнула.

И тут, как гром среди ясного неба свалился приказ о срочной проверке бронетранспортеров. У нас не было совершенно никакой возможности спрятать свои сокровища и воспрепятствовать позорной конфискации имущества! Офицер по прозвищу Шпиц, адъютант роты Худелист, почти облизывался, пока он вместе с командиром роты осматривал все «добро», которое можно увидеть через люк нашего танка. Он сладостно потирал руки и говорил:

– Вам тут не тесно, господа, в вашей карете? Мне кажется, нужно убрать часть багажа, чтобы вам было удобнее путешествовать.

Сразу после смотра, грустно вздыхая, мы начали относить обратно все продукты и вещи туда, где мы их взяли. Самым

тяжелым для меня было отнести обратно пару абсолютно новых сапог, два комплекта мягкого и красивого белья, пару новых брюк новой модели и несколько пар носков. Пока я складывал вещи вместе, чтобы отнести на склад, Перссон стоял в люке танка, уставившись с понимающим видом в небо и стуча пальцами по броне. Шпиц подскакивал от нетерпения и даже помогал мне, забирая лишние штаны.

На следующее утро из своей казармы Худелист вышел, красуясь в «моих» штанах. Как только он поймал мой взгляд, то направился в мою сторону, остановился и радостно поинтересовался:

– Ничего, если я похожу в «твоих» штанцах?

Во мне все кипело, но он был выше по званию – гауптшарфюрер, а я всего лишь унтершарфюрер, даже несмотря на то, что мне недавно доверили командование взводом. Поэтому я ответил, стараясь успокоиться, но с таким видом, словно оказывал ему благодеяние:

– Конечно, нет, гауптшарфюрер!

Что ж, нам выпало несколько «мирных» деньков, так что в нашем бронетранспортере остались только экипаж и предписанное уставом имущество, когда мы получили приказ выступить!

Глава 7 Кюстрин

В районе Штеттина все было относительно спокойно с тех пор, как мы эвакуировали плацдарм. У большевиков пока еще не хватало сил, чтобы переправиться на западный берег Одера. Кроме того, ликвидация нашего плацдарма Штеттин – Альтдамм стоила им нескольких лучших дивизий. Когда пролилось столько крови, требуется время, чтобы найти новую кровь, чтобы снова «оросить» землю Померании. Однако нам казалось, что запасы «азиатской крови» нескончаемы.

Благодаря этому наша позиция на данный момент была вполне безопасной. Вверх по Одеру опасность была серьезнее. Вся наша система обороны полностью зависела от позиций на Одере. Красная Армия бросила значительные силы в сектор между излучиной Одера и Франкфуртом и начала прощупывать оборону в разных местах.

Как только мы почувствовали беду, командование, насколько было возможно, усилило оборону. Например, в секторе Штеттина были усилены те участки, где создалось наиболее угрожающее положение. В частности, нашу дивизию отправили на юг. Нам приказали занять позиции возле города Шведт, который находился на правом берегу большой излучины Одера. Стояла прекрасная весенняя погода, и после перебазирования мы сразу начали окапываться и строить оборонительные позиции. Нам на помощь пришли несколько горожан, как мужчины, так и женщины, но их было слишком мало. Солнце светило весь день, и, несмотря на то что был только конец марта, жара стояла, как в июле. Мы почти ничего не слышали о русском иване, но в воздухе витала постоянная угроза. В конце концов, в Штеттине мы собственными глазами видели, какое количество солдат русские могут бросить в наступление.

В это время мой минометный взвод был передан пятой роте нашего разведывательного батальона. Постепенно мы то же узнали от других подразделений, которые с боем прорывались назад чуть ли не от берегов Вислы, они рассказывали о странных событиях, которые ясно показывали, что русские сейчас поставили на карту все, пытаясь одним мощным ударом завершить войну.

Ранее мы не раз попадали в сложное положение и достаточно закалились, иначе мы бы не справились с непомерным психологическим и физическим напряжением отступления из России. Но теперь мы находились уже на исконных немецких территориях. Вдобавок к тому моменту буквально все начало

казаться зловещим. Безусловно, мы прекрасно понимали, что приближаются решающие события и скоро в бой будет брошено волшебное оружие, благодаря которому война приобретет совершенно новый характер.

Новые реактивные истребители, которые намного превосходили лучшие британские и американские самолеты, уже использовались и нанесли серьезные потери вражеским бомбардировщикам. Мы знали, что настанут лучшие времена. Это было лишь делом времени, вопросом нескольких месяцев. Но как выиграть эти месяцы? Удастся ли нам достаточно долго выдерживать натиск таких невероятных масс людей? Ведь у русских помимо огромного количества танков, артиллерии и самолетов было бесконечное количество солдат! Таких армий, как эти, раньше никто не видел! Они наносили нам удары днем и ночью с нечеловеческой яростью и решимостью.

Но если бы дело было только в русских! С запада к нам теперь с невероятной скоростью продвигались американские войска, почти уже дыша нам в спины. Там вовсе не было ничего подобного ближнему бою. Это была армия машин, которая неумолимо катила вперед и молниеносно пробивала тонкие ряды смелых, но измученных защитников. Янки понапрасну не рисковали. Если на их пути возникала оборонительная позиция, которую нужно взять, даже если эта линия – всего лишь несколько полевых укреплений и окопов с сотней солдат, они сначала отправляли множество бомбардировщиков, которые переворачивали все вокруг с ног на голову. Затем прилетало такое количество истребителей, что их пулеметы и ракеты чуть не заглаживали все кратеры от бомб. В это же время на несчастный маленький клочок земли артиллерия обрушивала целый дождь из снарядов. И только после такой подготовки вперед шло множество танков. От защитников оставалась жалкая горстка, возможно, всего несколько человек, которым даже не хватало сил, чтобы поднять руки над головой, когда начинала наступление американская пехота.

Сумеем ли мы прочно удержать позиции? Изнутри нас глодала тревога, пока мы, раздевшись по пояс и обливаясь потом, работали под палящим солнцем, чтобы улучшить наши оборонительные позиции. Это должно сработать! Но неизвестность и те вопросы, что остались без ответа в наших головах, постоянно вселяли в нас неуверенность и нервозность. Это чувство неопределенности преследовало нас повсюду, и когда мы работали в окопах, во время все более частых учебных тревог, и на отдыхе, и даже во сне.

Возможно, небольшим, но все-таки утешением становилось

подведение итогов жизни. Шанс выжить на войне был настолько ничтожным, что можно было смеяться только при мысли о нем. Бог мой, мы уже видели столько людей, прошедших через нашу роту! Они проделали тяжелый путь: сначала были новобранцами в учебном лагере, потом попадали в маршевый батальон, затем к нам и, наконец, оказались в солдатской могиле. Всех не перечесть! Можно было насчитать несколько сот человек – тех, кто теперь безмолвно маршировал вместе с нами. Разве можем мы так легко всех забыть? Но этим не стоило забивать наши головы, и такое отношение, как ни странно, прибавляло нам сил.

Но был один человек, который лучше остальных чувствовал и понимал, что происходит в солдатской душе. Это был командир нашего *Panzerkorps* (танкового корпуса) Феликс Штайнер, обергруппенфюрер СС и генерал войск СС. Мы его обожали, потому что он был воином и лидером от бога. Штайнер командовал уже многими из нас во времена службы в дивизии СС «Викинг». Он постепенно вырос, от командира дивизии поднялся до командира III танкового корпуса СС (германского танкового корпуса), и сейчас он командовал этим соединением, причем знал всех своих солдат.

В субботу, 14 апреля, он неожиданно приехал к нам. Конечно же, мы догадывались, что следует ожидать подобного визита, поскольку в тот день нас специально заставили приводить себя в порядок. И хотя нас все-таки застали врасплох, тем не менее мы были очень рады увидеть «старика» среди нас. Он выглядел серьезнее, чем обычно, когда стоял перед вытянувшейся по стойке смирно ротой.

Обергруппенфюрер Феликс Штайнер был одним из тех талантливых лидеров, которые рождаются один на миллион. От его крепкого и немного неуклюжего тела всегда исходило всеобъемлющее чувство спокойствия, мощи и безопасности. Каждый человек, который когда-либо видел его или слышал о нем, становился частью его силы. Штайнер был чрезвычайно жестким и требовательным, но в то же время он оставался равным среди своих солдат. Звучит банально, даже немного избито, что командир должен быть как отец для своих солдат, но если такое можно говорить о каком-либо офицере, то обязательно следует сказать и о Феликсе Штайнере. Мы обожали его и были слепо преданы ему.

Он снова стоял перед нами, как в прежние времена, и доверительно разговаривал, как равный с равными, мужчина с мужчинами. Он напоминал нам о тех днях, когда мы шли через бескрайние земли России и били русского ивана везде, где он пытался нам сопротивляться. Он объяснял цепь причин, которые

привели нас сюда – на линию фронта, где сражаются германские народы, где Запад противостоит Востоку, – на берега Одера.

Он рассказал нам о величайшей опасности, которая угрожает западным народам и их культуре со времен Аттилы и его гуннов, но эти народы сейчас держатся так обособленно, как никогда раньше. Вместо того чтобы встретить врага лицом к лицу объединенными силами и отбить новое вторжение, они губят сами себя в кровопролитной междоусобной борьбе. Это привело к тому, что только часть Вооруженных сил Германии может сражаться с этими варварами в качестве последней линии обороны против опасности всемирного большевизма. Но даже эти силы из-за опустошительных воздушных ударов по родной земле и линиям коммуникаций теперь получают совершенно недостаточное количество топлива, оружия и боеприпасов. Штайнер объяснял, что наши воздушные силы не могли поддерживать сухопутные войска как требуется, поскольку они постоянно сражаются, пытаясь защитить наше беззащитное гражданское население от террористических налетов английских и американских бомбардировщиков. Судя по всему, артиллерия и танки, в которых мы так сильно нуждались, не могли прийти к нам в нужный срок, поскольку железные дороги и другие пути подвергались постоянным бомбардировкам.

– Что бы там ни происходило на Западе, мы сейчас не должны об этом думать. Фронт на Одере стал самым главным. Только он! Мы стоим здесь, и вместе с нами либо выстоит, либо падет весь мир Запада. Если большевики сумеют прорваться, их орды затопят нашу страну, и тогда погибнет не только Германия. Будущее всей Европы станет ужасным. Мы должны удержаться на Одере!

После этой речи Штайнер прошел вдоль строя роты, пожал руку каждому солдату, и каждый пообещал сделать все, что только сможет. Не один закаленный ветеран вдруг ощутил, как комок подступает к горлу и слезы наворачиваются на глаза, когда «старик» медленно переходит от одного солдата к другому. В наших сердцах возникало чувство подлинного боевого братства.

Когда он подошел ко мне, суровые, резкие черты лица вдруг смягчила сияющая улыбка. Он узнал меня! А ведь прошел почти год с тех пор, как под Нарвой в составе делегации от всей дивизии я поздравлял его с днем рождения. И хотя с тех пор Штайнер встречался с огромным множеством солдат, он запомнил меня. Он даже помнил мое имя. Он спросил меня о том, что меня волновало больше всего, словно был моим близким другом, поинтересовался, давно ли я получал вести из дома. Штайнер также спросил, как я чувствовал себя во время

последних боев и как ко мне относятся товарищи по Ваффен СС. Я даже растерялся, в голове крутилась какая-то каша, я лишь слышал его участливый голос и видел ясные глаза, заглянувшие прямо мне в душу. Стоящие рядом товарищи превратились в неясные далекие фигуры. И где-то вдаль я слышал свой собственный голос, который отвечал на вопросы генерала с четкостью, удивившей меня самого. Прощаясь, он похлопал меня по плечу и с жаром произнес:

– Да, камрад, до сих пор мы держались, несмотря на все трудности. И теперь, больше чем когда-либо, мы должны стиснуть зубы и стоять твердо. Один за всех, все за одного!

Он шел вдоль строя, крепко пожимая руку каждому из нас. Все эти люди, добровольно согласившиеся сражаться насмерть, которые к этому времени успели забыть значение слова «привязанность», поддались влиянию его ауры. Перенесенные страдания заставили зачерстветь их души, черный юмор помогал им переносить опасности, но сейчас они преданно и с любовью смотрели на своего командира.

Феликс Штайнер был великим солдатом, одаренным военачальником, лидером и товарищем. Мы никогда не забудем тебя! Ты был блестящим носителем нестигаемого боевого духа, который передавался нам, и сразу в душе начинали играть фанфары, звучал марш Ваффен СС, который сложно, может быть, даже невозможно перевести:

*SS marschiert in Feindesland
Und singt ein stolzes Lied
Ein Schutze steht am Volgastrand
Und leise summt er mit:
Wir pftifen auf unten, auf oben
uns kan ja die ganze Welt
verfluchen oder auch loben,
genau wie es ihnen gefollt.
СС идет по вражеской земле
И поет гордую песню.
Солдат стоит на берегу Волги
И тихо бормочет:
Плевать мы хотели на всех,
И целый мир может
Проклинать нас или хвалить,
Пусть делает, что угодно.*

Он отражал дух этих высоких вспылчивых парней и мужчин, которые тем не менее подчинялись железной дисциплине и совершенно не страшились смерти. Он отражал их веру

в бесклассовое национал-социалистическое общество, где каждый имеет свой шанс.

Это был последний случай во время войны, когда я видел Феликса Штайнера. Позднее, как я слышал, он посетил все остальные роты, батальоны, полки и дивизии корпуса. Он вселял уверенность буквально во всех, его отвага передавалась пошатнувшимся и усомнившимся, заставляла их драться с новой силой.

Отдых в Шведте был исключительно спокойным и мирным. Жестокие сражения переместились немного на юг, и теперь бои шли возле Кюстрина. Вводя в бой огромные силы, большевики упорно старались зацепиться за наш берег Одера. Их мощные атаки продолжались почти непрерывно, но были безрезультатными. Бесчисленное множество снарядов всех калибров обрушилось на каждый квадратный метр наших позиций. Они превратили западный берег Одера в лунный ландшафт. Но каждый раз, когда после мощного артиллерийского налета русские лодки и десантные суда отходили от восточного берега, их встречал огонь немецких орудий и пулеметов. Русские десантники гибли, а их суда шли на дно. Эта бойня продолжалась и днем, и ночью. А река равнодушно несла вниз по течению многочисленные трупы и струи крови.

Если бы большевики сумели захватить хотя бы самый маленький клочок земли на западном берегу Одера, мы оказались бы в страшной опасности, поэтому защитники сражались с предельной решимостью. Это была битва, где все решали резервы. Маршал Жуков имел все, что только желал. Дивизии и армии с других участков фронта отправлялись к Кюстрину. И снова против огромных масс войск мы в качестве резервов имели лишь мобильные группы. Наши войска отчаянно требовались в других местах, где шли не менее тяжелые бои.

Наверняка в качестве последнего резерва можно было использовать фольксштурм, но это были слабо вооруженные части, которые состояли в основном из стариков, уже лишившихся силы и выносливости юности. Кроме того, мы не имели артиллерийской и авиационной поддержки. И чего мы могли добиться, если у нас имелись только пулеметы, панцерфаусты, минометы и противотанковые орудия? Тут уже не помогала никакая храбрость. А против нас находился противник, имевший десятки тысяч орудий и «Сталинских органов», неиссякающий поток истребителей, которые безжалостно прочесывали оборонительные линии огнем своих пулеметов. Поэтому в один день струна все-таки лопнула и русские ступили на землю, искони принадлежавшую народам Запада, перешагнув

через последний естественный барьер. С этого момента события понеслись со все возрастающей скоростью.

С фантастической быстротой большевики навели мосты через реку, после чего их ударные части сумели продвинуться еще на несколько километров во всех направлениях, хотя там их остановили спешно подброшенные резервы. Днем и ночью иваны лихорадочно работали, чтобы перевести через реку как можно больше войск, прежде чем немцы перейдут в контратаку. Когда стемнело, над мостами зажглись прожектора, чтобы в их свете русские саперы могли продолжать работу. Однако немецкая авиация, которая так нужна была на Восточном фронте, даже больше, чем ранее, полностью увязла в борьбе с армадами бомбардировщиков, прилетавшими с запада. Они сбрасывали зажигательные и фугасные бомбы на беззащитные крупные города Германии. Например, в Дрездене бомбардировщики союзников за три воздушных налета, которые длились 20 часов, убили не менее 200 000 человек, в основном женщин, детей и стариков.

Русские прорывы возникали и в других местах. Весь фронт на Одере оказался в опасности! Наша дивизия, которая оставалась одной из самых подвижных и успешных, принадлежала к тем соединениям, которые спешно перебрасывали в угрожаемый сектор. Мы должны были сбросить русских в реку и ликвидировать плацдарм. Это можно было сделать, только нанеся мощный безжалостный удар еще до того, как русские сумеют закрепиться на нашем берегу.

И снова мы мчались по прекрасной стране с плодородными полями и садами, обширными рощами, прямыми как стрела ивовыми аллеями, богатыми, отлично ухоженными фермами, великолепными замками. Что-то внутри требовало: быстрее, еще быстрее! Как бы не прибыли слишком поздно! Ответственность гнала нас вперед, в последний бой. Короткие паузы наполнялись ожиданием новых приказов и постоянной тревогой. Ежедневные приказы командира дивизии раскрывали перед нами всю тяжесть ситуации и важность действий каждого из нас.

Всю ночь мы двигались в полной темноте, не снижая скорости. Командиры машин, которые всегда стояли перед водителем, указывали им, куда поворачивать, так как водитель просто не мог видеть дорогу. Командир просто хлопал водителя по правому или левому плечу, в зависимости от того, куда поворачивала дорога. В наших бронетранспортерах было тихо, насколько это вообще возможно в грохочущей и скрежещущей бронированной машине. Никто не говорил ни слова, исключая радиста, который сидел справа от водителя, нацепив наушники,

и выкрикивал приказы командира роты. Если он чуть-чуть поворачивал ручку настройки, то мог слышать, как русские командиры отдают свои приказы на другом берегу Одера.

На рассвете 19 апреля пришло сообщение, что обстановка полностью определилась, а вместе с ним пришли и приказы. Нам нужно было следовать прямо на передовую, сохраняя полную готовность, чтобы немедленно вступить в бой. Нашему разведывательному батальону выделили позицию в деревне Гогенштайн чуть позади передовой. Там мы остановились вместе с другим моторизованным подразделением, ожидая прибытия 30 танков «Королевский тигр», которые должны были помочь нам. Вместе с ними мы должны были нанести контрудар.

Экипажи покинули бронетранспортеры и разбрелись по всей деревне, чтобы размять ноги, а может быть, и вздремнуть перед боем. Я остался в своей машине вместе с водителем. Мы стояли рядом с амбаром, куда заехал другой бронетранспортер, чтобы укрыться от вражеских самолетов. Деревня была полна солдат, там были эсэсовцы, армейцы и даже фольксштурм, который я впервые увидел на линии фронта. Некоторые солдаты носили мундиры, но большинство из них так и остались в гражданской одежде с повязками фольксштурма. Они были вооружены в основном автоматами и панцерфаустами. Их дух был высок, но я гадал: а как будут вести себя эти пожилые мужчины, когда начнется серьезный бой?

Одно было хорошо – после множества боев в пешем строю мы наконец-то получили шанс атаковать на бронетранспортерах. При поддержке «Королевских тигров» наши легкие машины могли прорвать оборону плацдарма и посеять панику среди штурмовых частей русских. Если вспомнить наш опыт боев в Прибалтике, где мы часто несли тяжелые потери, мы должны были нахлебаться моторизованных атак. Но за последние месяцы, когда мы все время воевали в пешем строю, все ждали продолжения танковых ударов. В конце концов, мы ведь были не какой-то там пехотой, а панцер-гренадерами гордого германского танкового корпуса, элитного подразделения, которого боялась Красная Армия и которому завидовали остальные наши механизированные соединения.

Прибытие 30 «Королевских тигров», которые требовались нам для прорыва обороны большевиков, чтобы проложить нам путь к берегам Одера, ожидалось в любой момент. Но у нас еще оставалось немного времени отдохнуть и подремать. В деревне царили тишина и покой. Все постарались устроиться как можно удобнее, и в домах было полно спящих солдат. Даже я вскоре отключился. Водитель уже спал на своем сиденье.

Ужасный грохот, словно где-то поблизости началось извержение вулкана, подбросил всех нас, тишина в мгновение ока превратилась в неопиcуемый ад. «Сталиньские органы» и тяжелая артиллерия обрушивали на нас залп за залпом, началось подлинное кровопролитие. На улицах взлетели столбы огня и земли, дома рушились и разлетались в щепки. Из окон показались языки пламени, которые лизали стены и крыши.

Солдаты в ужасе выбегали из дверей и выпрыгивали в окна. Кто-то сжимал окровавленными руками голову, а кто-то пытался зажать рваную рану на животе и запихнуть обратно вываливающиеся кишки. Я видел людей, которые ползли, потому что у них была оторвана нога или даже обе. Даже те, кто успел выбежать из дома, не чувствовали себя в безопасности, многие, сделав буквально пару шагов, валились на землю и больше не поднимались. Сквозь грохот разрывов долетали отчаянные предсмертные крики и жалкие стоны.

Все больше и больше солдат, пораженных острыми как бритва осколками, разлетавшимися во все стороны, а вдобавок еще и раскаленными докрасна, лежали на земле в лужах крови. Вскоре буквально вся улица была завалена скорчившимися телами. Кровь текла ручьями! Сотни солдат были убиты и ранены. Но русские снаряды продолжали сыпаться, разрывая на куски уже мертвые тела.

Окровавленный обрубок ноги с чмоканьем ударил в борт моего бронетранспортера, и кровь брызнула мне в лицо. Я просто остолбенел. Словно загипнотизированный, я в ужасе уставился на то, что происходило прямо передо мной. Брызги крови вернули меня к жизни. Мы должны бежать, прочь из машины! Лучше рискнуть получить осколок в ногу, чем остаться в машине и взлететь вместе с ней на воздух. Я пригнулся и крикнул водителю, что нужно делать. И в тот же самый миг большой осколок ударил в борт бронетранспортера в то самое место, где я только что стоял. Я опрометью вылетел наружу.

Мы выпрыгнули из машины и побежали к окопу, находившемуся в нескольких метрах от нас, с той скоростью, которую придает смертельный испуг. Тут я увидел, что сарай, в котором стоял другой бронетранспортер моего взвода, пылает. И чувство долга, которое сохраняется даже в самой тяжелой ситуации, погнало меня туда.

Амбар был уже полон дыма. Кашляя и ругаясь, я взобрался на водительское сиденье. Черт побери! Не помню, как долго я пытался трясуцимися пальцами завести мотор, но это не удалось. Он только вздыхал и свистел. Совсем рядом с амбаром прогремел такой сильный взрыв, что у меня зазвенело в голове,

огонь полыхнул, посыпались искры. Я снова выпрыгнул из машины. Я увидел, что мой водитель лежит в бетонном корыте для воды и смотрит на меня. Вдруг он исчез за черно-коричневым крутящимся столбом дыма и земли, засвистели осколки. «Кончено!» – только и подумал я. Однако он все еще был жив и даже не получил ни царапины в своем надежном укрытии. Я помахал ему, и он сразу побежал. Ложись! Новый взрыв, затем еще один – и снова он успел упасть! Под градом снарядов он добрался до меня, хотя и запыхался.

– Я не могу его завести! Попытайся, но поспеши, а то нас разорвет на куски! – крикнул я.

Он нырнул в кабину, грязно выругался, что-то покрутил, и мотор заработал. Все-таки он был одним из лучших наших водителей!

– Выезжай как можно быстрее! Я заберу наш собственный транспортер! – прокричал я и побежал туда.

Оглянувшись через плечо, я увидел, как бронетранспортер вылетел из горящего сарая и помчался прочь. Спотыкаясь о трупы товарищей и время от времени падая, чтобы укрыться от разрыва, я в результате перемазался в крови, но все-таки добрался до сарая, за которым стоял наш бронетранспортер. Не было никакого смысла задерживаться посреди этой бойни, ведь и до сих пор я остался цел только чудом. Вся деревня пылала, горящие дома извергали клубы едкого дыма и выбрасывали фонтаны искр. Воцарился совершенный хаос, повсюду лежали убитые и раненые, а отдельные уцелевшие солдаты в панике метались, пытаясь выбраться из этого ада.

От соединения, которое должно было сокрушить плацдарм большевиков, словно удар тяжелой кувалды, остались лишь жалкие обломки. Атака провалилась, еще даже не начавшись. Наш разведывательный батальон, элитное соединение, равных которому нельзя было найти на всем Восточном фронте, понес чуть ли не самые тяжелые потери за всю войну. И все это произошло буквально в течение получаса, не больше, хотя именно в таких ситуациях ты полностью теряешь ощущение времени.

Весь перемазанный кровью погибших товарищей, я забежал за угол сарая. Наш бронетранспортер пропал! Похоже, кто-то из экипажа сумел увести его из-под града снарядов, понимая, что это последнее, что у нас осталось. Но в результате я остался один, как перст! Я понятия не имел, где теперь должен собраться батальон после этого удара. В то же самое время легко было догадаться, что вскоре большевики сами перейдут в наступление, бросив вперед танки и пехоту, потому что этот яростный обстрел

был лишь подготовкой атаки. Они вели огонь не только по деревне. Грохочущие раскаты доносились и справа, и слева. Готовилось решающее наступление!

Несколько человек прибежали с дальнего конца деревни. Двое солдат тащили раненого товарища с окровавленной повязкой на голове. Было ясно, что они прибыли с передовой. Не обращая внимания на осколки снарядов, свистящие вокруг, они бежали дальше. Но тут один из них упал, ему оторвало голову, и кровь фонтаном ударила из горла. Другому оторвало ногу выше колена, и он рухнул ничком. Я никак не мог помочь им, нигде не было видно санитаров. Вероятно, их тоже разорвало на куски. Со всеми, кто находился в деревне, было покончено.

Один из армейских пехотинцев, стоявших неподалеку, завопил, заметив меня сквозь пелену дыма. Я лежал, практически беззащитный, у каменного фундамента одного из домов.

– Иваны прорвались там! Идут целые толпы! – кричал он.

Вот теперь я тоже побежал! Перепрыгивая через трупы, я помчался назад, держа в руке пистолет, свое единственное оружие. Солдаты Красной Армии могли появиться в любой момент, и я приготовился продать свою жизнь как можно дороже.

Хотя времени внимательно разглядывать, что творилось в деревне, у меня не было, увиденное врезалось мне в память. Посреди улицы сидел старый солдат фольксштурма. Его совершенно седые волосы были залиты кровью из раны на голове. Рядом с ним валялся его панцерфауст. Он придерживал голову раненого молодого эсэсовца и нежно гладил стремительно бледнеющие щеки. У эсэсовца были оторваны обе ноги. Он был обречен, но было жутко встретить его жалобный, молящий взгляд, который должен был вот-вот угаснуть. Но я не мог взять раненого с собой. Он наверняка истек бы кровью раньше, чем я протащил бы его хотя бы немного.

Я бежал дальше, не сбавляя скорости. Утомленные солдаты вермахта, которые не могли удержаться рядом со мной, постепенно отставали. Но как бы быстро я ни бежал, выбраться из-под смертоносного ливня снарядов казалось невозможным. Он двигался вперед с той же скоростью, с какой я бежал. Наконец, когда я миновал небольшой лесок, он несколько ослабел. Но позади меня все гремело, гудело и содрогалось. Этот обстрел катился дальше, как исполинский дорожный каток, сминая все на своем пути.

Дамба была прорвана. И, подобно потоку воды, устремившемуся в брешь, Красная Армия ринулась вперед с плацдарма под Кюстрином, взломав немецкую оборону. Русские в течение нескольких дней накапливали силы, сосредоточив

большое количество войск на крохотном пятачке. Они потоком шли через реку, днем и ночью, совершенно не опасаясь нашей авиации. Удар был нанесен в узком секторе, что еще больше усилило его и без того сокрушительную мощь. Я уже понял, что фронт на Одере прорван. Слова обергруппенфюрера Штайнера звучали у меня в ушах: «Как все это закончится?» Я повторял этот вопрос снова и снова, пока бежал по полю, судорожно облизывая пересохшие губы и пытаясь успокоить бешено стучащее сердце. Дело в том, что вдали под деревьями я увидел небольшую группу машин.

Там были и наши бронетранспортеры, командование которыми принял адъютант роты. Именно он вместе с водителем другой роты подобрал меня и привез сюда. Командиром роты взамен раненого был назначен новый офицер, еще один командир роты погиб, были ранены два командира взводов. Адъютант роты Худелист задержался, чтобы подобрать всех отставших. Он сообщил мне, что 12 человек из моего взвода погибли в деревне, а мой водитель, который вывел бронетранспортер из горящего сарая, сумел выскочить из деревни, но взлетел на воздух вместе с машиной, получившей прямое попадание, буквально у него на глазах. Из десяти бронетранспортеров минометного взвода уцелели всего четыре, причем с неполными экипажами! За короткий промежуток времени я потерял больше людей, чем за несколько дней упорных боев в Штеттине.

К опушке леса начали подходить солдаты с рухнувшей передовой. Мы бросились к ним и подхватили тех, кто был в самом тяжелом состоянии. Они были совершенно измучены и сломлены. Мы погрузили в наши машины как можно больше раненых и перевязали их, как могли. Самых тяжелых уложили на решетчатый настил днища. Остальные бежали следом, когда мы отправились на соединение с остатками нашего потрепанного батальона. Но к некоторым все-таки вернулись боевой дух и силы. Вид наших бронетранспортеров вселил в них пусть слабую, но уверенность.

Добравшись до ближайшей дороги, мы остановили несколько пустых санитарных машин, которым и передали раненых солдат вермахта. Мой бронетранспортер был серьезно поврежден и требовал капитального ремонта в ближайшей походной мастерской. Он даже мог ездить, но тихонько. И все-таки мы смогли последовать за остальными машинами, хотя не могли держаться рядом с ними.

Вот так, несколько неожиданно, мы остались совершенно одни, затесавшись в ряды армейского подразделения, которым командовал майор, награжденный Рыцарским Крестом. Я уже

видел его ранее в деревне, где он командовал моторизованным подразделением, которое вместе с нами должно было отправиться на фронт. Судя по всему, сейчас он собрал всех, кто еще мог сражаться, и пытался хоть как-то остановить отступление. В данный момент он был целиком занят тем, что старался организовать линию обороны, идущую полукругом по полю. Советские истребители метались над полем на бредущем, гоняясь буквально за каждым солдатом.

С искаженным лицом, размахивая пистолетом, майор метался среди своих солдат. Но это было форменное самоубийство! Когда он увидел наш медленно ползущий бронетранспортер, он бросился к нам, приказывая остановиться. У него на лице было ясно написано, что бронированная машина – это именно то, что ему сейчас требуется. Водитель притормозил, и адъютант роты Худелист, который сидел наверху, спокойно спросил, даже не пытаясь притвориться вежливым, что все это значит. Я высунулся из люка и с интересом слушал. Дело в том, что офицеры Ваффен СС не слишком уважали армейцев, и в СС Железный Крест 1-го класса ценился так же высоко, как Рыцарский Крест в армии. Если бы вы только могли видеть лицо майора, который пришел в бешенство, выслушав адъютанта.

– Я полагаю, что вы просто удираете! – заревел он.

– Что вы, нет. Мы просто идем на соединение со своей частью, – ответил адъютант, по-прежнему сидя на борту бронетранспортера.

– Если вы немедленно не покинете машину и не начнете разговаривать со мной нормально, я сделаю дырку в вашем брюхе! – бесновался майор, размахивая пистолетом.

Мы с адъютантом обменялись быстрыми взглядами. По багровому лицу майора и его бешеным глазам было понятно, что он способен на такое. Адъютант прыгнул с машины, стал по стойке смирно, отдал честь и отпрапортовал:

– Герр майор, я адъютант четвертой роты разведывательного батальона панцер-гренадерской дивизии СС «Нордланд», вместе с двумя солдатами и бронетранспортером минометного взвода следую к пункту сбора роты.

– Вы нужны мне здесь. Вы будете оказывать нам огневую поддержку. Ожидайте моих приказов! – заявил майор и повернулся, чтобы дальше руководить организацией обороны.

– Герр майор, машина в ее нынешнем состоянии бесполезна. Согласно приказу, ее надлежит доставить в ближайшую походную мастерскую для ремонта, – осмелился возразить адъютант.

Майор снова бросился к нам.

– Вы останетесь здесь и будете ждать моих приказов! –

крикнул он и ушел.

Адъютант снова забрался на бронетранспортер. Перед нами открывались блестящие перспективы! Повсюду слышался шум боя, и артиллерийская канонада постепенно приближалась. А здесь, посреди поля, толпились несколько сотен человек, никак не защищенных. Налет вражеской авиации или прицельный артиллерийский залп – и от них ничего не останется.

Адъютант не сказал ни слова, только мрачно поглядел вслед майору, который бежал прочь. Майор добрался до дальнего фланга позиции, примерно в 300 метрах от нас, адъютант нырнул в машину и приказал водителю:

– Гони так быстро, как только может эта развалина!

С рычанием бронетранспортер дернулся и покатил дальше. Но это не было трусостью.

– Никто еще не осмеливался обвинить меня в этом, и я не думаю, что есть причины для таких обвинений. С одной стороны, мы должны присоединиться к нашей роте до того, как большевики окажутся там. С другой – мы не должны погибнуть в бесславном и бессмысленном бою без единого шанса нанести потери противнику.

Адъютант бормотал все это мне, пока мы выглядывали из люка и смотрели на майора, который все еще не заметил нашего отступления от его безумной «линии обороны». Нам было жаль парней, которые там находились.

Мы, наверное, отошли оттуда на расстояние в 300 метров, когда услышали неприятный, слишком знакомый вой. «Сталинские органы»! Совершенно инстинктивно мы вжимали головы в плечи.

В яблочко! Прямо в центр отряда. Залп этого ужасного оружия дал такой сокрушительный результат, которого могут достигнуть только «Сталинские органы» или «Небельверфер». Мы увидели столб черно-коричневой земли, человеческие тела, которые, кувыряясь, разлетались в разные стороны, серию вспышек, следовавших одна за другой. Когда черная пыль осела, никто из солдат уже не двигался. Ужасная работа, сделанная в один миг!

Мы посмотрели друг на друга. Мы там были всего лишь минуту назад! Снова «удача» и непостижимый инстинкт, который предостерегает ветерана-фронтовика, были на нашей стороне.

Мы пересекли поле и вышли на извилистую дорогу, по которой двинулись дальше. Внезапно прилетели русские истребители! Они несколько раз прошли над бредущим над дорогой и полем, где было полно машин и отступающих солдат. Град пуль свистел, словно коса смерти, над людьми и машинами.

Каждый раз, когда такой «монстр», воя мотором, шел вниз, мы стремительно бросались внутрь нашего бронетранспортера. Они не давали нам передышки. Один только звук воющих моторов бил по нервам и заставлял тело болезненно сжиматься. Мы проезжали мимо горящих машин, которые встречались все чаще, и целых рядов павших солдат, которые не смогли уйти достаточно далеко от дороги, чтобы спастись от пуль. И снова удача была на нашей стороне. Пули так и свистели вокруг. Мы скорчились за броней и попытались придумать что-нибудь толковое, но тут самолеты убрались. Впрочем, эти атаки продолжались бесчисленное количество раз.

На повороте стоял штандартеноберюнкер Шварк. Мы выбрали его и поехали дальше. После того как командира роты ранили, Шварк, которому исполнилось всего 20 лет, был назначен командиром пятой роты. Он остался, чтобы попытаться найти нас во всем этом хаосе и увести к тыловым службам.

Примерно в 50 метрах от дороги стояло 88-мм орудие. Погода была солнечной, поэтому расчет разделся по пояс, чтобы легче было работать. Пот сверкал на спинах зенитчиков, когда они подносили снаряды, заряжали и стреляли, ведя беглый огонь. Внезапно в небе показался советский истребитель, который бросился вниз, как сокол на добычу. Вой мотора и свист воздуха предупредили артиллеристов, совершенно не паникуя, они убегали к своему окопу, успев выпустить снаряд, который уже находился в стволе. Подобно стреле, самолет бросился на орудийный окоп. Рев двигателя становился громче, переходя в оглушительное, пугающее завывание. Прямо над орудием самолет сбросил бомбу, буквально в нескольких метрах от земли дернул носом вверх, с фантастической скоростью набрал высоту и исчез.

Бомба пролетела мимо цели приблизительно на 30 метров, выбросила облако земли, похожее на гриб, но не причинила вреда. Артиллеристы примчались из своих укрытий, принесли снаряды, зарядили орудие и продолжили стрельбу, размеренно и механически, как после короткого перерыва на учениях.

Это была короткая, но захватывающая интермедия. Какой удивительно одаренный пилот, какое мастерское пике! И такими смелыми, твердыми как сталь воинами были эти зенитчики, которые, как мне показалось, с явной неохотой убегали со своих позиций. Сразу после того, как взорвалась бомба, они вернулись и продолжили стрельбу, как будто ничего не произошло!

Под командованием Шварка мы проезжали мимо длинных колонн отступающих частей, наконец добрались до взвода снабжения и воссоединились с нашей ротой. Не было многих

знакомых лиц, исчезли те, кто еще этим утром курил мои сигареты или одолжил табака для трубки, с кем в течение многих месяцев мы делили военные опасности и кто сохранял ясный ум во многих опасных ситуациях. Потери были чудовищными, и когда штандартенoberюнкер Шварк приказал нам построиться, оказалось, что приблизительно половина солдат пропала, большинство из них погибли. Из раненых отсутствовали только получившие серьезные раны. Все, кто еще мог ходить, стоять и держать оружие, вернулись с перевязочных пунктов сразу после наложения небольшой повязки. У Феликса Штайнера растаяло бы сердце, если бы он смог увидеть эти редующие шеренги черных от дыма, грязных эсэсовцев в рваных мундирах, с окровавленными повязками, но готовых к новым сражениям. Утренние ужасы потрясли, но не сломили нас. У нас все еще имелись оружие и боеприпасы!

Санитары бегали туда и сюда, посыльные метались взад и вперед по шоссе и песчаным деревенским проселкам. Тем временем поползли всякие слухи. Из уст в уста передавалась самая противоречивая информация, которую то подтверждали, то опровергали. Всем было совершенно ясно, что началось генеральное наступление на Берлин. Конечно, мы не были на передовой линии фронта и не видели, что там происходит. Но непрерывная артиллерийская канонада и огромные соединения бомбардировщиков и истребителей со всей очевидностью показывали, что начинаются решающие бои.

На дорогах воцарился хаос. Каждый перекресток, каждая небольшая железнодорожная станция и каждый мост были засыпаны бомбами, каждую войсковую колонну настырно обстреливали истребители. Танки, пушки, грузовики, санитарные машины и тягачи валялись на обочинах вперемежку с мертвыми лошадьми и скрюченными телами павших солдат с оторванными конечностями. Все чаще возникали заторы, и бомбежки этих скоплений техники производили ужасный эффект. Сойти с дороги можно было, но это приносило мало пользы, потому что вокруг тянулись только пашни и поля с редко встречающимися маленькими рощицами тут и там. Бомбы делали основную работу, а истребители прочесывали все вокруг своими пулеметами, довершая ее. Они выполняли продолжительные заходы и делали крутые развороты на высоте тридцать, двадцать и даже десять метров, гоняясь за бегущими солдатами. Их снаряды пропахивали длинные борозды в земле. Среди бегущих мужчин рвались артиллерийские снаряды, люди падали и оставались недвижимыми.

В разгар этого кровавого безумия штаб дивизии «Нордланд»

растерялся и временно впал в оцепенение. Разбросанные по разным местам батальоны и роты пришлось собирать и готовить к бою. Мы создали нечто вроде линии фронта и вскоре снова вошли в соприкосновение с Красной Армией. Далее повторилась кровопролитная битва в Померании. Большевики всюду появлялись раньше, чем мы узнавали об этом. Они имели огромное количество танков, да и пехоты мы видели ничуть не меньше. Русские намеревались сломить наше сопротивление, используя огромное численное преимущество. Раз за разом мы, вступив в бой, обнаруживали, что нам противостоят соединения одних только танков, штурмовых орудий и целых батальонов «Сталинских органов». Среди них не было ни одного пехотинца, механизация Красной Армии достигла своего пика. Судя по всему, пехоту перевозили в основном на американских грузовиках, которые следовали за танковыми частями.

Борьба была исключительно жестокой, и наши потери были большими. Наша дивизия довольно быстро сократилась по численности до полка. Нам приходили приказы выделить ту или иную роту для защиты определенного сектора, поэтому привычным делом стало видеть, как унтерштурмфюрер вешает на плечо автомат и идет на передовую вместе с унтершарфюрером и парой солдат, которые волокут ящики с патронами. И все это называлось ротой! Чего мы надеялись добиться с батальонами из 40 или 50 солдат и полками по 200 или 300 человек? Но мы продолжали сражаться! На позицию, короткая перестрелка, затем все встают и отходят. На нас внезапно мог обрушиться огонь сзади, мы попадали в окружение, но все-таки прорывались и снова возвращались в бой! И это продолжалось в течение многих дней, мы остались без сна и почти без еды.

Иван, который обычно избегал ночных атак, теперь взял привычку непрерывно двигаться круглыми сутками. Было странно и непривычно слышать, что глухое рычание танковых моторов не стихает даже в темноте, видеть вспышки выстрелов, слышать боевой клич большевиков. Наши силы были напряжены до такой степени, что напряжение смело можно было назвать сверхчеловеческим. Но за каждую позицию, которую мы были вынуждены покинуть, враг платил высокую цену убитыми и ранеными.

В первые дни после катастрофы в Кюстрине мы ни разу не видели солдат из других частей, кроме как из нашей собственной дивизии. Начинало казаться, как будто бы все бремя свалилось на наши плечи, хотя, конечно, соседние части вели столь же отчаянное сражение с превосходящими силами русских. В те дни мы буквально висели между жизнью и смертью, и потому у нас не

было времени, чтобы думать о подобных вещах. Командир взвода просто не мог составить себе общую картину, даже в пределах небольшого сектора обороны.

Мы сражались, бежали, ездили, окапывались, сражались, бежали снова и снова, все это без малейшей передышки, железная хватка противника не ослабевала. Это так выматывало и полностью забирало все силы, что ни одно отдельное событие не отпечаталось в памяти. Это просто стало продолжением невнятных и путаных картин: взрывы снарядов, горящие танки, фермы и города. Мы видели деревни, превратившиеся в закопченные руины или пылающие костры, умирающих товарищей справа и слева, мы слышали их жалобные стоны и пронзительные крики боли. Мы видели заросшие, грязные, окровавленные лица солдат с воспаленными покрасневшими глазами.

Я не знаю, как долго мы оставались одни против превосходящих сил русских в своем секторе, но наконец-таки к нам на помощь начали прибывать другие части. Конечно, не было времени для нормального и столь необходимого отдыха. Но, по крайней мере, у нас появилось время, чтобы иногда перевести дыхание между сражениями. Случалось, мы даже могли подремать полчаса перед новым боем. Мы были больны от усталости, которая свинцовым плащом окутывала тело и разум. Изредка напряжение ослабевало, и тогда у нас могло появиться время немного поспать.

Иногда у нас получалось во время перехода отлучиться на соседнюю ферму перекусить, потому что еда могла стоять нетронутой на столе. Иногда кастрюли оставались на плите, почти остывшие. Иногда одежда и домашняя утварь были все еще на месте, как будто владельцы ненадолго покинули комнату. Однако в хлевах мычал скот, на крыльце могла сидеть кошка, облизывая свои лапы и греясь на солнышке. Красные наступали с такой огромной скоростью, что жители спасались в спешке и панике, бросая все. К сожалению, слишком часто большевики настигали беженцев, хватали их или даже убивали. Они буквально кишели в тылу у обороняющихся, которым больше не удавалось держать сплошную линию фронта.

Среди новых войск, прибывающих на фронт, было много парашютистов, это были солдаты старой закалки, которые приносили с собой опыт и воспоминания Крита, Северной Африки и Монте-Кассино. Они отлично знали свое дело. Неподалеку от нас с истинно галльской отвагой сражались валлонские и французские добровольцы СС. Скорость наступления русских удалось немного замедлить, но остановить

их нам так и не удалось, как не удалось создать непрерывную линию обороны. Слишком часто только что созданные оборонительные позиции пробивали сильные танковые авангарды большевиков, которые прорывались глубоко в тыл к нам. Наши скудные резервы, которые можно было бросить в бой в каком-то другом месте с некоторыми шансами на успех, спешно отправлялись туда, но в результате сектор, который они только что покинули, оказывался прорван новым ударом советских танков. Вот так русские неотвратимо двигались на запад по земле, которая в считанные часы превращалась из плодородных крестьянских угодий в полупустынную степь.

Не раз нам приходилось отступать, бросая подготовленные узлы сопротивления, потому что большевики атаковали нас с тыла, обойдя с флангов. В крайне редких случаях нам удавалось отбить назад потерянные территории и вывезти технику до того, как большевики захватят или уничтожат ее.

Глава 8 Опасное приключение

Однажды я предпринял попытку вернуть утраченную технику вместе с двумя механиками в некоем небольшом городе. Он был потерян рано утром, но позже в тот же самый день парашютисты снова отбили его. Во время быстрого отступления тем утром наш разведывательный батальон был вынужден оставить штурмовое оружие в руинах. У него были какие-то проблемы с мотором, и оно могло двигаться только задним ходом! Однако оно занимало такую плохую позицию между двумя сильно поврежденными зданиями, что было невозможно вытащить его оттуда, когда мы отступали. Ремонтировать самоходку не было времени, но я считал позором, что практически исправное и готовое к действию орудие будет потеряно, попав в руки большевиков. Поэтому взял с собой двух механиков, и на тяжелом автомобиле «Штейр», отличной немецкой версии американского джипа, намного превосходящей его, одолжив машину в гараже вермахта, мы поехали обратно к городу. На все непредвиденные задания я брал с собой Вальтера Лизеганга, одного из самых надежных солдат взвода, ну и пулемет вдобавок.

Мы ехали прямо на шум боя. Само собой, нам следовало спешить, прежде чем у ивана появится время отдохнуть и провести новую атаку. Мы были неприятно удивлены, когда обнаружили, что самый сильный грохот и треск раздаются именно там, куда мы направляемся. Нас не слишком волновали столбы дыма, поднимающиеся над городом, потому что он горел с предыдущего вечера, после того как русская артиллерия начала играть свои «прелюдии». Риск заключался в том, что русские уже вернулись в город.

За несколько сотен метров от города мы встретили двух парашютистов, которые беззаботно прогуливались по песчаной тропке, словно на воскресном пикнике, попыхивая трубками. Их плечи живописно обвивали патронные ленты, а ботинки поднимали облачка пыли.

Я притормозил и спросил, как там обстоят дела:

– Это иван стреляет в городе?

– Нет, это стреляют наши танки. Пока никакого риска, – убедительно объяснили они хором и продолжили свою «воскресную прогулку».

– Ну, парни, двинулись дальше, – сказал я, и мы тронулись с места.

Конечно, легко было выяснить, что большевики не могут

находиться более чем в нескольких сотнях метров от города, в самом городе их еще не было. Ясно, что нам следует поторопиться, чтобы успеть до их появления. Полный газ!

На большой скорости мы ворвались на главную улицу, с трудом крутясь между многочисленными воронками, взорванными запряжками и противотанковыми пушками, которые иван оставил во время своего отступления. Повсюду валялись многочисленные трупы русских. Они лежали в странных позах, похожие на желто-коричневые кучи тряпья. При этом я успел разглядеть трех парашютистов с фаустпатронами, прятавшихся за частично разрушенным брандмауэром. Даже если бы они не протирали свои глаза, то все равно выглядели бы, мягко выражаясь, удивленными. Они усиленно махали и кричали нам что-то, но мы слишком спешили, и у нас не было времени их слушать.

Изящно повернув, мы остановились на городской площади, украшенной небольшим водоемом, который был обсажен цветами. В мирные, более счастливые дни это была игровая площадка для городских детей с горкой, качелями и песочницей. Я буквально увидел, как всего неделю или несколько дней назад девочки с белокурыми волосами играли здесь, наполняя воздух радостным смехом. Сегодня они, вероятно, бегут по дорогам на запад, преследуемые американскими истребителями или вообще лежат в канавах с кровью на волосах. Сегодня качели были пустыми, напоминая нам о русских армиях поблизости. И доносились совсем другие звуки, не мягкие и радостные, а жесткие и пронзительные. Зеленая лужайка со свежей травой и клумбы со сверкающими весенними цветами были сильно изуродованы, молодые деревца – сломаны и расколоты снарядами. Дым клубился, как ядовитое облако, над когда-то мирной, а теперь оскверненной площадью.

В городке со всех сторон слышался сильный грохот. Мы бегом пересекли площадь, свернули в переулок и помчались вверх по довольно крутому холму. Именно там, на верхушке, зажатое между домов, стояло штурмовое орудие, которое мы намеревались отремонтировать и забрать с собой. Длинный ствол, указывающий на восток, торчал из-за домов. Солдат нигде не было видно, но можно было слышать грохот и лязганье. Во всем остальном город казался мертвым. Буквально перед тем, как мы достигли вершины холма, с другой его стороны послышался грохот танковых гусениц.

– Быстрее, мужики! Наши танки начинают отступать! – крикнул я остальным.

Именно в тот момент показался танк, который с усилием

поднялся на холм и замер во всем своем великолепии. Я просто остоленел. Черт, я спятил? Этот длинный ствол, эта башня – танк «Иосиф Сталин»! В моей голове что-то щелкнуло, и душа ушла в пятки.

– Уходите! Это иван! – заорал я и чуть ли не кувырком полетел вниз по холму.

Русские оказались удивлены гораздо меньше нас, потому что прежде, чем мы пробежали какое-то расстояние, первый снаряд уже просвистел между зданиями. Мы бежали как от огня, но стало только хуже! Снаряды свистели и выли между нами, над нами, вроде даже под нами, и выход на площадь внизу казался далеким миражом. Испуг придал нам сил, втянув головы в плечи, мы помчались вниз по булыжникам мостовой. При каждом глухом ударе сверху сердце замирало, но стрельба русских была слишком неточной, снаряды рвались на другой стороне площади. Тогда они начали стрелять наискосок по стенам домов, чтобы задеть нас осколками. Они пронзительно свистели прямо у нас над головой и звенели по мостовой. Мой левый рукав был вспорот осколком, у одного из механиков кисть была разорвана, и кровь летела брызгами в стороны, потому что он бежал, размахивая руками. Но нам удалось уйти!

Наконец-то! Отчаянным рывком мы забежали за угол дома на площади как раз в ту секунду, когда окно разлетелось вдребезги. Не требовалось никакого приказа, чтобы заставить нас бежать изо всех сил к нашему автомобилю у пруда. Я успел глянуть налево и заметил, что там появились большевики с автоматами наперевес. Они не слишком осторожно двигались вдоль стен домов с восточной стороны главной улицы к площади. Лишь теперь я вспомнил, что именно кричали нам парашютисты, прятаясь за брандмауэром, когда мы проезжали мимо! «Город находится в руках иванов!» Надо было слушать повнимательней!

Когда мы перебежали через лужайку, я вдруг заметил желто-коричневую фигуру в машине, которая с любопытством разглядывала пулемет. Прежде чем он успел среагировать, я выхватил свой пистолет, и противник рухнул на пулемет. Прямо в автомобиле! Вальтер отбросил большевика в сторону. Он оказался маленьким киргизом с плоским лицом и раскосыми глазами. Мы с разбега запрыгнули на заднее сиденье и выставили пулемет через борт. Механик с целыми руками держал наготове автомат. На максимальной скорости мы объехали водоем и понеслись прочь из города. Большевики на другом конце площади побежали было за нами, но Вальтер прижал их к земле огнем пулемета. Русский патруль, двигавшийся нам навстречу, был настолько ошарашен нашим появлением, что никто даже не

подумал стрелять. Зато Вальтер и механик подумали, и русские посыпались на землю, как сбитые кегли.

Острый запах дыма исчез, и теперь нас снова обдувал свежий ветер. Мы вырвались из города, оставив большевиков позади, и старались еще больше увеличить скорость. Только теперь мы ощутили страшное напряжение. Пот бежал ручьями по нашим спинам и горячим лицам, заливая глаза, которые жгло от соли, и попадал в рот. Мы задыхались от волнения и напряжения, которое не отпускало, пока мы не вернулись в тыловое подразделение.

Там продолжались спешные приготовления к бою, нас снова должны были послать на передовую. Наша рота, которая сейчас выглядела чуть ли не самой лучшей в дивизии, насчитывала не более 40 человек. За несколько неописуемо тяжелых дней после Кюстрина мы потеряли больше хороших и храбрых товарищей, чем за предыдущие несколько месяцев упорных боев. Теперь эти времена, похоже, ушли навсегда, и после упорных сражений мы смогли отойти в тыл на неделю или хотя бы на несколько дней, чтобы прийти в себя и восстановить силы прежде, чем снова вернуться на фронт. Слова «отдых» для нас больше не существовало. Были только стычки, столкновения, бои, а в промежутках между ними стремительные, изматывающие передислокации.

После всего, что произошло, мы должны были попросту сдохнуть, накрыться, отдать концы. Но мы сжимали зубы и заставляли себя продолжать сражаться еще более упорно. Мы действовали совершенно автоматически, не раздумывая, на одних инстинктах, которые помогают опытному солдату-фронтовику выживать, хотя теоретически он должен уже погибнуть либо во время бомбардировки, либо в ближнем бою, либо попав в засаду. В таком состоянии запредельного утомления мозг уже не мог воспринимать что-либо еще. Только теперь мы полностью показали значение несгибаемого боевого духа, твердых убеждений и четкого понимания причин борьбы, ведь все это необходимо солдату на фронте. Без этого он, конечно, может сражаться, особенно если его поддерживает многочисленная артиллерия, авиация и танки. Но при неблагоприятных обстоятельствах, перед лицом кажущегося непобедимым врага, который имеет огромное превосходство в живой силе и технике, без поддержки тяжелого оружия солдат может упасть духом и сам будет стремиться в плен.

Глава 9 Искра надежды!

Когда ты практически постоянно участвуешь в боях на передовой без всякой связи с внешним миром, а дни и ночи сливаются в непрерывный водоворот бомбежек, ближнего боя, артобстрелов и других выматывающих нервы событий, ты теряешь ощущение времени. Создается впечатление, что колесо времени остановилось и настоящее стало вечностью.

Казалось невозможным убежать от этого проклятого настоящего. Для нас оно стало периодом постоянного нервного напряжения, потрясений и ужасающих картин. Отдельные события в длинной цепи роковых дней и ночей перемешались в одну огромную, нереальную картину ужаса, в которой даже сегодня трудно различить детали. Общее впечатление о том кровавом апреле 1945 года, которое сохранилось по сей день, – это чувство отчаянной последней битвы одиноких воинов. Почти безоружные, истекающие кровью из бесчисленных ран, мы противостояли врагу, имевшему неограниченные ресурсы.

Мы приближались к Берлину. Пейзаж изменился. Мы въехали в сосновые леса Бранденбургской марки, небольшие озера сверкали между деревьев. Загородные дома, таверны и небольшие гостиницы для велосипедистов и автомобилистов, которые имели обыкновение приезжать из Берлина по воскресеньям, стали более многочисленными. Теперь они были пусты или там временно располагались раненые и уставшие солдаты. На фронте симпатичной небольшой таверны рядом с шоссе мы встретили сверкающие слова « *Berlin bleibt Deutsch!* » (Берлин остается немецким!). Они были нарисованы на стене поверх выцветшей рекламы пива «Берлинер Киндл».

Когда мы впервые увидели эти слова, у нас появилось чувство полнейшей безысходности. Борьба подходила к концу. Исход войны должен был определиться сейчас или никогда. В противном случае все, за что мы добровольно боролись столько лет, полных лишений, трудностей и неопишуемого морального напряжения, погрузится в хаос. Это будет катастрофа, не имеющая равных в истории человечества.

Berlin bleibt Deutsch! Какую же длинную дорогу пришлось нам пройти, чтобы увидеть этот последний отчаянный призыв к борьбе! Когда-то мы шли победным маршем по безграничным равнинам Восточной Европы. С боевым задором юности мы бросались в сражения, которые вошли в историю. Многие из нас после боев на Кубани и Тереке, у Малгобека и Майкопа, возможно, уже видели Азию за покрытыми снегом вершинами

Кавказа, которые кутались в холодные белые облака.

И вот нас остались уже считанные единицы, так как слишком многие покоились в земле между Азией и окраинами Берлина. Доживет ли кто-нибудь из нас до конца? Кто все еще осмеливается верить в «гений удачи» солдата? Среди нас были те, кого он уже оделял своей защитой, кто не раз только форменным чудом спасался от смерти. Однако в свое время каждый из нас вытянет последнюю соломинку, и солдата настигнет смерть.

В последние дни наше настроение стремительно падало и приблизилось к абсолютному нулю. Здесь, в лесах Бранденбурга, мы встретили нового врага. Бродячие шайки вооруженных польских и российских гражданских лиц появлялись по ночам, грабили и убивали. Часто они нападали на мелкие немецкие подразделения. Эти люди бежали из лагерей, находили оружие и теперь пытались хоть как-то отличиться, чтобы получить оправдание во время предстоящей встречи с наступающей Красной Армией.

Это были люди, которых привезли сюда после жалкого существования в белорусских и украинских лачугах, грязных, зловонных землянках, наполненных вшами и блохами, их взяли работать в немецкой военной промышленности. Впервые в своей серой и беспросветной жизни они попали в человеческие условия проживания, трудились на хорошо организованных рабочих местах. Их грязную, кишашую блохами одежду заменили чистые комбинезоны и настоящее нижнее белье, выделенные из скудных запасов принимающей стороны. Впрочем, получали все это они только после непривычного для них горячего душа, мыла и дезинфекции, которая помогала отправить в небытие сонмища блох и вшей. Теперь они называли себя *sklaven arbeiter* – рабы, но им платили, они жили в чистых бараках, пусть и без особого комфорта. Кормили рабочих привычными блюдами из коллективных кухонь в чистых общественных столовых. Для них устраивали вечерние развлечения – театральные представления на родном языке, вечера музыки, как классической, так и народной, представления варьете. Постепенно они научились ежедневно пользоваться мылом и водой и другими элементарными вещами личной гигиены. Короче говоря, они начали жить как люди.

Теперь они вряд ли представляли для нас какую-либо опасность, но их поведение достаточно ясно давало понять, какая ситуация сложилась на фронте. Это еще больше подрывало наш дух. Больше не оставалось никаких сомнений в том, что власти начали терять контроль над ситуацией внутри страны. Это было плохое предзнаменование.

И вот в период глубочайшего упадка духа внезапно появились новые слухи. Они возникали тут и там и распространялись от человека к человеку, словно лесной пожар. Вскоре после того эти сплетни впервые долетели до штаба дивизии, их знали буквально все. Слухи сумели пробудить нас от бесчувственного, подобного трансу существования и дали нам новую надежду. Мы воспрянули, когда услышали о том, что рейхсфюрер СС Гиммлер связался с главнокомандующим западных союзников генералом Эйзенхауэром. Вроде бы он, услышав рассказ Гиммлера о надвигающейся «Красной опасности», понял, что она угрожает не только Германии, но в не меньшей степени англичанам и американцам. Это была опасность для всего Запада. И они, по слухам, согласились начать общую борьбу против большевизма, прежде чем Красная Армия дойдет до Берлина.

Наконец-то! Год за годом самые великие германские народы вели жестокую, кровавую борьбу друг с другом. Они пожертвовали цветом своей юности в братской междоусобице, в то время как их общий враг воспользовался ситуацией, чтобы проникнуть поглубже в Европу. Теперь, в самые темные времена для Запада, наши бывшие противники собирались присоединиться к нам в борьбе против общей угрозы. Увы, это было слишком замечательно, чтобы быть правдой! Но мы верили, потому что во что еще нам оставалось верить в тот момент, когда противник стоял в нескольких километрах от немецкой столицы? Мы обрели новые силы, потуже затянули ремни шлемов и ринулись в бой с новыми силами. Мы перестали чувствовать себя приговоренными к смерти, собиравшимися подороже продать свою жизнь, нет, мы воспряли духом и обрели надежду, словно были уверены в своей победе.

Ну и что, если такое соглашение в каких-то своих деталях могло оказаться оскорбительным для Германии? Все в мире относительно. Главным было то, что все силы Запада объединяются и немедленно. Красной Армии нельзя позволить подойти ближе, чем к воротам Берлина! И русские ни за что не могли сделать этого, если бы англичане и американцы присоединились к нам. Более того, достаточно было позволить нашим собственным товарищам на Западе освободиться и прибыть нам на помощь. Мы разгромили бы большевиков на подступах к Берлину и погнали бы их обратно на восток. Мы уничтожили бы всю Красную Армию и разнесли бы советский режим вдребезги, так, чтобы он никогда не смог возродиться.

Ах, эти сладкие надежды! Они лежали где-то в подсознании долгие трудные годы постоянного отступления, но все-таки продолжали согреть душу и поддерживали боевой дух. Теперь

они разгорелись с новой силой и заново воспламенили наш энтузиазм. Наши спины распрямились, походка вновь стала упругой, наше оружие снова триумфально разило врага. Мы опять начали петь во время пеших маршей и, бросаясь в контратаку, громко кричали: «Ура!» Все солдаты дрались с некоей лихорадочной энергией. Мы все верили, что Красная Армия вскоре потерпит сокрушительное поражение.

Глава 10 «Berlin bleibt Deutsch!»

Советские войска не обратили никакого внимания на наш возродившийся боевой дух! Они только продолжили двигаться все с тем же неослабевающим напором, что и прежде. Русские неумолимо оттесняли нас назад, ближе и ближе к Берлину. Лесной пояс становился реже, и постепенно вместо него возник пригород с бакалейными лавочками, газетными киосками, почтовыми отделениями, кинотеатрами и садами. Жестокие сражения бушевали вокруг, стальная лавина катилась через жилые пригороды, безжалостно превращая их в руины. Мы не имели совершенно никаких причин щадить все это ради противника, который все равно несет с собой только опустошение и массовые убийства. Вот почему мы оборонялись изо всех сил, держались как можно дольше в каждой небольшой деревне, пока большевики не обходили нас с фланга или вообще выходили в тыл. Тогда нам приходилось действовать стремительно и прорываться назад с боем. В результате каждый день да еще по несколько раз мы подобным образом выскакивали из смертельной западни. И каждый раз несколько наших товарищей, попавших в ловушку, оставались там.

Сейчас мы размещались в жилом пригороде, где мы собирались продержаться максимально долго, чтобы выиграть время для организации обороны на тыловых позициях. Однако борьба продолжалась все так же ожесточенно, если не с большей яростью, мы продолжали отступать от густых лесов к открытым полям и далее.

За день до того, как мы дошли до границ Большого Берлина, кажется, это было 21 апреля, мой взвод на бронетранспортерах был отправлен вперед. Мы должны были помочь пехотинцам вермахта, которые пытались задержать ивана на открытой местности. Наши товарищи хорошо окопались у края леса и там раз за разом отбивали атаки вопящих желто-коричневых орд. Здесь мы совершенно неожиданно для себя столкнулись с русской пехотой, которая не имела серьезной поддержки танков и артиллерии. При таких обстоятельствах их потери наверняка были очень тяжелыми, но это совершенно не беспокоило русских командиров, которые абсолютно безжалостно гнали своих солдат на убой.

Так как в бой вступили наши минометы, стреляя с обратных склонов холмов, потери русских еще более возросли. Мы позволяли им выйти на открытое место и лишь тогда открывали огонь, мины взрывались в гуще наступающих с сокрушительным

эффектом. После каждого взрыва пара человек оставалась лежать на окровавленной траве, а еще пятеро или шестеро пытались поползти обратно в тыл, истекая кровью.

После этого русские повернулись и побежали к опушке леса, где надеялись укрыться. Но их там встретил все тот же дождь раскаленной стали, теперь еще более эффективный, потому что мины взрывались, попадая в стволы деревьев, и разбрасывали осколки еще дальше. Количество трупов в поле перед нашими позициями постоянно росло, они лежали не поодиночке, а плотными группами. Наши собственные парни воспрянули духом, видя меткую стрельбу минометов, и закричали «Ура!», благоразумно не вылезая из окопов.

Мы израсходовали боеприпасы и один бронетранспортер отправили в тыл за новыми минами. Но пока мы курили и ждали новых боеприпасов и следующей атаки большевиков, внезапно послышался знакомый грохот и глухой гул танковых моторов! Теперь нашей позиции пришел конец! Похоже, немецкий командир думал точно так же, потому что пехота отступила, проходя мимо нас. Но трое солдат остались в окопах, добровольцы с фаустпатронами.

Нам тоже ничего не оставалось, кроме как ехать обратно. Мы больше не могли держаться и поспешно спрятались за небольшой рощицей, чтобы оттуда следить за развитием событий. Роща была реденькой, и все было прекрасно видно. Гул моторов стал громче и заметно приблизился. Там, на опушке леса, верхушки деревьев качались туда-сюда, как будто бушевал сильный шторм или приближался гигант. С треском рухнули последние стволы, огромный бронированный гигант продрался сквозь лес и выехал в поле. Рядом с ним, справа и слева, еще два танка проламывались через заросли, а следом за ними двигались еще два. Стреляя по отступающей пехоте, они тоже выехали в поле.

Там, в окопах, лежали, скорчившись, три маленьких человека, крепко сжимая в руках фаустпатроны. Их сердца бешено колотились, когда они слышали все более громкий рев танковых двигателей. Человек против машины! Земля буквально содрогалась под огромным весом стальных гигантов. Оцепенев от волнения, мы следили за ними. Вот танки уже не более чем в 50 метрах от линии окопов, но эти трое, кажется, вообще не имели нервов. Танки двигались вперед, держа между собой минимальное расстояние, не более 10–12 метров. Русские видели, как наша пехота отступила, и совершенно не предполагали, что смерть может ждать их на оставленных позициях. Вскоре они подошли совсем вплотную к этим троем, по-прежнему стреляя по отступающей пехоте и не обращая внимания на окопы. Моя

сигарета тлела между пальцами, которые дрожали от волнения, но я не замечал этого.

Ради бога, вставайте сейчас, пока еще не слишком поздно! Танки превратились в прекрасную мишень для наших троих товарищей в окопах. Небольшие интервалы между ними лишь облегчали задачу фаустников. Когда первый танк подошел на расстояние 10 метров, три головы поднялись над бруствером и три вспышки мелькнули точно молнии. Три коротких удара – три танка были поражены выстрелами фаустпатронов. Два из них загорелись, причем один почти сразу же взорвался. Третий закрутился на месте на поврежденных гусеницах. Головы и пустые трубы стремительно исчезли, но тут же снова показались с тремя новыми фаустпатронами. Прежде чем поврежденный танк сумел выбраться из зоны действия нашего оружия, он получил смертельный удар, и в это же самое время броню двух оставшихся пробили смертоносные снаряды.

Пять тяжелых танков горели в поле, уничтоженные тремя неизвестными пехотинцами, которые теперь выскочили из окопов и зигзагом бежали по полю, чтобы скрыться от наступающей русской пехоты. Пули свистели вокруг них, впивались в землю вокруг ног. Но прежде, чем мы побежали, чтобы присоединиться к своей роте и не попасть в окружение, мы еще успели увидеть, что наши товарищи, целые и невредимые, укрылись в складках местности.

В ясном утреннем небе сияло солнце. Это был самый жаркий день за всю весну. Лето приближалось. В пригородных садах пышно расцвели плодовые деревья. Раскрывались почки, из них показались молодые светло-зеленые листья. Как чудесно забыть о войне хотя бы на час, забыть шум, вдохнуть запахи природы, свежей листвы и цветов, радоваться появлению новой жизни! Но мы не имели возможности насладиться тишиной и покоем. Кровавые события преследовали нас и гнались за нами по пятам. Едва находилось время взять и затянуться сигаретой между столкновениями.

Днем роте приказали оставить машины и идти в бой пешим строем, водители увели бронетранспортеры подальше в тыл под прикрытие наших истребителей. Под командованием Шварка мы двигались вдоль дороги, которую требовалось перекрыть для вражеских танков. Две другие роты получили приказ развернуться по обе стороны вдоль дороги. Слева от нее росли деревья. Мы заняли позиции, имея фланг свободным. У нас были три пулемета и 75-мм противотанковое орудие, кроме нашего штатного стрелкового оружия. У нас была прекрасная позиция, с которой простреливались все окрестности, потому что до самой

опушки следующего леса простиралась открытая местность.

Мундиры и гимнастерки были немедленно сняты, и мы начали рыть окопы среди корней деревьев и камней. Вспоминая прошлое, никак не могу сравнить это с учениями по рытью окопов, которые мы проводили во время военной подготовки дома в Швеции. Как идилически это выглядело *там* ! Никакой безумной спешки, никаких лишних ругательств, спокойно и неторопливо и почти что играючи двигались лопаты. Кто мог подумать, что наша жизнь может зависеть от скорости рытья окопов? На войне эта скорость значила так же много для твоей жизни, как умелое обращение с оружием. Сотни тысяч жизней были унесены этой войной просто из-за лени и нежелания копать как проклятые.

Но мы начали рыть глинистую землю этого лесного пояса, потому что повидали достаточно на войне, чтобы знать значение укрытий. Мы трудились не покладая рук, ворочали камни, рубили деревья и копали с лихорадочной скоростью. Наши спины были похожи на натянутый лук, сухожилия и мышцы были напряжены, пот в три ручья тек по лбу и струился по обнаженным спинам. Никто не собирался подвергать жизнь опасности ради удовольствия покурить. Сантиметры земли, которые вы не докопаете во время перекура, могут стоять вам больше, чем затяжка сигареты.

Безжалостно палило солнце, горло болело от жажды, но большевики могли появиться в любой момент. Звуки боя были слышны со всех сторон за лесом, и мы удвоили наши усилия, чтобы сделать окоп еще глубже. Кровь била в виски, и мышцы рук дрожали от напряжения.

Неожиданно кто-то недалеко от меня свистнул и указал на опушку леса поодаль. Все бросили лопаты, надели шлемы и нырнули в окопы, схватив оружие. Прямо на нас через поле очень быстро бежали люди. Наши руки сжали крепче винтовки, равнодушные и спокойные глаза прищурились, глядя на приближающихся солдат. Это были наши парашютисты! Их типичные шлемы позволили нам узнать их как раз вовремя, спасли от обстрела из наших пулеметов.

Около 70 человек из всех сил бежали к нам. По мере того как они приближались, мы выходили из окопов. Парашютисты сильно удивились, увидев полуобнаженных солдат с автоматами, но Шварк прикрикнул на них. Он потребовал к себе командира, и фельдфебель с Рыцарским Крестом, щитом за Нарвик и нарукавной нашивкой за Крит подскочил к нему и доложил о ситуации. Они только что покинули свои позиции в лесной полосе перед нами, но сражались только с пехотой. У

парашютистов кончились боеприпасы, и им пришлось отступить. Командир роты был убит, так же как два солдата, пытавшихся принести его тело.

Шварк решил, что необходимо провести контратаку. Так как он принял командование над парашютистами, у нас снова была полная рота, более ста человек, прямо как в старые добрые дни. Вновь прибывшие получили патроны из наших запасов, и все мы бросились на противника. Я бежал в середине цепи, за Шварком. Пока мы пересекали поле, не прозвучал ни один выстрел. В лесной полосе было тихо и мирно, но как только мы вышли на открытое место с другой ее стороны, разверзся ад. Вниз! Шварк повернулся и пропыхтел мне:

– Кричи как оглашенный, когда мы побежим. Парни совсем измотались, но мы поможем им двигаться, если будем кричать все вместе. Вперед! – рывкнул Шварк, и я метнулся за ним с диким хриплым «Ура-а-а-а!».

Было тяжело, потому что я сам был таким же уставшим и измотанным, как остальные, но уловка сработала, и рев раскатился в стороны и отдавался эхом по всему узкому полю, во время того как мы бежали навстречу безжалостному огню вражеской пехоты. Во-первых, он ободрял нас, а во-вторых, деморализовал врага, в мгновение ока мы оказались рядом с ними. Как напуганные кролики, русские повыскакивали из своих окопов и пустились наутек, но наши очереди всегда находили цель, даже если они пригибались и прятались за деревьями. Мы продвинулись вперед и отвоевали потерянные несколько сотен метров в секторе обороны парашютистов.

Мы быстро создали новую линию обороны в лесной полосе, за которую шла борьба. Иван не будет ждать долго, прежде чем вернуться. Шварк, фельдфебель и я обошли все вокруг, чтобы проконтролировать подготовку. Когда я шел на правый фланг, то вдруг вспомнил, что Шварк забыл связаться с ротами на дороге. Он слишком хотел как можно быстрее провести удачную контратаку и не подумал об этой важной детали. Нашу позицию никто не поддерживал.

К этому времени он вместе с фельдфебелем находился на другом фланге в нескольких сотнях метров от меня. Все могло перемениться в считанные минуты. Последние дни сражений принесли столько сюрпризов и неожиданных изменений в ситуации, что ты должен быть готов ко всему. Внезапно со стороны блокирующей позиции на дороге, где, вероятнее всего, могли появиться русские танки, долетел зловеющий грохот. Я не стал терять время, чтобы сообщить об этом, на дорогу к Шварку, а направил с докладом солдата, сам же с тремя товарищами

отправился, чтобы попробовать наладить связь.

Мы бежали через поля и лес так быстро, как только могли. Теперь грохот стрельбы был отчетливо слышен за группой домов, которые, как мне было известно, стояли на территории оборонительной позиции. Оттуда доносился типичный глухой гул и рывканье танковых пушек. Я начал опасаться худшего. Мои страхи подтвердились, когда мы вышли на опушку леса и увидели, что творится на дороге перед нами.

Там последние солдаты из двух оставленных окопов бежали на дорогу, чтобы спасти жизнь. Несколько человек уже лежали там. Один из убежавших, с разорванной болтающейся штаниной, суматошно замахал руками, показывая, что нам нужно бежать назад. Это было последнее, что он сделал в жизни. В следующее мгновение он исчез в пламени взрыва, выпущенного танком «Иосиф Сталин», который с пехотой на броне только что появился за изгибом примерно в ста метрах от нас. Расчет противотанковой пушки с левого фланга сумел сбить нескольких пехотинцев с танка, но тут же сам был разорван на куски снарядом стального гиганта.

Мы немедленно повернули назад. Сейчас счет действительно шел на секунды! Все будет потеряно, если большевики впереди и позади нас сумеют наладить связь и поймут, в какой мы ситуации, прежде чем мы успеем выскочить из западни. Нам необходимо было уйти как можно дальше, прежде чем клещи сомкнутся вокруг нас. Как зайцы, на которых охотятся, мы бросились обратно с открытого места через лес к своей роте. Там только что начался новый бой с иваном. Короткие пулеметные очереди свистели между деревьями на опушке леса с другой стороны, где располагался атакующий нас противник. В мгновение ока я доложил Шварку обстановку. Он грязно выругался, так как нам пришлось покинуть позицию, не дав большевикам еще один урок, но ему ничего не оставалось, кроме как приказать роте немедленно отступить.

Чтобы перехитрить большевиков, пулеметы открыли бешеный огонь по опушке леса, пока остальные солдаты отступали. Затем их вытащили из окопов и унесли в лес. Все эсэсовцы и парашютисты галопом неслись вверх и вниз по холмам. Мы оставались в узкой лесной полоске и бежали рядом с дорогой параллельно ей. Но мы не осмеливались слишком к ней приближаться. Там, вероятнее всего, наступали большевики, поддержанные своими танками. Мы пробежали около двух километров, обливаясь потом. Сердце мое бешено колотилось, но я не уставал благодарить свою счастливую звезду за то, что из опасного положения я выскочил не в одиночку, а вместе со всей

ротой.

В конце концов мы остановились возле дороги, ведущей в жилые районы, и встретили там товарищей из разведывательного батальона нашей дивизии. Это было все, что осталось от двух рот, которые, так же как и мы, пытались преградить путь русским. Штурмбаннфюрер Заальбах тоже был там, он приказал приготовиться оборонять очередную деревню. Впервые за долгое время мы увидели гражданских, которые намеревались ждать прибытия Красной Армии.

Один из них оказался краснощеким бакалейщиком, с которым мы познакомились, когда мы с Эрихом Линденау и Краусом хотели зайти в магазин за продуктами. Мы были голодны как волки и в последние дни ничего не ели, кроме сухого пайка. Он указал на дверь:

– Вы ничего не купите без денег!

Мы с удивлением посмотрели друг на друга. До сих пор мы встречали население, которое охотно делилось с нами продуктами. Линденау, который был человеком довольно плотного телосложения, подошел к бакалейщику, нагнуллся и усталился ему прямо в глаза:

– Как ты можешь, старик! Мы рискуем жизнями ради тебя! Ты должен радоваться, что мы не большевики. Они бы расплатились с тобой твоей же жизнью. Проваливай, толстяк! – закричал Линденау и приставил пулемет к пузу бакалейщика.

Цвет лица торговца перешел из красного в тускло-зеленый, и он попятился, покачиваясь. Мы оттолкнули его и взяли с прилавков сосиски, масло и буханку хлеба. Мы торопливо ели, бросая на трясущегося хозяина презрительные взгляды. Затем дверь отворилась, и вошел штурмбаннфюрер Заальбах собственной персоной. Он громко поприветствовал нас традиционным «Хайль Гитлер!» и потребовал бутылку пива. К тому времени в магазине мы чувствовали себя как дома, поэтому я без всяких сомнений вытащил бутылку из-под прилавка и передал ему, прежде чем полумертвый бакалейщик смог пошевелить пальцем.

– Очень мило с твоей стороны помочь моим ребятам с продовольствием, – сказал командир с дружелюбной улыбкой на пыльном лице и протянул купюру со словами: – Сдачи не надо!

Нахальный хозяин открыл дверь нашему командиру, назвал его «*Oberst*» и мило прохрипел «Хайль Гитлер», хотя при этом недобро косился в нашу сторону.

Мы сложили оставшийся хлеб и сосиски в наши ранцы, перепрыгнули через прилавок и направились к двери, не глядя на хозяина. Уже в дверях Линденау обернулся, нашел милую белую

визитную карточку в своем поношенном кошельке и передал ее бакалейщику:

– Когда русские вернутся в свои горы, вы или ваши наследники смогут отправить мне счет. До свиданья!

Он подставил ногу бакалейщику и с такой силой толкнул его в жирное пузо, что тот с грохотом рухнул на пол, а потом вышел и так хлопнул дверью, что дверное окно разлетелось на кусочки.

Остальные жители исчезли, вероятно, в поисках убежища, пока наши противотанковые орудия и бронетранспортеры занимали позиции. Теперь город действительно превратился в линию фронта. Не хватало только разрушений! Домики были целы и опрятны, но явно ненадолго.

Троим из нас приказали выдвинуться вперед и вести наблюдение, чтобы мы могли заметить приближение русских. Они медлили по какой-то причине, потому что иначе они давно были бы здесь. Мы нашли прекрасное место в канаве в тени дубов. Это было уже за деревней, но тем не менее вокруг стояло множество очень милых семейных домов, причем с той стороны, откуда должен прийти враг. Мы лежали, болтая обо всем на свете, особенно о скупердые из лавки, жевали сосиски с хлебом, пристально глядя на дорогу. Хорошо было вот так лежать какое-то время в тишине и спокойствии и наслаждаться теплом весны. Где-то вдалеке слышались грохот и лязг, но именно здесь было спокойно и приятно.

Краус пристально смотрел на поворот дороги примерно в 400 метрах от нас. Вдруг он заморгал и помотал головой.

– Что за идиот едет сюда на велосипеде? – сказал он.

Мы втроем уставились туда же, онемев от изумления. В самом деле, кто-то ехал на велосипеде, что было крайне неосторожно, человек совершенно не думал о том, что эта дорога в любую секунду может быть обстреляна артиллерией или пулеметами. Велосипед вилял из одной стороны дороги в другую. Или велосипедист был новичком, или пьян, более вероятно последнее, так как, скорее всего, по этой причине он игнорировал опасность. Ну, это уж было слишком! Воскресный велосипедист на ничейной земле! Должно быть, он и сумасшедший, и пьяный одновременно.

Так это же иван! Когда он оказался в 60–70 метрах от нас, мы смогли рассмотреть его. Неудивительно, что он так плохо управлял велосипедом. Вероятно, это был его первый опыт езды на велосипеде, в Советской России только герои-стахановцы могли позволить себе такую роскошь. Яркое освещенный солнцем, он раскачивался на дамском велосипеде, забросив автомат за спину, на боку у него висела полевая сумка. Русский наслаждался

видом аккуратных домиков и хорошо ухоженных садов, которые никогда не видел дома в России. Было стыдно разрушать идиллию, но эта полевая сумка интересовала нас, так как в ней могли находиться важные документы.

Итак, его жизнь оборвалась ради спасения других. Бедный русский, как и многие его соотечественники, безобидный и добрый, когда жестокие правители не гонят его на войну. Первая в его жизни поездка на велосипеде была безжалостно оборвана, так как он поехал в неправильном направлении. Когда автоматные пули изрешетили его, русский упал с велосипеда. Затем на мгновение он приподнялся, через силу потянул ремень сумки мертвой рукой и снова рухнул. Лужа свежей крови растеклась по асфальту.

Краус побежал назад с полевой сумкой русского, чтобы передать ее командиру роты для дальнейшей отправки в штаб дивизии. Прежде чем он успел вернуться к нам, большевики атаковали деревню. Они нанесли удар с юга, во фланг. Теперь нам следовало бы поскорее вернуться к роте, прежде чем нас отрежут от нее. Мы перескочили через дорогу, в кювет на другой стороне, где мы были лучше прикрыты от обстрела, так как сейчас пули летели и в нашу сторону. Мы побежали вдоль канавы назад в деревню, где разгорался бой. Рота упорно оборонялась, но в конце концов не смогла устоять против русских танков и артиллерии, потому что атакующие, несмотря на тяжелые потери, упрямо двигались дальше.

Бои шли за каждый дом, мы перебегали через открытые сады, прятались за углами домов, чтобы дать несколько прощальных очередей в солдат Красной Армии, но были вынуждены прекратить эту смертельную игру в прятки и отступить на северо-запад, где лес снова укрыл наше маленькое подразделение. Сталинские танки смогли проехать еще немного дальше на запад на шоссе.

Поступил приказ, что мы должны любой ценой отбить деревню и примыкающий участок дороги. Прибыли три «Королевских тигра», так как нам обязательно требовалась поддержка. Если бы они не появились, контратака, скорее всего, даже не началась бы. Мы находились на грани полного физического и морального истощения.

Все надежды остановить Красную Армию на пороге Берлина и наладить сотрудничество с Западом развеялись. Фактически мы были уже в самой Берлине и могли видеть желтые и сине-красные поезда столичного метро, валявшиеся неподалеку. Они лежали под насыпью, развалившись на куски. Снова и снова мы видели железнодорожные станции с названиями, которые были связаны

с Берлином. «Commerz-Bank», «Lokal-Anzeiger» и «Berliner Morgenpost». Это было чрезвычайно угнетающе. Все больше и больше обшарпанных стен со словами «*Berlin bleibt Deutsch!*» смотрели на нас. Но теперь мы начали спрашивать себя с отчаянием в сердце: «А действительно ли Берлин останется немецким?» Последней нашей надеждой оставался обергруппенфюрер Штайнер и его северная армия, которая, как нам сказали, была уже на полпути к городу, чтобы помочь нам.

В сумерках мы двинулись в пригород, который уже пылал. Прежде чем большевики успели организовать оборону, мы атаковали их с неизвестно откуда взявшейся энергией и яростью, скорее всего, ее придало нам присутствие «Королевских тигров». С убийственной решимостью мы открыли огонь по русским из всех стволов. Между прочим, они уже расположились на ночь, чувствуя себя в полной безопасности, и водка лилась рекой. Они были пьяны, причем кое-кто даже после смерти не выпускал из рук бутылку. Тех, кто попытался скрыться в темноте, мы легко переловили. Большинство русских гибли под пулеметным огнем и от разрывов ручных гранат, едва они возникали, словно черные тени, на фоне огня в пылающем здании. Мы отбили пригород.

Вместе с Линденау мы снова зашли в бакалейную лавку. На железном заборе висело толстое бесформенное тело, это был хозяин. Большевики связали ему руки и приколотили гвоздями к столбам.

– Я сэкономил там немного денег, – шептал хрипло Линденау.

Я отвернулся, и меня вырвало. Все оставшиеся жители были мертвы, кроме одного человека.

Единственной, кому «повезло» спастись, была 40-летняя женщина, смертельно подорванная на одном из наших снарядов. Она оказалась посреди толпы русских солдат, которые начали удовлетворять свои животные инстинкты. Ради чего она осталась, в то время как большинство жителей сбежало? У нее был муж, числившийся «пропавшим без вести» под Сталинградом, поэтому она решила остаться и встретить Красную Армию, надеясь рано или поздно встретиться с ним, так как он мог остаться жив и попасть в плен. Но теперь она лежала, умирая, и это было самое лучшее, что могло произойти с ней, так как иначе ей пришлось бы доживать, изуродованной массовым насилием, медленно умирая от сибирского сифилиса.

Мы быстро организовывали оборону. Вскоре небольшая колонна грузовиков, набитых ничего не подозревающими русскими, подъехала с востока. Мы пропустили автомобили и позволили им довольно далеко проехать по главной улице.

Затем в течение нескольких минут мы расстреливали машины из пулеметов и автоматов. Они мотались в разные стороны, налетали на стены и заборы, сталкивались между собой и переворачивались. Мы продолжали стрелять, до тех пор пока не прекратилось всякое движение в этом хаосе и не стих последний крик боли. Точно так же фаустпатронами были сожжены три танка «Иосиф Сталин», и лишь после этого большевики разобрались в ситуации. В течение ночи нам пришлось почти непрерывно отбивать атаки, но теперь мы лишились поддержки «Королевских тигров» и были вынуждены отступить.

Рано утром поступило сообщение, что наше задание выполнено. В сотый раз мы с боем прорывались из окружения на северо-запад. Некоторые товарищи так и остались лежать среди пылающих домов, но большинство из нас спаслись.

Глава 11 От дома к дому

Большой желтый дорожный знак, мимо которого мы проехали, гласил: «Большой Берлин», мы миновали его еще утром, отступая на запад с непрерывными боями. Это произошло через пару дней после 20 апреля – дня рождения Гитлера. Мы оставили позади широкий пояс горящих пригородов. Перед нами высились огромные корпуса фабрик, а за ними виднелось целое море жилых домов гигантского города. Серо-голубая дымка, как вуаль, нависла над миллионами жителей. Темный дым от большого пожара покрывал все.

Западные союзники большевизма повсюду сеяли опустошение, окончательно уничтожая бомбардировщиками уже полуразрушенные города. Они начали последнее крупное наступление, которое теперь будет продолжаться до самого дня капитуляции. Мы слышали грохот разрывов бомб в центре города, а затем увидели множество «Летающих крепостей», которые в четком строю на большой высоте проходили над городом в небе, испещренном маленькими облачками рвущихся зенитных снарядов. Вокруг строя бомбардировщиков виднелись круги, петли и прямые инверсионных следов немецких истребителей. Воздушные бои продолжались.

Все, что происходило, начиная от Кюстрина и до сих пор, было лишь прелюдией. Настоящая битва за Берлин началась только сейчас! Последняя битва против гигантов Востока и Запада, «Сумерки богов», она достигла своей кульминации и теперь близилась к завершению. Мы нашли уже подготовленные оборонительные позиции, которые построило гражданское население с того момента, когда в начале года русские форсировали Вислу.

На важнейших перекрестках были подготовлены заграждения против русских танков, которые можно было моментально поставить на место тягачами или танками. Это были трамваи, забитые булыжниками, и большие грузовые вагоны с хорошо известными названиями, такими как «Кнауэр», «Берлинер Роллгезельшафт», «Шмелинг» и другими. Небольшие окопы, которые были выкопаны почти на каждом перекрестке, в основном были уже заняты солдатами фольксштурма, каждый из которых имел пару панцерфаустов. Повсюду можно было видеть солдат фольксштурма, большинство из них уже были в шлемах и с опознавательной повязкой.

Среди них было много мальчишек из Гитлерюгенда в возрасте от восьми до двенадцати или тринадцати лет. После

безжалостных продолжительных бомбардировок они превратились в настоящих закаленных ветеранов пограничья.

Даже во время самых ужасных бомбардировок они демонстрировали такую уверенность и присутствие духа, что пугали нас. Мы думали, что эти мальчики должны беззаботно играть на школьном дворе. Когда противник показывался или обнаруживал себя стрельбой, на лицах этих мальчиков появлялось выражение мрачной, жесткой решимости, характерное для закаленных ветеранов.

Во время боя у этих воинственных мальчишек появилось злобное безумие и безграничное презрение к смерти, с которым мы, взрослые, не могли справиться. С проворством и ловкостью ласок они пробирались на совершенно невозможные позиции, чтобы подбить русский танк панцерфаустом или прикончить группу наступающих солдат Красной Армии ручной гранатой. Эти маленькие мальчики в ходе битвы за Берлин подбили множество русских танков.

Мы постоянно пятились назад. В Карлсхорсте находился большой ипподром, один из самых больших в мире. В мирное время он несколько раз в неделю, как магнит, привлекал десятки тысяч любителей конских скачек из Берлина и из-за границы. Мы прочно удерживали его до 23 апреля. Затем вокруг него началась жестокая битва. Мы установили свои минометы на зеленой лужайке посреди ипподрома, здесь же стояли минометы и других рот. Пехотные взводы сражались в пешем строю вокруг сооружения.

Со свистом и воем русские снаряды падали на конюшни и паддоки. Деревянные скамьи и стены были расколоты и взлетели на воздух, бетонные стены были разрушены. Артиллерийский огонь с обеих сторон быстро усиливался. Начался последний обстрел Берлина. Непроницаемая стена орудийных стволов медленно, но неумолимо смыкалась вокруг города. В монотонном ужасном громе разрывов снарядов и авиабомб треск стрелкового оружия можно было услышать только на самом близком расстоянии. В эту какофонию вплетался грохот рушащихся зданий.

Большевики взяли баррикаду и прорвались. Когда мы уезжали, противник уже висел у нас на хвосте. Солдаты Красной Армии преследовали каждого немца. Еще раз мы были окружены, и еще раз нам прорываться с боем.

Нашей следующей оборонительной позицией стал огромный заводской комплекс, на зданиях которого красовались огромные буквы ASEA. Он стал настоящей крепостью, которая на какое-то время сдержала противника. Потери русских были огромны,

потому что мы могли стрелять в них буквально со всех сторон благодаря расположению фабричных зданий. Тогда они пустили в ход тяжелую артиллерию. Все вокруг пело и гремело, и ударная волна швыряла тебя, наполовину потерявшего создание, туда и обратно между стенами. Рушащиеся стены, потолки и железные балки погубили больше защитников, чем прямые попадания снарядов или осколков. Держаться в этом аду стало невозможно. Воздух был наполнен известковой пылью и пороховыми газами, а тут еще летающий щебень, скрученное железо и окровавленные куски тел – дышать было просто невозможно. И снова мы вырвались, хотя клыки смерти лязгнули буквально на волосок от нас.

Весь день мы с боем пробивались назад. Снова и снова попадая в окружение, мы пробивались по узким улицам и всяким закоулкам. Довольно часто нам приходилось проходить через линию фронта других подразделений, которые вели бой. Нам всегда удавалось прорваться, но наши потери росли. Иногда мы успевали забрать раненых с собой, иногда это было невозможно, их приходилось оставить на милость врага, хотя мы прекрасно знали о безжалостной жестокости, которую он проявлял по отношению к эсэсовцам. Бронетранспортеры уже давно были отправлены в тыл, и мы сражались, как пехота, вооруженные только стрелковым оружием, панцерфаустами и ручными гранатами. Мы уже не могли удержать ни одну позицию дольше чем на один час, а затем снова начинался бег наперегонки со смертью среди толпы солдат Красной Армии.

Мы не верили собственным глазам: такие массы солдат они бросили против нас. Они непрерывно бежали вперед с дикими воплями «Ур-ра!», но всегда при поддержке танков. Несмотря на это, огромное число русских пехотинцев лежало в лужах крови на улицах и во дворах или на подоконниках разбитых, обгорелых окон. Однако их атакующий напор не ослабевал ни на секунду. Потери русских в ходе этой битвы наверняка ужаснули бы любого командующего, но не советских маршалов, и их источник пополнений не мог иссякнуть. (После войны стало известно, что, по официальным данным, в ходе битвы за Берлин погибли 300 000 солдат Красной Армии.)

Повсюду мелькали горожане. Они просто не успели убежать от наступающих русских, которые с юга обошли город и сейчас находились чуть западнее его в Потсдаме. Их наступление развивалось с такой головокружительной быстротой, что большинство путей выхода из Берлина было перерезано, прежде чем кто-либо узнал об этом.

Однако широкий поток беженцев все равно двигался

в направлении Потсдама и на северо-запад к Науэну. Но даже если десятки или сотни тысяч людей сумели выбраться из кольца окружения, все равно в нем остались миллионы, которые ничего не могли поделать. Общественный транспорт встал. Эти несчастные могли найти только тележку или велосипед, поэтому оказались не в состоянии вывезти своих детей и самые необходимые пожитки. Для начала им предстояло пробраться через руины огромного города, сквозь кольцо окружения, причем на всех улицах валялись разлагающиеся трупы людей и лошадей.

Те, кто решил или вынужден был остаться, попрятались в подвалы. В конце концов, они к подобной жизни уже привыкли. Берлинцы стали пещерными людьми XX века! Там, внизу, они собирались вместе, с тревогой ждали непонятно чего, мучились, вслушивались в звуки битвы. Они чувствовали, как содрогается земля при взрывах снарядов, как с грохотом рушатся дома над ними.

Десятки тысяч перепуганных людей погибли под обрушившимися горами камней. Но что еще хуже – многие были отрезаны от внешнего мира завалами и обречены на медленную смерть от голода и жажды, они медленно сходили с ума, пока смерть-избавительница не освобождала их. Те, кто выжил, были вынуждены экономить каждую каплю воды, каждый кусок хлеба. Попытка выбраться из подвала, чтобы набрать воды в колонке на ближайшем перекрестке, означала прогулку на свидание со смертью. В городе все гремело и пылало. Безжалостные снаряды находили свои жертвы повсюду.

Мы были вынуждены отступить до Берлин-Лихтенберга. Ближе к вечеру мы как-то неожиданно вышли из боя, но нас тут же отправили на юг в Темпельхоф и Мариендорф, где русские образовали опасное вклинение в нашу оборону. Наши бронетранспортеры на бешеной скорости неслись по Франкфуртер-аллее – Скалитцер-штрассе – Гитшинер-штрассе – Бель-Альянс-штрассе, а потом прямо на юг.

Прямо перед гигантским административным зданием аэропорта Темпельхоф находилась станция подземки «Флюгхафен», где я был год назад во время отпуска и с еще одним шведским офицером СС лишь чудом избежал смерти. Это произошло во время дневного налета американской авиации, когда тяжелая бомба пробила потолок станции толщиной в метр бетона и взорвалась, убив множество людей. Теперь там на летном поле находилось бензохранилище среди барачных украинских рабочих. Наша рота остановилась, чтобы заправить машины. Среди товарищей из других рот, которых я наконец увидел после большого перерыва, был и Рагнар «Жираф»

Йоханссон. Во время тяжелых боев предыдущей недели мы ни разу не виделись. Он был страшно удивлен.

– Ты жив?! – спросил он с откровенным недоверием в голосе.

– Да, как ты можешь видеть.

– Но парни сказали, что ты погиб в Кюстрине, – возразил Рагге, не убежденный до конца. Затем он широко улыбнулся. – Пошли, мы это отпразднуем!

Он потащил меня в свой бронетранспортер. Оказавшись внутри, Йоханссон вытащил бутылку и с гордостью поднял ее.

– «Данцигер Голдвассер»! Забористая штука. Ее достал командир роты, но отдал мне. Ему все равно нельзя пить, – добавил Рагге извиняющимся тоном, слегка смущенный тем, что мы вдвоем разопьем бутылку, которую командир приберегал для себя.

Мы сделали по большому глотку этого восхитительного напитка, а затем спокойно и мирно закурили. Это была моя последняя встреча с Рагге Йоханссоном. Прекрасный человек и солдат, людей такого калибра встретить очень сложно. С тех пор как всех шведов, служивших в СС, начали собирать в одном подразделении, он стал связующим звеном между ними – сначала как посыльный на мотоцикле, затем как водитель бронетранспортера командира роты. Так получилось, что благодаря своим обязанностям в штабе он мог видеться с каждым из нас. Когда взвод разваливался, он старался связаться с каждым солдатом, доставлял редкие газеты и письма из дома, став «почтальоном счастья».

Когда пришел приказ «По машинам!», мы просто кивнули друг другу и тепло попрощались. Мы даже не думали, что видим друг друга в последний раз. Впрочем, мы давно выкинули из головы подобные мысли. Что будет, то и будет! Не было смысла прощаться заранее, никто не знает своей судьбы. Мы прекрасно знали друг друга и считали, что вполне хватит крепкого рукопожатия.

– Спасибо, Рагге! Ты прекрасный солдат и отличный товарищ! – самая лучшая оценка для этого человека.

Большевики уже добрались до Темпельхофер Хафен (это речной порт на канале Тельтов), то есть находились не далее чем в 5 километрах от аэропорта. В жилых пригородах Ланквиц и Мариендорф мы еще удерживали свои позиции, но на открытой местности к востоку от них Красная Армия неслась со скоростью лавины. Русские отбросили нас за канал Тельтов. Теперь основная схватка разыгрывалась вокруг группы зданий типографии и издательств на южном берегу канала. Чтобы помешать подкреплениям прибыть в наши части, ведущие тяжелый бой,

большевики поставили огневой заслон сразу за этими зданиями, отрезав путь, по которому мы только что пришли.

Колонны войск, которые шли за нами следом, были направлены на восток. По Дорф-штрассе и Германия-штрассе мы двинулись в Бритц под градом русских снарядов. Добравшись туда, мы увидели, что происходит нечто странное. Весь район был забит солдатами и техникой, было даже несколько «Королевских тигров». Готовилась мощная контратака, для чего собиралась целая дивизия.

В качестве наблюдателя, которому предстояло корректировать огонь большого числа минометов, я лежал в обнимку с полевым телефоном на передовой позиции в каких-то руинах. Там было спокойно, но гораздо хуже был грохот боя, долетавший со стороны порта. Там все было окутано огромным облаком дыма, в котором то и дело мелькали языки пламени. Я видел русские танки, которые катили дальше, вспышки выстрелов показывали, что они ведут постоянный огонь, рядом с ними и позади них бежали пехотинцы, ну а в гуще наступающих войск взлетали столбы земли от разрывов немецких снарядов. Все здания в том районе ярко пылали, вокруг них шел тяжелый ближний бой. Мне представилась редкая возможность увидеть панораму боя сверху.

Началась наша контратака. Грозно заговорила артиллерия в Бритце, Ланквице и Темпельхоф Фельде, канонада быстро превратилась в огненный ураган. Подобно косе смерти, наши снаряды беспощадно снесли замыкающие ряды большевиков и отрезали передовые пехотные и танковые соединения. Наступило время наших минометов, их снаряды градом посыпались на толпу наступающих русских солдат. Эффект усиливало использование «Небельверферов», чьи мины обладали потрясающей разрывной мощностью. С регулярностью метронома гремели артиллерийские залпы, а сквозь этот грохот пробивалось завывание «Небельверферов», посылавших смерть обреченному противнику. Весь район наступления большевиков превратился в пылающий и дымящийся водоворот, переполненный болью и смертью.

Позади себя я слышал рычание моторов. Постепенно темнело, и в сумерках, освещаемых пламенем пожаров, «Королевские тигры» в сопровождении пехоты, закаленной множеством боев, двинулись вперед из руин Бритца. Они неслись вперед, словно грозная волна, чтобы сокрушить то, что еще осталось от окровавленного авангарда большевиков. Это было просто великолепное зрелище, в последний раз я видел танковый бой. Однако он не слишком затянулся, уцелевшие русские танки

ничего не могли сделать. Их потуги походили на швыряние камешков в бетонную стену.

Брешь была закрыта, но всю долгую ночь иваны посылали вперед войска, надеясь отбить потерянную территорию и прорваться к аэропорту и сердцу города. Это была ужасная, жестокая борьба, в которой никто не просил и не давал пощады. Подобно лепесткам конфетти, в красно-фиолетовом ночном небе трассирующие пули прочерчивали линии во всех направлениях, безжалостно обрушиваясь на каждую подвернувшуюся цель. Позади нас бескрайнее море огня плескалось над горящим Берлином, пролетающие в темном небе жестокие монстры непрерывно сыпали свой смертоносный груз, чтобы не дать угаснуть всепожирающему пламени.

Было просто невозможно, чтобы в городе хоть что-то уцелело. Начиная с конца ноября 1943 года он не имел никаких передышек между воздушными налетами. Огонь в центре города поднимался в небо на колоссальную высоту и создавал такой жар, что сам превращался в огненный шторм. Американские армады прилетали днем, а по ночам англичане практиковались в ковровом бомбометании, жутком изобретении маршала Бомбер-Харриса.

Сотни тысяч солдат с отчаянием в сердцах сейчас сражались по широкому кольцу вокруг города против несметных орд противника. На них сыпался бесконечный дождь снарядов из десятков тысяч стволов (предположительно, Красная Армия в Берлинской операции задействовала около 40 000 орудий). То, что мы сумели отбить накануне вечером, уже наутро теряли, отступая шаг за шагом. На рассвете, когда бледное солнце поднималось над дымящимися руинами великого умирающего города, его слабые лучи лишь с огромным трудом пробивались сквозь тяжелую завесу дыма, чтобы осветить почерневшие дома с пустыми провалами выбитых окон. Трупы лежали на улицах повсюду.

Утомленные защитники продолжали сражаться, и повторялись события предыдущего дня. От дома к дому, от квартиры к квартире, от улицы к улице мы медленно отступали. Над нашим восточным флангом постоянно висел противник. Через Кепеник и Баумшуленвег мы пробились на запад и вышли на восточные окраины Бритца. Наше командование поспешно перебросило туда новые подкрепления в надежде остановить вражеское наступление. Но в то же самое время давление на юго-западе все усиливалось, положение стало исключительно опасным.

Около полудня 25 апреля мы больше не могли удерживать

свои позиции и были вынуждены сдать Бритц большевикам. Чтобы перебраться в Нойкельн нам предстояло пересечь канал Тельтов, где имелся только один узкий мост. Грохот боя подкатился еще ближе, когда дивизия в полном порядке отошла к каналу. Маленькие подразделения, которые прикрывали отступление, держались с огромным трудом. Те, кто ожидал транспорта, начали нервничать, собравшись на узких улочках, идущих вдоль берега канала. Здесь столпился личный состав целой дивизии, почти тысяча человек. Это все, что осталось от старых проверенных полков «Норге» и «Данмарк» и других подразделений. Люди с тревогой ждали развития событий, но машинам было крайне сложно пробраться между руинами.

Наконец они продрались к каналу, и началась переправа. Но в этот самый момент где-то в тылу раздался вопль: «Два танка «Иосиф Сталин» прорвались!»

И буквально в один миг приступ паники поразил всех. Сотни эсэсовцев, которые уже несколько лет смело смотрели смерти в лицо, не теряя при этом головы, вдруг были охвачены дикой паникой. Они поспешно бросились наутек, гоня свои бронетранспортеры, словно сумасшедшие. Роты напирали одна на другую, и все сбились в плотный комок. И вот в эту плотную массу тел и машин начали сыпаться снаряды и пулеметные очереди двух русских танков, которые действительно прорвались и сейчас катили вдоль по улице. Передо мной и позади меня, справа и слева окровавленные солдаты с воплями падали на землю.

Мой взвод, который я взял на свои бронетранспортеры, уцелел, потому что они стояли чуть правее. Едва мы завели моторы, сотни солдат бросились к нам, пытаясь вскарабкаться на машины. Пулеметный огонь и осколки многих из них унесли прочь, поэтому броневые борта моих машин покраснели от крови. Когда мы двинулись вниз к мосту, я увидел, что фитиль подрывного заряда под мостом уже тлеет, в панике кто-то поджег его слишком рано. Огонь с искрами и треском подбирался к взрывателю и четырем ракетам, которые должны были поднять мост на воздух, прежде чем большевики переправятся через канал. Но что мы можем сделать?

Позади нас залп «Сталинского органа» накрыл паникующую толпу, и результат был просто ужасным. Солдаты в бронетранспортерах ничего не знали о горящем фитиле под мостом. Они и так были достаточно напуганы. Мои ноги подгибались, пока наша машина медленно, мучительно медленно переползала через мост среди потока беглецов. По лбу бежал холодный пот. Наконец мы оказались на другом берегу! И почти

в тот самый момент, когда бронетранспортер покинул мост, заряды взорвались!

Что случилось с другими машинами моего взвода? Что творится на другом берегу, различить было просто невозможно. Железные конструкции моста провисли, и все скрыло густое облако пыли. Находились какие-то машины на мосту, когда он взорвался? Успели их экипажи спрыгнуть в воду? Не знаю. Но, как я еще успел заметить, оставшиеся солдаты начали прыгать в воду, чтобы пересечь канал вплавь.

Переполненные тревогой за судьбу товарищей, мы поехали по Герман-штрассе на север. Сборным пунктом была назначена станция подземки «Штадтмитте», где был расположен новый командный пункт дивизии «Нордланд». Примерно час мы вились по почти непроходимым дорогам. На стене одного дома мы впервые увидели торопливо накарябанную надпись «*SS-Verräter – Kriegsverlängerer*» – «СС-предатели – затягиваете войну!» Германские коммунисты за работой... Неужели так будет дальше? Начнут ли они снова выходить на поверхность? Нас все еще приветствовали «Хайль Гитлер!», если мы останавливались, чтобы спросить дорогу. Но, может быть, это происходило только потому, что у нас в петлицах красовалась «Мертвая голова»? Неужели нам предстоит сражаться еще и с врагом внутренним?

Мы успели подумать обо всем этом, и прямо посреди Герман-плац по нам ударила пулеметная очередь, пули со скрежетом прошли по крыше бронетранспортера. Это германские коммунисты вместе с какими-то вооруженными бандитами обстреливали нас из пулеметов, украденных у фольксштурма. Примчались солдаты другого подразделения СС, заняли дом на противоположной стороне площади и стали обстреливать крышу из пулеметов. Еще кто-то ворвался в дом, занятый коммунистами, и поджег его. Затем солдаты спустились и стали ждать у дверей, пока комми либо сгорят, либо все-таки выйдут наружу. Впрочем, тогда их просто повесили бы на ближайшем фонарном столбе.

Мы с тяжелыми сердцами смотрели на эти признаки дезорганизации, пока добирались до «Штадтмитте». Множество солдат вермахта лениво торчали в дверях без оружия. Как только они замечали наши бронетранспортеры, то немедленно отступали назад, в темноту. Раньше вермахт безгранично уважал Ваффен СС. Сколько раз на фронте нас посылали в самое пекло, чтобы выручить их из беды, причем сделать это могли только эсэсовцы?! Мы также видели вусмерть пьяных солдат вермахта, которые бродили по улицам, совершенно не обращая внимания на разрывы бомб и снарядов. На противоположной стороне улицы

старик и несколько женщин отрезали большие куски мяса от лошадиного трупа. Послышался свист приближающегося снаряда, и они попадали на землю, спрятавшись за лошадью, дождались взрыва, снова вскочили и продолжали окровавленными руками рвать и терзать дохлятину.

Наконец мы прибыли к «Штадтмитте». На всей Лейпцигерштрассе, одной из самых знаменитых улиц мира, не осталось ни одного неповрежденного дома. Когда-то здесь сверкали разноцветные рекламы, дорогие товары самых знаменитых фирм мира лежали в витринах роскошных магазинов, привлекая внимание фланирующих богатых бездельников и торопящихся финансистов и бизнесменов. А теперь все стало серым и тусклым, остатки железных конструкций напоминали обглоданные скелеты, согнувшиеся над дымящимися грудями битого кирпича.

Внизу, на станции подземки, впережку толпились рядовые и генералы СС. Я сумел найти унтерштурмфюрера из нашей дивизии, который передал мне приказ следовать вместе с бронетранспортерами в Грюневальд, где располагалось подразделение снабжения, и ждать там дальнейших приказов. Как можно быстрее мы помчались на запад. Мы пересекли разгромленную Постдамер-платц, разорванное сердце Берлина, Тиргартен-штрассе, некогда знаменитую своей дубовой аллеей, но теперь эти дубы валялись на земле, иссеченные осколками. Мы поехали вверх по Курфюрстендамм. До войны кафе на этом бульваре были полны гостей со всего мира, которые гуляли по его узорной мостовой мимо роскошных магазинов и ночных клубов, известных своими прекрасными женщинами. Все это было снесено жестоким кулаком войны. Мы проехали через Халензее к Хундекеле в Грюневальде. Там, в лесу вокруг озера, мы нашли наш взвод снабжения.

Мы прибыли туда уже в сумерках и только к вечеру следующего дня соединились со своими товарищами, сражавшимися в Нойкельне. В действительности я задержался в тылу, пытаясь собрать вместе солдат минометных взводов полков, которые больше не существовали. Имея четыре бронетранспортера и 20 человек, я вернулся в город. Среди них были мои испытанные ветераны Краус, Лейзеганг и Линденау, который смог переплыть канал Тельтов и ночью добрался до нашего расположения.

Остатки нашей роты вели уличные бои южнее Германштрассе. Мы прибыли туда на бронетранспортерах, и я спустился в подвал, где Шварц расположил «штаб роты» – одного связиста, чтобы получить инструкции. Шварц сидел на ящике из-под сахара и изучал карту Нойкельна при свете керосинки. Его лицо было

багрово-красным. На другом ящике перед ним стояла бутылка «Данцигер Голдвассер», причем почти пустая. Шварц был пьян. Дрожащим пальцем он ткнул в перекресток:

– Вы со своими минометами займете позиции здесь. Держите Герман-штрассе южнее Штейнметц-штрассе и парк в Риксдорфе под огнем.

– Но удержаться там невозможно. Иван контролирует часть Герман-штрассе и просто перестреляет нас.

– Не собираетесь ли вы отказаться от выполнения приказа?! Теперь я команду! – рявкнул Шварц.

– Хорошо, но выйди сам и посмотри, черт тебя побери!

Он поплелся следом за мной по лестнице и выглянул на улицу, где плясали тени разрушенных домов, пожираемых огнем. Как только мы дошли до угла Герман-штрассе, над нами просвистел снаряд и с грохотом разворотил асфальт буквально метрах в двадцати сзади. Мы быстро спрятались за угол, и Шварц сразу изменил свое мнение относительно того, пригодна ли эта позиция для минометов. Мы должны были оставаться на нашей стороне улицы, не выгружая минометы из бронетранспортеров. Шварц забрал Вальтера Лейзеганга в качестве посыльного и вернулся в подвал.

Чтобы вспышки наших выстрелов не были заметны с воздуха, мы стреляли специальными беспламенными зарядами. Телефон, который связывал нас с наблюдателем, стоял в подвале. Там расположился Эрих Линденау вместе с перепуганными и взволнованными жителями, которые жались по углам.

В небе зазвучал знакомый стрекочущий звук русского самолета-разведчика. Солдаты с присущим им юмором дали ему сразу две клички: «Железный Густав» и «Кофемолка». Первая кличка родилась потому, что этот самолет, подобно придиричивому фельдфебелю, совал свой нос повсюду, летая взад и вперед, и не обращал внимания на самый сильный зенитный огонь. Второе прозвище приклеилось к нему из-за характерного звука мотора, напоминающего потрескивание старой кофемолки. Он мотался над нами на высоте не более 100 метров и все искал и искал. Может быть, нас?

Вместе с Краусом я спустился в подвал к Линденау, и больше я ничего не помню. Мы только шагнули на первую ступеньку лестницы, ведущей в подвал, как внезапно на нас рухнула вся стена. Тугая воздушная волна ударила по шлемам, и нас засыпало битым кирпичом и досками. Краус сразу вскочил на ноги. Взрыв произошел чуть сзади, прямо среди наших машин! Сначала Краус невольно скатился вниз, но тут же поднялся обратно, целый и невредимый. Я тоже попытался встать на ноги, но это у меня не

получилось.

Из бронетранспортеров, стоявших на улице, доносились крики и стоны, грохот взрывающихся боеприпасов, но к ним примешался истерический женский крик из подвала.

Проклятие! Что бы это могло означать? Я никак не мог встать на ноги. Наконец Краус взял меня под руку и помог мне. Мой мундир стал серым от бетонной пыли и был разорван в клочья. Мои мягкие офицерские сапоги, которыми я так гордился, также были полностью разорваны. Еле держась на ногах, я смог спуститься по разрушенным ступенькам к Линденау. Боль отдавалась в моем левом бедре, когда я касался его рукой. Нога была влажной от крови, и боль стала гораздо острее. Я был ранен. Большая, открытая рана через все бедро. Позади меня продолжали рваться наши боеприпасы, но крики немного ослабли, а потом стихли.

– Смотрите! Я ранен, – сказал я и показал Краусу и Линденау свою окровавленную руку.

Они подхватили меня за талию, и, обхватив их руками за плечи, я начал подниматься по лестнице, прыгая на одной ноге через груды камней. Наши бронетранспортеры превратились в груды металлолома! Они горели, и повсюду валялись мертвые солдаты. Весь взвод, а это приблизительно 20 человек, был уничтожен! Взрывы мин все еще продолжались, но крики прекратились. Держась за моих верных товарищей, я прохромал вдоль домов на Герман-штрассе, а затем мы повернули за угол вниз, к подвалу Шварца. Там я лег на пол. Краус и Линденау стянули с меня сапоги и брюки, в то время как Шварц и Вальтер Лейзеганг принесли для меня бутылку шнапса, из которого я сделал пару глотков, чтобы хоть немного прийти в себя. Но, несмотря на это, я чувствовал себя совершенно слабым и кровь текла не переставая.

Причиной моей глубокой раны стали осколки бомбы, сброшенной «Железным Густавом», который неслышно крутился у нас над головами. Я мог засунуть в рану несколько пальцев. Вальтер сунул мне в губы сигарету, после того как меня положили на пол, а Краус сделал какую-то повязку, которая за считанные секунды впитала мою кровь. Алкоголь и слабость вогнали меня в довольно приятное полубытьё. Напряженность улетучилась, и я подумал: как же хорошо лежать вот так, неподвижно, и ни о чем не думать. Потребовалось довольно много времени, чтобы мне нашли носилки.

За это время российская артиллерия снесла половину нашего дома, а здание, стоящее рядом с нами, вообще было разрушено, поэтому его жильцы, сидевшие в подвале, были вынуждены

пробивать себе проход к нашему подвалу через подвальные стены своего дома. Они в панике бегали туда и обратно и каждый раз вскрикивали от грохота очередной взорвавшейся бомбы или снаряда, долетевшего сверху. Я лениво слушал этот шум вполуха. Наши солдаты попытались успокоить их, но, очевидно, у них ничего не получилось.

Наконец кому-то удалось найти носилки. Краус, Линденау и Лейзеганг подхватили их и помогли отнести меня. Такой транспорт уж точно нельзя было назвать удобным и безопасным. Время от времени рядом взрывались снаряды, так что им пришлось затаскивать носилки в ближайший дверной проем, при этом поднимая их довольно резко. Я был далеко не единственным, кому в тот момент требовалась первая помощь на Герман-плац. Много раненых солдат было доставлено сюда на старых раздолбанных велосипедах, ручных тележках и детских колясках, которые проседали под их весом.

В огромном подвале на Герман-плац меня положили на стол, измазанный кровью, сделали несколько инъекций против столбняка, и какая-то добрая душа наложила мне повязку ловкими, но очень нежными руками. По всему полу плотно друг к другу лежали раненые, и воздух был наполнен криками, стонами и тяжелыми хрипами, которые отдавались эхом от сводчатого потолка. Мои товарищи остались до тех пор, пока меня не загрузили в санитарную машину. Тогда они приблизились к носилкам, чтобы попрощаться со мной.

Это был тяжелый момент. В течение года мы сражались вместе, а это довольно долгий срок, мы были стержнем одного из самых сильных взводов. Всю радость и все страдания мы делили пополам, мы вместе пережили этот ад на Восточном фронте. А теперь для меня война закончилась, по крайней мере на ближайшее время, но что ожидало впереди трех моих товарищей? Неужели они собирались погибнуть теперь, на этом последнем этапе войны? Эти великолепные люди... Лучше бойцов было не найти. Именно с этими людьми нашему взводу в Курляндии удалось достигнуть того, что во время войны случается далеко не каждый день, – подбить русский танк из миномета. Их шанс дойти до конца живыми был ничтожен, и, хотя они улыбались мне, пожимая мою руку на прощание, я сумел разглядеть страх, прячущийся глубоко в их сияющих глазах перед ожидающей их мрачной неизвестностью. И мне было неловко бросать их.

В санитарной машине мы объехали все центральные районы города. Мы ездили от одного госпиталя к другому, но всюду получали ответ: «Полный!» Наконец меня на время положили в один из госпиталей вблизи Лютцов-плац. Также мне сообщили,

что при первой же возможности меня переведут в соседний крупный госпиталь в Томаскеллере – раньше это была одна из самых больших пивных Берлина, недалеко от вокзала «Банхоф Анхальтер». Пока я лежал, ожидая этого момента, я представлял себе, как бы это все выглядело там, в Томаскеллере. Конечно, там в огромном подвале лежали несколько тысяч людей, витал тяжелый запах крови и гноя, днем и ночью пронзительные стоны вылетали из тысячи ртов, мертвые и умирающие повсюду. Нет, это больше похоже на какую-то скотобойню! Я не смогу смириться с мыслью о пребывании там, в Томаскеллере.

Поэтому я принял решение. Я должен был уйти отсюда, прежде чем за мной прибудет транспорт. Рядом с местом, где я лежал, стояла окровавленная деревянная коробка, которая использовалась для того, чтобы заносить раненых. Я оторвал от нее доску, чтобы использовать ее в качестве костыля. Потом я встал на ноги и, шатаясь, начал подниматься вверх по лестнице, ведущей на улицу. Я чувствовал головокружение и слабость, но, с трудом передвигаясь, покинул это место. У меня не было никакой цели, но мне на ум пришла идея, что убежище можно найти в большой зенитной башне возле зоопарка. Рана жгла и яростно пульсировала в моей ноге, я просто изнемогал от этой боли. На улицах, куда бы я ни взглянул, лежали трупы, почти все мирные жители. Ни у кого не было времени, чтобы похоронить всех этих мертвецов, а потому вокруг царил ужасный тошнотворный запах. Улицы были завалены обломками зданий и сгоревшими машинами, так что мне стоило больших усилий пробраться сквозь все это.

На Кейт-штрассе я упал в обморок. Очнувшись, я обнаружил, что моя голова лежит на коленях молодой девушки. Я подумал, что мне это просто снится. Но, осмотревшись, я убедился, что это реальность. Она помогла мне подняться на мою слабую, но невредимую ногу и перебраться через груды камней, после чего отвела меня в дом, где она жила. Там меня встретила ее мать. Они приготовили немного еды и поставили на стол бутылку вина. Они испробовали все, что могло хоть как-то взбодрить меня. Говорили, что русских отбросили от Грюневальда, куда прорвались днем ранее, еще до того, как мой взвод послали туда. Также они сообщили мне, что обергруппенфюрер Штайнер собирался освободить Берлин силами Северной армии. Старый добрый Феликс Штайнер! А узнав, что я швед, они стали обращаться со мной еще вежливее. Девушка спросила: «Но почему же вы не хотите добраться до бункера представительства Швеции?»

Я даже не думал об этом! Хотя это было совсем рядом.

Вкусно поев, а они буквально вынудили меня это сделать, я почувствовал прилив сил и отправился с девушкой, которая вызвалась помочь мне. Хорошо, что она шла рядом и поддерживала меня, одному мне не удалось бы пройти и километра. На углу Раух-штрассе и Фридрих-Вильгельм-штрассе она попрощалась со мной, и следующие несколько шагов я прохромал в одиночестве.

Когда я заметил бункер в саду представительства, я увидел группу людей, курящих возле входа. Они были все аккуратно одеты, хорошо причесаны и опрятны. Судя по всему, это были шведы. Наверное, это национальная черта шведов – выглядеть прилично даже в самых трудных обстоятельствах. К моему стыду, на сей раз я был откровенным исключением из этого правила. Густая трехнедельная щетина покрывала мой подбородок, а грязь на лице превращала меня в какого-то балканского проходимца. Моя одежда состояла из пыльного стального шлема, неопишимо грязной и рваной шинели, толстый слой грязи покрывал мои голые ноги, поскольку свои брюки я оставил в подвале на Германштрассе. Сапоги были изорваны в клочья обломками, по которым я шел. Это обмундирование дополнял автомат, висевший на груди, внушающий страх «парабеллум», заткнутый за пояс, и пара ручных гранат, торчащих из сапог. Поэтому неудивительно, что группа людей придвинулась чуть ближе к входу в бункер, увидев, что я, хромя, направляюсь к ним. Среди них была «прекрасная леди». Насколько прекрасной она была, я понял тогда, когда она отреагировала на мой ужасающий внешний вид, который всех привел в замешательство. Она довольно громко прошептала этим побледневшим господам: «Представьте себе, есть и такие шведы!»

Позже я узнал, что это была баронесса фон Унгерн-Штернберг. «Положение обязывает», так сказать. Ну и ладно! Я не позволил этому зловещему вступлению отпугнуть себя и осторожно попросил позволить мне зайти в бункер и остаться, чтобы немного оправиться. Я показал им пропитанную кровью повязку и объяснил, что чувствую себя не очень хорошо и что был бы рад хотя бы часок поспать, поскольку последние несколько недель спал очень мало. В тот момент один из господ перестал пятиться и смело подошел поближе ко мне. Из того, что он сказал, я понял, что столкнулся с прожженным дипломатом.

Он объяснил, что по всем правилам я должен был подать письменное заявление на разрешение войти, но сразу дал мне понять, что я в соответствии с законами войны не могу переступить порог строго нейтрального шведского бункера. Очевидно, это имело некоторое отношение к международному праву и тому подобному. Поскольку мне не хотелось вовлекать

почтенных старых шведов в столь ужасное военное преступление, я стал медленно отходить от этого пятачка суверенной шведской территории. Но тут из бункера вышел другой джентльмен. Ему вкратце рассказали о моей ситуации, и он позвал меня к себе, это был врач дипломатического представительства.

– Идите за мной, – сказал он и помог мне спуститься по лестнице.

Он привел меня к кровати, где я мог расслабиться, отложив в сторону оружие. Врач даже вздрогнул, когда увидел мою рану.

– Ох! – произнес он, а затем улыбнулся, добавив: – Ну, как мы себя сегодня чувствуем?

Он выглядел как Дядюшка доктор, который лечит маленьких мальчиков. Я был так счастлив, что чуть не заплакал! Врач очень трогательно заботился обо мне, снял мою старую окровавленную повязку и сделал новый хороший шведский бинт, еще довоенного качества. Все это время он болтал со мной обо всем и ни о чем, дал мне сигареты и посоветовал побольше лежать и набираться сил. Но я вспомнил о людях, которые стояли снаружи, и мне расхотелось делать это. Когда врач закончил, я поблагодарил его, собрал свое оружие и захромал прочь, прихватив с собой свою доску.

Я вспомнил, что один из моих шведских товарищей, унтерштурмфюрер Гуннар Эклоф, офицер нашего батальона, совсем недавно был откомандирован в Берлин, еще до того, как город оказался на линии фронта. Скорее всего, его можно было найти в его квартире на Гертруден-штрассе. И я направился именно туда, к Вильмерсдорфу. На каждом перекрестке стояла противотанковая баррикада, поэтому было довольно трудно пройти. Когда я наконец добрался до места, оказалось, что дом был пуст. Снова.

В тот момент я абсолютно не знал, как быть дальше. От проходивших мимо легкораненых я узнал, что Красная Армия уже продвинулась до Ферберлинер-плац. Вблизи того места, где я находился, наша пехота заняла позицию, откуда была слышна яростная стрельба. Здания вокруг меня жарко пылали. Запах дыма, смешанного со зловонием разлагающихся трупов, был отвратительным. В нерешительности я побрел в сторону Кайзер-аллее. Там у меня внезапно потемнело в глазах и на некоторое время я потерял сознание.

Я пришел в себя, лишь когда рядом со мной остановился мотоцикл. Двое эсэсовцев прыгнули и посадили меня в коляску. В спешке они довезли меня до Никольсбургер-плац и оставили в школе, которая теперь служила госпиталем. Меня положили в большой колонный зал, где на полу лежали, плотно

прижавшись друг к другу, раненые. Подвал и нижние этажи были переполнены, а верхние частично разрушены авиабомбами. Аккуратно перешагивая через раненых, мне удалось добраться до скамьи и сесть рядом с фельдфебелем вермахта.

Он был настоящим великаном. На шее у него висел Рыцарский Крест, а голова была обмотана бинтами. Он получил пулю в голову. Один раненый мне сказал, что фельдфебель ослеп, был наполовину парализован и потерял сознание. Он откинулся назад, опершись на стену, и слегка постанывал от боли. Когда-то его фото публиковали в немецких газетах и считали героем, а теперь он сидел здесь и выглядел совершенно беспомощным. Ни у кого не было времени заниматься им. Бедные сестры Красного Креста бегали туда и сюда, заботясь о вновь поступивших раненых. Ему сделали повязку, но ни на что большее он сейчас и не мог рассчитывать. Было ужасно видеть, как этот огромный мужчина превратился в беспомощную развалину.

Мне сложно описать последующую ночь, все страдания, которые я видел, и душераздирающие стоны, которые я слышал. До утра я просидел на скамье и безостановочно курил, чтобы успокоить нервы, а вокруг лежали искалеченные, умирающие и уже мертвые люди. В общей сложности там находилось около 1300–1400 пострадавших.

Утром, когда санитары унесли умерших ночью, мне выделили импровизированную кровать. Перед этим меня уложили на операционный стол, где мне сделали пару уколов и перевязали рану. Моим соседом оказался унтер-офицер вермахта, его звали Вальтер Хейнау. Он был родом из Верхней Силезии и, когда ему исполнилось 20 лет, добровольно ушел на фронт в 1942 году. Он потерял ногу, но и после этого добровольно остался служить в пехоте, ковыляя на протезе. Теперь он лежал здесь, потому что ему прострелили заднюю часть обоих бедер. Истекая кровью, он спасся от русских на велосипеде и добрался до ближайшего перевязочного пункта, хотя кровь так и хлестала из обеих ног. Удивительный мальчик! Но теперь он совсем пал духом. До последней минуты ему хотелось верить в победу, но что его теперь ожидало? Свое отчаяние он выражал, ругаясь на верхнесилезском диалекте.

28 апреля мы наконец-то получили походные кровати. Бои шли уже совсем неподалеку от места, где мы лежали, и здание содрогалось от артиллерийской канонады. К нам продолжали поступать солдаты с еще более тяжелыми ранениями, многие умирали уже вскоре после прибытия. Большинство из них были страшно искалечены. Стало еще труднее найти еду и воду, надлежащего ухода за ранеными не стало. Но у Хейнау все еще

оставались сигареты, а это значило, что наши дела обстояли относительно неплохо.

29 апреля бой подошел совсем вплотную, и мы лежали, с тревогой вслушиваясь в его звуки. Мимо со свистом пролетали снаряды, но в любой момент они могли попасть прямо в нас. Мы чувствовали себя маленькими и жалкими. Как и другие раненые эсэсовцы, я стал сдирать с себя все отличительные знаки СС. Я даже избавился от расчетной книжки Ваффен СС и шведского паспорта. Паспорт сразу стал бы для меня смертным приговором в глазах большевиков, не говоря уже о расчетной книжке Ваффен СС, потому что на фотографии я был в финском мундире. Это подтверждало мое добровольное участие в военных действиях в Финляндии в 1941 году.

В ночь 30 апреля выстрелы стихли, и мы поняли, что русские могут оказаться здесь в любой момент. Утром они ворвались в госпиталь, как ураган, грязные, плохо пахнущие, размахивали заряженными автоматами, как обычно делают солдаты Красной Армии. Они рыскали повсюду, с превосходством поглядывая на раненых и насмехаясь над ними, но в остальном они вели себя достойно. «Берлин капут!» была их любимая фраза.

Потом они начали проверять каждого человека. Они ходили от кровати к кровати, приставляли автомат к груди раненого и спрашивали: «Ты эсэсовец?» Здесь действительно находилось несколько сотен напуганных эсэсовцев, но все они уничтожили свои отличительные знаки и все упорно отрицали. В конце концов, каждому хотелось остаться в живых. Маленький, кривоногий, косоглазый монгол с плоским носом приблизился и ко мне.

– Ты эсэсовец? – прошипел он и приставил ствол оружия к моему животу. Я замотал головой и сказал, что являюсь обычным солдатом вермахта. – Да, да, ты точно из СС, – повторил он, и в панике я понял, что все смотрели только на меня. Тогда я выдавил что-то напоминающее улыбку и снова покачал головой. Тогда он отстал. Меня прошиб холодный пот, но дышать стало гораздо легче.

Большевики сразу начали очищать верхние этажи. Кирпичи и минометы оттуда убрали, и нас перенесли наверх, после чего нам наконец дали воды и кофе. А потом приехали российские доктора и занялись самыми тяжело ранеными. Они начали ампутировать, но без анестезии, и приблизительно 90 % раненых после ампутации истекли кровью. Мне наложили новую повязку. И это было очень кстати, потому что старая стала совсем жесткой от засохшей крови и гноя и ужасно воняла.

Ближе к вечеру 1 мая приехали солдаты Красной Армии и со

смехом сообщили нам, что Гитлер мертв. «Гитлер капут! Гитлер капут! Бяр-рлин капут! Германия капут!» – кричали они. Хейнау тихонько плакал.

Глава 12 К свободе!

Как только звуки сражения утихли в руинах разрушенного города, поступил приказ от советского коменданта. Все раненые, которые проживали в Берлине, могли вернуться домой, ко всем остальным позволялось пускать посетителей. Мы больше не были заключенными! Однако на каждое разрешение всегда найдется свое запрещение. Никому не разрешалось выходить из госпиталя! Некоторые жители Берлина сбежали, несмотря на этот приказ, и в результате здание было окружено охраной. А позже прибыл российский офицер и на ломаном немецком языке объяснил, что если кто-то попытается сбежать, получит «выстрел в шею».

Мое положение казалось безвыходным. Как я мог выбраться отсюда? Я написал письмо в шведскую дипмиссию и договорился с одной немецкой медсестрой тайно отправить его, но ответ так и не пришел. Я начал нервничать. Я поднимался на ноги и мог относительно спокойно ходить. Кровати были предназначены для самых тяжело раненных, мне же приходилось помогать выносить из здания мертвых. Но перед этим нужно было сначала снять с них больничную одежду, которая выдавалась им в госпитале, и переодеть обратно в мундиры. Каждый день умирало от 50 до 75 человек, поэтому работы у меня было более чем достаточно.

То, что я прошел через все это и не свихнулся, сегодня кажется просто невероятным. Мы выносили мертвых на улицу, где солдаты Красной Армии забирали их. Они небрежно швыряли трупы в свои грузовики и увозили в соседнюю братскую могилу в парке. По ночам меня мучили жуткие кошмары. Однажды ночью, когда я был в умывальне, один из таких же носильщиков трупов зашел и подозвал меня.

– К тебе пришли, – сказал он.

У моей кровати сидела медсестра Красного Креста и о чем-то разговаривала с Хейнау. По-видимому, сама она была шведкой, но вышла замуж за немца. Она слышала, что в госпитале находился швед. Мы обсудили то, что со мной произошло, и она пообещала сходить в дипломатическую миссию, чтобы попытаться получить для меня временный паспорт. Кроме того, мы договорились пронести сюда кое-какие лакомства накануне приближающегося праздника Троицы. Шведская медсестра заверила нас, что смогла бы достать для нас бутылку вина и что-нибудь поесть, получше, чем наши скудные порции.

Старший российский доктор очень заинтересовался мной, причем настолько явно, что я заподозрил неладное. У него всегда находилось время побеседовать со мной, и он спрашивал меня

абсолютно обо всем. Поэтому мне приходилось придумывать подробности из моей абсолютно новой жизни, потому что я, конечно же, все еще настаивал, что был обычным немецким солдатом вермахта. Было важно контролировать свои рассказы, и несколько раз я чуть не проболтался. Но благодаря его интересу ко мне о моей ране хорошо заботились и я выздоравливал достаточно быстро. Это был приятный человек европейского склада, и я не раз задавался вопросом, как он мог так вписаться в эту большевистскую среду. Это место едва ли можно было назвать подходящим для человека столь гуманного и культурного, как он.

Наступил день святой Троицы, но он стал совсем не таким, каким я его ожидал. В тот день нас разбудили раньше шести утра. Приехали солдаты Красной Армии, ворвались в залы и начали громко кричать и толкать нас. Все, кто были на ногах, должны были быстро подняться с постели и сменить больничную одежду на мундиры. Госпиталь предстояло эвакуировать. Нам сообщили, что всех раненых перевозят на восток в лагерь военнопленных.

А ведь я был без паспорта, без денег, абсолютно без одежды, не считая мундира. Я был в отчаянии. В голову начали лезть разные дурные мысли, пока я застилал свою постель и собирался. Планы спасения один за другим рождались в моем мозгу и тут же умирали. Все было безнадежно. Как же мне смыться отсюда? Все выходы, даже залы, охранялись вооруженными солдатами Красной Армии. Это был конец. Если я не попадусь сейчас, в новом лагере это произойдет наверняка, когда большевики повнимательней проверят мой мундир. Они точно заметят на моем воротничке и рукаве знаки отличия СС и тут же меня прикончат.

Охранники поторапливали нас, и времени оставалось мало. Мы начали на носилках спускать самых тяжело раненных вниз, где стояла длинная колонна российских грузовиков, они должны были увезти нас на восток. Когда я спускался с носилками во второй раз, я встретил нашу медсестру, которая почти бежала навстречу мне с большим свертком в руке.

– Вы сию же минуту должны пройти со мной в зал, – сказала она серьезно и торопливо.

Мой товарищ перехватил у меня носилки; прихрамывая, я начал подниматься по лестнице следом за ней так быстро, как только мог. Пока мы шли, она мне все разъяснила и рассказала, что я теперь должен был делать.

– Возьмите это, – сказала она мне и протянула большой пакет. – Здесь костюм и пара ботинок.

Больше мне не требовались никакие наставления, я сразу

помчался в умывальню. Как можно быстрее я снял мундир, разодрал пакет, надел совершенно новый спортивный костюм и пару «почти новых» коричневых ботинок. Как ей удалось найти эти вещи в этом разоренном городе – форменная загадка, ведь ничего подобного невозможно было найти уже несколько лет! Но у меня не было времени думать об этом, вместо этого я открыл отдельный конверт, хотя у меня от волнения тряслись руки. Там лежали несколько немецких марок и шведский паспорт. Мое сердце, которое все утро уходило в пятки от страха, постепенно возвращалось на свое обычное место, и теперь я снова мог спокойно думать и планировать дальнейшие действия.

Человек, вышедший из умывальни, был абсолютно неузнаваем. В нагрудном кармане лежал новый паспорт, и я знал, что это как-то мне поможет. Я огляделся, пытаюсь найти свою соотечественницу, чтобы поблагодарить ее, но она уже ушла. У меня не было времени искать ее, так как погрузка раненых уже была закончена, и всем остальным приказали занять места в машинах. Все, кто был на платформе, уставились на меня, когда я появился там одетым в новую элегантную одежду.

Длинная колонна двинулась с Никольсбургер-плац. Мельком я увидел один из бронетранспортеров нашего батальона, подбитый и сгоревший. Вокруг него лежали скрюченные тела павших товарищей, которые сражались до самых последних дней. Что же сейчас было с ГП и остальными нашими парнями? Остались ли хоть кто-то из них жив? Я снова возблагодарил судьбу за свою невероятную удачу. Теперь мне оставалось только каким-то образом выбраться отсюда. Это был как своего рода «кусочек пирога»!

Но проехать через Берлин было тяжким испытанием для психики любого человека. Конечно, звуки битвы уже давно стихли, а гигантские пожары погасли. Однако впечатление от увиденного было поистине ужасным и душераздирающим. Во время боя мы просто сражались за свою собственную жизнь. Сквозь густой дым, затянувший все вокруг, у нас не было возможности видеть то, что происходило на самом деле, а потому у нас не было четкого представления о настоящих масштабах разрушений. Теперь же для нас все стало гораздо яснее и острее. Даже при том, что уже прошло несколько дней с момента окончания боев, на улицах все еще валялось множество трупов, зато людей практически не было видно. Лишь кое-где можно было увидеть стариков или старух, либо женщин с грязными и оборванными детьми, которые пробирались среди развалин. Во многих местах улицы были завалены подбитыми танками, орудиями, сожженными автомобилями и всяческим хламом. Все

время мы проезжали мимо хорошо вооруженных вражеских патрулей. У большинства солдат Красной Армии была типичная монгольская внешность.

Потомки Чингисхана взяли власть над Берлином. У них уже было полно времени на то, чтобы приколотить таблички с названиями улиц на русском языке, тут и там мы видели пропагандистские плакаты с фотографией Сталина гигантских размеров. Мортц-штрассе – Бюлов-штрассе – Потсдамер-штрассе – Лейпцигер-штрассе – Старый город – Ландсбергер-штрассе – Ландсбергер-аллее – теперь все это превратилось в развалины, груды битого кирпича и камней, почерневшие от пожаров скелеты домов с пустыми оконными рамами, за которыми ничего не было. Повсюду царило невероятное, неописуемое опустошение. Могло ли это место когда-нибудь снова стать городом, домом для людей? Любой бы, кто решил убраться здесь, ужаснулся бы, видя груды развалин.

И вот наконец мы выехали из ужасного города-призрака в пригород. Колонна проехала за ограду из колючей проволоки, вдоль которой стояли многочисленные часовые, и остановилась перед большим кирпичным зданием, которое было похоже на школу. Нам приказали выйти из машин и вынести носилки. Здание уже было битком набито. Поэтому носилки пришлось ставить на лужайку, где другие легкораненые пленные уже устанавливали палатки. Вокруг лежало много немецких солдат, наверное, три или четыре тысячи.

Мне посчастливилось встретить человека, служившего в третьей роте. Он прибыл сюда из такого же госпиталя в Шенеберге и рассказал мне, что здесь также находилось два американских офицера – добровольцы из Ваффен СС и несколько шведов из Лейбштандарта СС «Адольф Гитлер», которым немецкие врачи просто отказались оказать помощь выбраться отсюда. Как ни странно, им все-таки удалось сбежать, американцы и шведы просто «потерялись» в беспорядке, который начался перед перевозкой. Он также выяснил, что этим же вечером нас собираются переправить на восток, сначала во Франкфурт-на-Одере, а потом еще куда-то...

Мне больше не хотелось задерживаться здесь ни минуты! Я узнал, где находится офис коменданта лагеря, он располагался на вилле в нескольких сотнях метров от лагеря. Мне удалось убедить одного из охранников, между прочим, все они были женщинами, провести меня туда. Главную роль сыграл мой паспорт, которым я махал перед ее носом. Комендант согласился встретиться со мной. Поэтому я отряхнул одежду, гордо выпрямился, выпятил грудь и зашагал вперед. Моя речь звучала,

как хорошо зазубренная шпаргалка: «Я – шведский инженер, учившийся в Берлине. К сожалению, я был ранен во время сражения и оказался здесь по ошибке. Меня немедленно нужно освободить, чтобы я мог отправиться домой». Ну, и так далее.

Генерал ладонью отогнал облако дыма от своей папиросы, пристально посмотрел на меня, развалившись в своем удобном кресле. Мебель такого качества вряд ли можно было встретить в Советском Союзе.

– *Ничего, ничего.*

Действительно, он не мог сделать ничего. Мой паспорт не произвел на него никакого впечатления. Он посоветовал мне обратиться к военному коменданту во Франкфурте. Ага, подумал я, это означает, что я так и буду получать один и тот же ответ, пока не достигну конечной станции на Урале.

Слегка обеспокоенный, я возвращался в лагерь, в то время как кровожадная советская амазонка угрожающе приставила ствол оружия к моей спине. Через некоторое время я предпринял дерзкую попытку сбежать. Я приблизился к одной из охранниц у входа, показал ей свой паспорт и сказал, что имею право пройти.

– *Не понимаю*, – ответила она, злобно уставившись на меня и сняв автомат с предохранителя.

Я сразу отступил, но не сдался. Я только решил дожидаться удобного момента. В одном из карманов моей куртки я нащупал пачку сигарет, которые мой заботливый ангел-хранитель положил туда. Затягиваясь сигаретой, я постоял около выхода.

Пришло время смены караулов, на сей раз это были солдаты Красной Армии мужского пола. Вдруг у входа оказался только один охранник, мальчик с добрым и безобидным личиком. Я подошел к нему, предложил сигарету и начал говорить на ломаном русском языке. Сигареты были хорошими, и слова, которые я произнес, по-видимому, тоже, раз мальчик их понял. Когда я решил, что почва хорошо подготовлена, я вынул из кармана свой паспорт и указал на печать со словами, что мне разрешено посещать коменданта, с которым я уже был знаком. Печать взяла свое! В Красной Армии только командиры дивизий или командующие армиями ставят печати на приказы и документы. Так что он сразу позволил мне пройти!

Я медленно дошел до виллы коменданта, но когда охрана пропала из виду, бросился бежать в другую сторону. Я мчался без всяких остановок, если не считать коротких пауз, чтобы могла отдохнуть моя раненая нога, ведь рана была настолько большой, что туда мог войти большой палец. Я прошел 30 или 40 километров, сначала через пригород, затем через половину Берлина.

Моей целью был бункер шведской дипломатической миссии. По пути через город меня не раз останавливали, но печать всегда спасала меня. Теперь берлинцев можно было встретить заметно чаще, они все еще были напуганы, но уже ходили по улицам. Каждый, кого останавливал патруль, был ограблен до нитки, у него отбирали все: часы, кольца, очки, портфели, ну, словом, вообще все.

Добравшись до Вильгельм-плац, я замер: на виселице перед рейхсканцелярией висел труп мужчины. Я подошел ближе. Он был похож на Геббельса! Ошибиться было невозможно, несмотря на то что большевики сломали ему нос и ударили штыком в горло. Горожане, проходящие мимо, отворачивались в сторону при виде виселицы с трупом. Зато солдаты Красной Армии останавливались и, показывая на него пальцем, надсмехались над ним.

Во время своего похода я заметил, что пропаганда красных работала и другим способом тоже. Перед каждой булочной висела табличка с надписью: «Гитлер отобрал у рабочих хлеб. Сталин вам его вернет!» Немецким рабочим это заявление казалось смешным, поскольку после развала Веймарской республики за время правления национал-социалистов именно Гитлер спас народ от безработицы и бедности. Он дал немцам шанс построить лучшую жизнь, которая в некоторых вещах оказалась даже лучше жизни шведского рабочего. Теперь же в течение нескольких дней хлеб продавали без всякого нормирования, поэтому запасы довольно быстро кончились и начался голод.

Только к вечеру я наконец добрался до бункера дипломатической миссии. У входа стояли несколько женщин, которые сообщили мне, что шведы уже уехали из Берлина. Несмотря на это, мне все-таки разрешили войти в бункер, где эти же женщины, я имею в виду шведских женщин, которые вышли замуж за немцев, угостили меня такими деликатесами, о существовании которых я уже почти забыл: шоколадом, терпким кофе, датским беконом и сигаретами «Кэмел». А чуть позже я познакомился с другим шведом, который подобрал меня и поселил в квартире на Будапешт-штрассе, где жили еще несколько моих соотечественников, ожидавших возвращения домой.

Я пробыл там почти две недели и ни разу не вышел на улицу. Не было никакого смысла рисковать жизнью. Никто нерусский не мог чувствовать себя в полной безопасности. Повсюду рыскали отряды Красной Армии, хватали людей и уводили куда-то. Днем и ночью в городе слышалась стрельба и какие-то взрывы. Поэтому мы предпочли отсиживаться внутри и питаться наличными

запасами.

Среди тех, кто здесь жил, был шведский моряк. Не так давно его выпустили из немецкого концентрационного лагеря, куда посадили за коммунистическую пропаганду в каком-то немецком порту. Он проклинал и обвинял немцев во всех мыслимых грехах, каждый день и час высказывал пожелание, чтобы русские перебили «весь этот сброд». Позже, как сообщалось в шведской прессе, он попал в русский концентрационный лагерь под Москвой, где он, вероятно, потерял всю свою любовь к коммунизму и охоту пропагандировать его прелести.

Со временем сидеть взаперти стало слишком трудно, тем более что ГПУ снова начало действовать. Его агенты начали появляться тут и там, начав охоту на «патриотов». Однажды я не выдержал и вышел на разведку. Я долго гулял по улицам, где я раньше ни разу не был. С безопасного расстояния я даже увидел один из таких рейдов ГПУ. Русские оцепили весь квартал, силой затащили многих людей в грузовики и уехали в неизвестном направлении.

Где-то между Кайзердамм и Курфюрстендамм, недалеко от Штутгартер-плац, я замер, прямо остолбенел! Всегда думал, что такие встречи могут случаться только в книгах. Кто еще мог стоять там на углу и смотреть на все эти руины, если не мой соотечественник унтерштурмфюрер Эклоф?! За день до того, как я попал в госпиталь, я искал его на Гертруден-штрассе. Первое, что он мне тут же сообщил, что ГП тоже жив. Я буквально подскочил от радости!

Мы немедленно помчались к укрытию, где сейчас прятался ГП. Он не мог поверить своим глазам, когда, осторожно приоткрыв дверь, увидел меня. Эта встреча превратилась в настоящий праздник, мы сидели вместе, и он рассказывал о своих последних боях. Это не передать словами, и мне очень хочется пересказать вам хотя бы часть пережитого им.

Не так давно он снова принял командование третьей ротой после того, как погиб ее новый командир. Подразделение бросали в бой то тут, то там. Он также подтвердил, что рота действительно вела бои около Никольсбургер-плац, где я недавно видел разбитый бронетранспортер. Последний бой рота дала на Фридрих-штрассе. Там его командная машина была подбита и загорелась недалеко от железнодорожного виадука за станцией метро. Все сразу начали выпрыгивать из машины, но тут же погибли, кроме ГП и Рагнера Йоханссона «II». Он побежал к виадуку, но вдруг ГП увидел, что Рагге упал. Он поднялся было и снова упал, после чего остался лежать неподвижно.

ГП в одиночку забежал под виадук. Совершенно случайно он

увидел солдата Красной Армии, который стоял на стальной балке и собирался бросить в него ручную гранату. Но ГП удалось спрятаться за бетонной стеной в момент взрыва. Дальше он забежал в оказавшиеся прямо перед ним ворота, поднялся по лестнице и зашел в квартиру. Ему повезло, что дверь была заклеена обоями и практически не видна.

ГП просидел там очень долго, пока не пришли иваны и начали с грохотом обыскивать дом. Они ломали мебель и вообще перевернули квартиру вверх дном, но наконец нашли двух других эсэсовцев, которые тоже прятались тут же. ГП весь покрылся холодным потом, когда услышал, как эсэсовцев расстреляли прямо на месте. Однако ему посчастливилось остаться незамеченным, поэтому он просидел в своем закутке еще двое суток.

На третий день он осторожно вышел из укрытия и тихонько прокрался вниз по лестнице. Во дворе он встретил старуху, которая заверила его, что русские солдаты не появлялись здесь уже достаточно давно. ГП вздохнул с облегчением и через задний вход вышел в магазин, владелец этого магазина обещал дать ему гражданский костюм. Ну а пока ГП присел и начал смотреть на улицу. Вдруг он увидел ту самую старуху с тремя солдатами Красной Армии! Спотыкаясь, он выбежал, побежал вверх по лестнице, забился в свое укрытие и начал ждать, что будет дальше. Но тяжелые шаги на лестнице и грубые голоса, а также визг доносицы становились все ближе.

ГП серьезно встревожился. Заклеенную обоями дверь выломали, и какой-то резкий голос из темноты приказал ему покинуть помещение, в качестве аргумента предъявив три автомата. ГП совершенно растерялся и не знал, как спасти себя. В панике он начал цепляться за все, что попало, и неожиданно нащупал что-то мягкое. Это была какая-то ткань, и ГП сразу сообразил, что это военный мундир. Его собственный мундир Ваффен СС с офицерскими петлицами сразу бы его выдал, поэтому ГП лихорадочно переоделся, прежде чем выйти на свет божий. Еще в дверях он на всякий случай посмотрел на рукав своей гимнастерки. Там не было эсэсовских нашивок, чего он сильно боялся. Оказалось, что на нем мундир обычного капрала вермахта, поэтому ГП испустил глубокий вздох облегчения. После этого, как и меня, его отправили в лагерь военнопленных. Как ему удалось выйти оттуда, получить нужную одежду и найти место, в котором можно спрятаться в Берлине, это уже совершенно другая история.

После встречи с ГП я направился на Унтер-ден-Линден и Фридрих-штрассе, чтобы посетить место последнего сражения

третьей роты. Там я наткнулся на наши старые, но такие надежные «телеги», хотя теперь они были сломаны, опрокинуты и сожжены. Вокруг них все еще лежали обгорелые тела. Они все были моими товарищами, но теперь уже их было невозможно опознать.

Повсюду все еще лежали горы разбитой немецкой военной техники. Трупы немецких солдат все еще валялись на улице, хотя бои закончились несколько недель назад. Зато тысячи подбитых русских танков были вывезены из города в рекордно короткий срок. Нигде на улицах не было мертвых русских солдат, что являлось своего рода пропагандой, очень даже эффективной.

2 июня мы с ГП двинулись домой. Взяв с собой одеяла, мыло, бритвы, которые нам выдали в дипмиссии, и пару сине-желтых нарукавных повязок, мы с утра пораньше направились на Фербеллинер-плац, так как знали, что именно там обычно проезжают повозки с молоком из Науэна. Как и было запланировано, мы сели в одну из повозок и, бренча, словно две молочные бутылки, покинули Берлин.

Когда мы прибыли в Науэн, там проходил пропагандистский день. Повсюду развевались красные флаги, и гигантского размера портреты Сталина были развешаны вдоль главной улицы, где наша повозка и была остановлена регулировщиком. Гремели барабаны, трубили трубы, им вторили пропагандистские речи и граммофонная музыка из репродукторов, установленных на машинах. Жители города держались на почтительном расстоянии, не показываясь даже пробудившиеся от спячки местные коммунисты. Похоже, они повторили серьезную ошибку, которую сделали недавно коммунисты Берлина. После падения своего города они вытащили свои старые партийные билеты еще 1933 года, нацепили красные повязки и, сияя от радости, отправились на встречу с освободителями. Вот только не подумали, что их могут приветствовать сильными ударами братья-пролетарии из Узбекистана, Казахстана и других частей Красной империи.

В Науэне было слишком много солдат Красной Армии, чтобы мы могли чувствовать себя спокойно. Мы поблагодарили молочника за поездку и двинулись по дороге на Гамбург. В Берлине мы узнали, что пункт переправы через Эльбу находится в Виттенберге, и мы решили направиться именно туда. Первым местом нашей остановки был Зельбеланг, где нам предложили провести ночь в фермерском домике. Ферма была разграблена дочиستا, невозможно было даже представить нечто подобное. Все животные были перебиты, а из домашней утвари фермеру позволили оставить только самое необходимое. Женщины в доме

были в истерике, так как их изнасиловали. Хозяин, который так и остался убежденным национал-социалистом, был несказанно счастлив, что мы провели на его ферме целых два дня. С нашими походными сумками мы с ГП выдавали себя за деревенских докторов.

На третий день мы попрощались с семьей фермера и продолжили наш путь. У нас даже появилось подкрепление в лице 30-летней женщины, присоединившейся к нам! Она направлялась в Гольштейн, откуда была родом. Одной ей было слишком страшно идти, и она присоединилась к нам, попросив защиты. Она была беременна, поэтому мы не могли ей в этом отказать. Конечно, она стала нежеланной обузой, и мы потеряли из-за нее много времени, но мы не могли бросить эту бедную женщину.

После того как мы прошли несколько километров вместе с подопечной, мы встретили колонну немецких солдат, находящуюся под конвоем нескольких солдат Красной Армии. Люди в колонне махали нам, советуя повернуть, потому что впереди опасность. Мы догадывались, почему. Еще до нашего отъезда из Зельбеланга нас предупредили, что впереди будет большое село. Название его я уже не помню, но большевики особенно строго контролировали проход через него. И все-таки, несмотря на все это, мы все шли дальше.

Пройдя несколько сотен метров, мы встретили одинокого русского велосипедиста, который подозрительно поглядел на нас и начал описывать круги вокруг нас, не говоря ни слова. Ситуация становилась напряженной, и с женщиной вот-вот могла начаться истерика. Чтобы разрядить напряжение, ГП подошел к русскому и попросил у него *махорки*. Русский, обезоруженный нахальством ГП, дал ему пригоршню коричневой массы, нажал на педали и умчался прочь. Теперь у нас снова был табак, и нам не приходилось подбирать мерзкие окурки, валявшиеся на дороге. Прежде чем войти в деревню, мы постарались привести себя в порядок и наказали женщине постараться не выглядеть такой испуганной, после чего вздохнули и двинулись прямо в логово льва.

Выйдя на площадь, мы увидели группу солдат Красной Армии, которые мрачно смотрели на нас и даже повернулись, явно намереваясь нас остановить. Мы озадаченно поглядели на них и заговорили чуть громче. «Мы идем по росистым холмам», – раскатилось между домами, и мы начали помахивать руками в такт песне. Сыны степей озадаченно уставились на нас, после чего вернулись обратно к своим бутылкам с водкой.

Мы шли на северо-запад достаточно быстро, оставляя позади

километр за километром. Немного погодя мы решили сделать короткий привал в поле, где росла спаржа, перекусив заодно съедобной частью свежих зеленых ростков. На мой взгляд, эта еда была не самым худшим вариантом! Во время привала мы заметили двух неприятных с виду мужчин, которые подошли к нам, – смуглых, в рваной одежде и грязных. Они уселись рядом и представились турками, недавно освободившимися из концлагеря, куда попали за то, что убили одного или двух немцев, у которых, по мнению освободившихся, было слишком много денег. Наша спутница на всякий случай села немного ближе к ГП.

Мы рассказали нашим неожиданным собеседникам, что по происхождению мы были шведами, но туркам это ни о чем особо не говорило. Я предполагаю, что в школах Турции изучению Швеции и ее жителей много времени не уделяют. Было вполне терпимо «трапезничать» вместе с ними, сидя у края поля, по крайней мере до тех пор, пока мы не смотрели на них. Одноединственного взгляда на их физиономии было бы достаточно, чтоб спаржа, которую мы пытались жевать, превратилась по вкусу в сухую траву и встала поперек горла! Как только выдался подходящий момент, мы попрощались с ними, сказав что-то вроде вежливого «до свидания», взяли наши одеяла и, встав по обе стороны от нашей спутницы, побрели дальше.

В качестве пристанища на ночь мы выбрали дом, интерьер которого выглядел так, будто ему довелось пережить с десяток бомбардировок. Красная Армия всегда все делала качественно! Старая, твердая, незамысловатая мебель, такая как мягкие кровати, столетние шкафы, столы и стулья, украшенные орнаментом и резьбой, были превращены старательными большевиками в кучу дров. Мы привели место нашего ночлега в относительный порядок и расстелили одеяла. В следующий момент в дом вошли уже знакомые нам грабители-убийцы, с которыми мы днем столкнулись в поле! Женщина в тот же миг подскочила, как ужаленная. ГП, на которого она теперь смотрела, как на приемного отца, поспешил успокоить ее, после чего мы взяли наши одеяла и отправились через двор на сеновал в сарае. Ночь прошла спокойно, турки, к счастью, не предпринимали попыток нас убить или ограбить. Но в целях безопасности ГП и я поочередно дежурили с уже неоднократно проверенным «парабеллумом» в руках.

Утром, когда мы спустились во двор, нас ожидала почти идиллическая сцена: два тихих «грабителя-убийцы» готовили суп в неярком свете раннего солнца. Они были в своем прекрасном утреннем расположении духа, что соответствует турецким

обычаем. Ненадолго они отвлеклись от приготовления супа, чтобы набожно встать на колени, повернувшись лицом в направлении Мекки, и помолились, а затем вновь поднялись на ноги и пригласили нас позавтракать. Мы приняли приглашение и не пожалели об этом впоследствии. Турки, конечно, умели готовить! В то время как мы с видимым восторгом уплетали восхитительный суп с луком и овощами, наши хозяева вели беседу, главной темой которой была приятная сторона мусульманского многоженства.

Женщина ела неохотно, и было заметно, что она обеспокоена. Не обращая на нее внимания, мы поспешили закончить с нашим завтраком, быстро доели суп, поблагодарили турок и отправились дальше. К счастью, выяснилось, что у нашей спутницы есть родственники в этих местах, и она хочет остановиться у них на какое-то время. Вероятно, преодоление таких больших расстояний оказалось для нее слишком утомительным. Мы оставили ее у родных в безопасности и продолжили путь, двигаясь теперь намного быстрее.

По пути нам встретила повозка, запряженная волами. Я впервые увидел, чтобы этих животных использовали подобным образом. На повозке сидели русские сержант и офицер. Самоуверенный, как всегда, ГП вышел на середину дороги, остановил экипаж и попросил подвезти нас. Офицер пробормотал что-то невнятное и кивнул в ответ. Мы забрались в повозку и сели рядом с ним. Никогда раньше я не сидел так близко рядом с русским офицером – по крайней мере живым. Пока мы привыкали к мерному и неторопливому шагу волов, офицер неожиданно достал «парабеллум» и принялся бездумно палить из него во все стороны. Сначала мы подумали, что стрелявший сошел с ума, но затем поняли, что он боится нас и пытается запугать своим оружием.

К вечеру мы добрались до Виттенберга. Благодаря тому, что мы путешествовали с двумя солдатами Красной Армии, этот день прошел без каких либо неприятностей. Мы отправились на встречу с комендантом и просили организовать нашу переправу через Эльбу. Нам ответили, что мы могли бы вернуться когда-нибудь «в другой раз».

На площади мы встретили женщину средних лет с нарукавной повязкой, которая оказалась нашей соотечественницей из шведского текстильного городка. Она сказала нам, что мы можем пожить какое-то время вместе с ней и еще одной шведкой и ее мужем-немцем, который также ожидал возможности переправиться через реку. Мы проследовали за нею в дом, где раньше жил русский майор, который недавно попал

в автокатастрофу. Кроме женщин, там оказались еще двое сержантов Красной Армии, которые, как я предположил, являлись своего рода помощниками или слугами майора, поскольку они охраняли его оставшиеся коробки и чемоданы.

В течение четырех дней мы ждали отправления – беспрестанно слонялись по городу или стояли на берегу реки, разглядывая «британскую» сторону. По вечерам мы сидели дома с двумя нашими землячками и говорили обо всем подряд дотемна. Они рассказали нам об ужасном случае, произошедшем со старшей 17-летней дочерью женщины, которую мы встретили ранее.

Мать послала дочь вперед вместе с немецкой девушкой того же возраста. Они добирались пешком от Берлина до Виттенберга. Мимо проехал автомобиль с русскими офицерами, и женщина издала увидела, что машина остановилась прямо рядом с девушками. Их силой заставили сесть в автомобиль, машина тут же быстро уехала. Только на следующий день мать нашла свою дочь, ее изнасиловали, и девушка была абсолютно подавлена морально. В конце концов ее отправили на безопасную «британскую» сторону.

Во время таких вечерних бесед с двумя соотечественницами мы сравнивали наши наблюдения относительно русских и сходились во мнении, что, скорее всего, эти люди страдают от чувства неполноценности по отношению к европейцам, на чью землю они ступили в течение последних дней войны. Несмотря на то что война принесла Германии много страданий и разрушений, русские не могли не сравнивать одежду, быт и более высокие стандарты жизни с ситуацией в их собственной стране. Должно быть, именно это чувство собственной неполноценности заставляло их вести себя именно так, проявляя звериную жестокость, абсолютно неуверенно и мстительно. Женщины рассказали нам, что русский майор, который жил в доме, однажды вечером признался, что на него глубокое впечатление произвело совершенно разное положение женщины в Германии и в Советском Союзе.

– Русская женщина стоит очень низко, а немецкая – очень высоко, – говоря так, он жестами показывал различие социальных уровней.

Последний из наших вечеров в Виттенберге был отмечен крайне неприятным инцидентом. Помощники покойного майора, жившие в доме, смотрели на нас искоса с тех самых пор, как мы здесь поселились. Возможно, это была ревность, поскольку до того, как мы прибыли, они также сидели и болтали на ломаном немецком с нашими землячками. Теперь же они держались

отдельно. Однако тем вечером, где-то около восьми часов, один из них тяжелыми шагами спустился по лестнице и вошел в кухню. Мы все поприветствовали его. Он не ответил и просто шел дальше. Казалось, у него не было никаких других дел, кроме как сердито смотреть на меня и ГП. Стоя в дверях, он еще раз обернулся и послал нам последний злой взгляд, после чего наконец поднялся вверх. Через пять минут он вернулся обратно, теперь на нем была форменная фуражка, а в руках – автомат. Он прошел к парадной двери и, обернувшись к нам, сказал:

– *Kommt, kamerrad, sprraechen!* («Пойдемте, товарищи, есть разговор!»)

ГП спросил, чего он хочет. Мы чувствовали себя, мягко говоря, некомфортно. А его, судя по всему, переполняла ярость.

– *Kommt sprraechen!* – теперь уже совсем теряя самообладание, повторил он, кивком головы указывая на дверь.

Мы ничего не могли сделать, поэтому кивнули женщинам, лица которых смертельно побелели, и вышли из дома. Снаружи стояла кромешная тьма. ГП попытался вразумительно поговорить с бывшим помощником командира, но ничего не вышло. Встав позади, он подталкивал нас автоматом в спину и постоянно повторял: «*Kommandantura!*»

Было жутко идти вот так, в кромешной тьме, с вооруженным солдатом Красной Армии за спиной. Ведь он мог убить нас в любой момент! Мы держались настороже, чтобы вовремя увернуться и обезоружить его. Но ничего такого не потребовалось, и мы невредимыми добрались до комендатуры. В отделе ГПУ нас приняла миловидная украинка, которая бегло говорила по-немецки.

У задней стены на кровати спал крепким сном и храпел огромный человек, при этом он лежал на белой простыне в грязных сапогах. Это был офицер ГПУ. Наш надзиратель не согласился подчиниться женщине и потребовал встречи с командиром. Того разбудили эти препирательства, он поднялся с кровати и подошел к столу. После этого наш конвоир начал свой доклад. Из всего, что он бормотал, мы поняли, что помощник майора хочет расстрелять нас как шпионов, украинка переводила его сбивчивую речь. ГП поспешил ответить на обвинение, предъявив наши документы. Он сообщил, что мы до сих пор имели самое хорошее мнение о Красной Армии, к сожалению, будем вынуждены изменить его, если с нами поступят подобным образом.

Все это закончилось тем, что офицер ГПУ велел нашему конвоиру отправиться к черту, что тот незамедлительно сделал, совершенно сбитый с толку подобным обращением. Мы ушли,

поклонившись, на что украинка ответила кокетливым и теплым взглядом.

В «нашем доме» нас встретили напуганные и отчаявшиеся женщины. Они полагали, что нас казнят на месте. В ту ночь мы решили дежурить с оружием в руках.

Утром, когда мы встретили швейцарскую женщину, которой удалось организовать переправу, она сказала нам, что русские вычеркнули всех шведов и швейцарцев из списка переправляемых через реку в тот день. Однако нам удалось договориться с ней о другом варианте решения нашей проблемы. Мы думали, что все пройдет удачно, поскольку полагали, что большевики часто были невнимательны во время проверок. Два итальянца, которые были в группе переправляемых через реку в тот день, сумели пересечь Эльбу иным способом, и теперь мы решили занять их место. Таким образом, два шведских парня, совершенно непохожие на жителей Средиземноморья, взошли на борт, затерявшись в толпе невысоких смуглых пассажиров, когда офицер ГПУ, стоявший внизу у ворот, закричал: «Итальянцы на борт!»

Теперь, когда мы стояли на палубе парома и видели, как берег с солдатами ГПУ и Красной Армии исчезает вдали, думали: «Мы почти дома».

Нас переполняло чувство свободы, ощущение того, что мы в конце концов вышли из-под огня, ушли от Красной Армии. Мы достигли другого берега реки, где нас радушно приветствовали британские солдаты, говорившие: «Добро пожаловать обратно в цивилизацию!»

Приложения

Звания Ваффен СС

Вообще, правильно говорят, век живи – век учись, потому что каждый раз во вроде бы знакомой теме открываешь для себя что-то новое. Вот и здесь вскрываются кое-какие любопытные детали, узнав которые понимаешь: нельзя прямо сопоставлять систему званий Ваффен СС не только с русской, но даже с немецкой! Звания вермахта были похожи, но прямого соответствия не имелось даже там!

Категория	Наименования званий	Кандидаты на офицерские звания
Mannschaften	СС Шютце (Стрелок)	
	СС Обершютце	
	СС Штурманн	
	СС Ротгенфюрер	
Unterfuehrer	СС Унтершарфюрер	Юнкер
	СС Шарфюрер	Оберюнкер

	СС Обершарфюрер	Штандартенюнкер
	СС Гауптшарфюрер	Штандартеноберюнкер
	СС Штурмшарфюрер	
Untere Fuehrer	СС Унтерштурмфюрер	
	СС Оберштурмфюрер	
	СС Гауптштурмфюрер	
Mittlere Fuehrer	СС Штурмбаннфюрер	
	СС Оберштурмбаннфюрер	
	СС Штандартенфюрер	
	СС Оберфюрер	
Hoehere Fuehrer	СС Бригадефюрер	
	СС Группенфюрер	
	СС Обергруппенфюрер	

Прежде всего рекомендую обратить внимание на названия категорий. Это не привычные для любой армии унтер-, штаб- и обер-офицеры, нет, в СС мы видим градации фюреров (вождей) различного калибра. Причем название категории Unterfuehrer я откровенно затрудняюсь перевести, так и тянет ляпнуть «недофюрер», потому что младший фюрер – это следующая категория Untere Fuehrer. Также примечательно интересное

отличие от вермахта, который внизу линейки имел три категории: рядовые, унтер-офицеры, фельдфебели. В СС таких категорий только две. Ну и советую обратить внимание на оберфюрера, которого иногда ошибочно сопоставляют с бригадным генералом, нет, это, если так можно сказать, «старший полковник», потому что входит в категорию средних, а не высших фюреров.

Организация 11-го разведывательного батальона СС (SS Panzer Aufklärungs Abteilung 11)

Штабная рота

Легкие и средние бронетранспортеры. Взвод связи, имеющий 7 80-ваттных радиостанций и 2 телефона. Посыльный взвод, оснащенный 15 «Кюбельвагенами».

1-я рота

1-й взвод

6 восьмиколесных броневиков (4 – с 20-мм пушками, 2 – с 80-ваттными радиостанциями)

2-й взвод

6 четырехколесных броневиков (4 – с 20-мм пушками, 2 – с 80-ваттными радиостанциями)

3-й и 4-й взводы как 2-й

2-я рота

1-й взвод

4 SdKfz 250/9 с 20-мм пушками, 2 броневика с рациями

2-й, 3-й и 4-й взводы точно так же

3-я рота (шведская)

Три взвода по три отделения, оснащенные полугусеничными транспортерами SdKfz 250/1

4-й (тяжелый) взвод – бронетранспортеры SdKfz 250/7 с 80-мм минометами

4-я рота

Как 3-я рота

5-я (тяжелая) рота

1-й взвод

4 SdKfz 250/1 с буксируемыми 75-мм противотанковыми пушками

2-й взвод

2 SdKfz 250/1 с буксируемыми 75-мм противотанковыми пушками

3-й взвод

Три саперных отделения с SdKfz 250/7, огнеметами, понтонами и надувными лодками

4-й взвод

6 SdKfz 250/9 с 75-мм противотанковыми пушками

Полностью укомплектованный взвод насчитывал примерно 800 человек: по 120 человек в разведывательных ротах и 200

человек в штабной роте. То есть это могло быть довольно сильное подразделение, однако батальон в конце войны испытывал жесточайшую нехватку личного состава.

Примечания

1

Натягиватель струн.